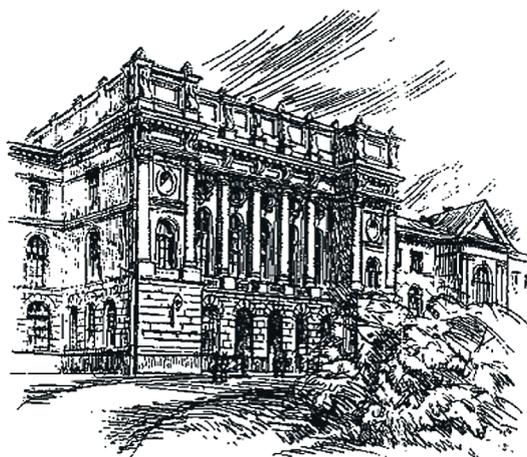

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

---

2 (196) 2014

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2014

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

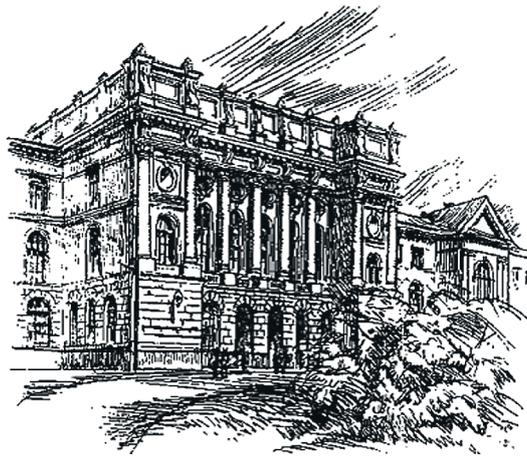
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL

Humanities
and Social Sciences

---

2 (196) 2014

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2014

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Akopova M.A., D.Ed., prof.;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Goryunov V.P., D.Phil., prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Pylin V.V., J.S.D., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© St. Petersburg State Polytechnical University, 2014

Содержание

Политические науки и регионоведение

Евсеева Л.И., Тимерманис И.Е. <i>Коммуникационные процессы в современной политической практике</i>	9
Мартемьянова Е.А. <i>Репрезентация эмоционального климата страны/города в современном английском тексте СМИ</i>	18

Материалы научно-практической конференции «Феномен Евразии: жизненные миры и стратегии идентификации»

Кузнецов Д.И. <i>Чингиз Айтматов – писатель евразийского пространства</i>	25
Гашкова Е.М. <i>Цивилизационная идентичность и культура</i>	32
Данильченко Г.Д. <i>История повседневности в поликультурном дискурсе произведений Ч. Айтматова 1950–1960-х годов</i>	37
Кузнецов В.В. <i>Евразийская идея достоинства</i>	44
Рудская Н.В. <i>К вопросу об актуальности русского Евразийского проекта в новых геополитических реальностях</i>	52
Евграфова Т.Н. <i>К вопросу об этнокультурной идентификации чувашского народа</i>	59
Тимерманис Е.Б. <i>Путь России: сравнительный анализ представлений студентов-политехников...</i>	66
Шипилов А.В. <i>Правовой статус русского языка в новых независимых государствах Центрально-Азиатского региона</i>	70

Исторические науки и археология

Писанова А.К. <i>Модернизация российской высшей школы: проблемы финансирования (К историографии вопроса)</i>	75
---	----

Философские и культурологические исследования

Киселёв А.И. <i>Духовность – сущность человека</i>	83
Малинов А.В. <i>Психологическое направление в социологии (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского)</i>	92
Кабакчи М.К. <i>Северный классицизм в творчестве Ларса Сонка</i>	99

Образование и педагогические науки

Шардыко З.В. Инструменты отбора студентов для обучения в британских университетах.....	110
Назарова С.И., Мелехин В.А. Профессиологическая экспертиза качества общего и профессионального педагогического образования	118
Назарова С.И., Мелехин В.А., Ключкин В.И. Методология диагностики педагогической деятельности в системах общего и профессионального образования	128
Корюкина Е.Е. Пути преобразования терминологии в терминосистему (на примере англоязычной терминологии по кохлеарной имплантации)	138

Contents

Political science and area studies

Evseeva L.I., Timermanis I.E. <i>Communication processes in modern political practice</i>	9
Martemianova E.A. <i>Representation of emotional climate of a country/city in modern English mass media texts</i>	18

Proceedings of the conference

"Eurasia phenomenon: life space and identification strategies"

Kuznetsov D.I. <i>Chingiz Aitmatov as a writer of the Euroasian space</i>	25
Gashkova E.M. <i>Civilizational identity and culture</i>	32
Danilchenko G.D. <i>The record of mundanity in Ch. Aitmatov's polycultural discourse in his literary works referring to the period of the 50–60th of the XX century</i>	37
Kuznetsov V.V. <i>The Eurasian idea of dignity</i>	44
Rudskaia N.V. <i>About the relevance of Russian Eurasian project in the new geopolitical reality</i>	52
Evgrafova T.N. <i>Revisiting the ethnocultural identity of the Chuvash people</i>	59
Timermanis E.B. <i>The Russian way: a comparative analysis of the polytechnic students' perceptions</i>	66
Shipilov A.V. <i>The legal status of Russian in the newly independent states of the central Asian region</i>	70

Historical science and archaeology

Pisanova A.K. <i>Modernization of the Russian higher school: financing problems (Referring to the question historiography)</i>	75
---	----

Philosophical and cultural studies

Kiselyov A.I. <i>Spirituality as fundamental human nature</i>	83
Malinov A.V. <i>Psychological trend in sociology (From the lectures of academician A.S. Lappo-Danilevsky)</i> ...	92
Kabakchi M.K. <i>Nordic classicism in Lars Sonck's creative work</i>	99

Education and pedagogical science

Shardyko Z.V. <i>Tools for the selection of prospective students in British universities</i>	110
Nazarova S.I., Melekhin V.A. <i>Professiological examination of the teacher education quality</i>	118
Nazarova S.I., Melekhin V.A., Klyushkin V.I. <i>Methodology of trouble-shooting in general and vocational education systems</i>	128
Koryukina E.E. <i>The ways of converting terminology into a system of terms (based on English terminology of cochlear implantation domain)</i>	138

УДК 321.7:329.8

Л.И. Евсеева, И.Е. Тимерманис

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

ЕВСЕЕВА Лидия Ивановна – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: l.evseeva@mail.ru

ТИМЕРМАНИС Игорь Евгеньевич – профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор социологических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: 57prof@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблемам социальной адаптации человека в современных условиях информационного давления медийных сетевых структур. Проанализированы коммуникативные технологии общественного регулирования публичной сферы. Обосновывается необходимость использования новых механизмов легитимных форм упорядочения информационно-коммуникативного пространства как ресурса стабилизации политической системы.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА; МЕДИЙНЫЕ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ; КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ; СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ.

Взаимоотношение политики и коммуникационных процессов относится к проблемам, получающим порой неоднозначное теоретическое осмысление. Влияние современных технологий и коммуникации на политическую сферу представляется нам весьма важным, особенно в условиях глобализации и стремительного развития медийных сетевых технологий.

Американский социолог Э. Тоффлер считает, что к исходу XXI века информация и знания станут важнейшими ресурсами власти, а механизмом, контролирующим изменения, будет власть. «Непредсказуемость» будущего отражена в широко известной формулировке Тоффлера – «шок будущего». Именно изме-

нение, быстро идущее в непредсказуемых направлениях, становится основной чертой жизни человечества будущего, и оно непременно будет влиять как на общество в целом, так и на личность. Тоффлер, говоря о тенденциях демассификации СМИ, указал на повышение их интерактивности вследствие внедрения новых сетевых технологий [1].

Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин считают, что современные информационно-коммуникационные технологии существенным образом поддерживают и развивают демократические процессы даже в условиях авторитарных систем, что в условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более

эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан, и что компьютеры, спутниковая телефонная связь, телефаксы наделяют человека властью, а не угнетают его, как этого боялись раньше [2].

Происходящая в современном мире глобальная трансформация индустриального общества в информационно-коммуникационное сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникативных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности [3].

Цель данной статьи – обосновать важность использования информационно-коммуникативных технологий в политической сфере и необходимость регулирования плебисцитарных механизмов, возникающих в условиях глобализации и информационного давления медийных сетевых структур.

Методологическими предпосылками исследования выступают идеи о том, что информационные обмены являются базовыми предпосылками формирования устойчивой политической системы.

Реальность современных социально-экономических отношений требует совершенно новых типов организации, поведения, мотивации и этики. Огромные массы людей объективно нуждаются в таких рецептах поведения, которые позволяют им быстро адаптироваться к новым формам общественной жизни. Получение информации воспринимается массовым сознанием как единственное и надежное средство успеха, как механизм общественного регулирования. Путем передачи сообщений политические субъекты сигнализируют о своем существовании различным контрагентам и устанавливают с ними необходимые контакты и связи, позволяющие им играть различные роли, в том числе и политические.

Целенаправленные контакты между людьми, обладающими разнообразными знаниями, сведениями, сообщениями, соединяют разные уровни политической системы и дают возможность институтам власти выполнять свои специфические функции по управлению обществом. В этом плане информация выступает и

как предпосылка действий любого политического субъекта, и как его важнейший ресурс, позволяющий эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей. Сегодня политическая коммуникация формирует политический мир, функционирующий по своим законам.

В процессе развития электронные технологии стали не только фундаментом управления информацией, но и средством поддержания социальных связей и социального контроля [4]. По утверждению С.В. Тихоновой, в социально-философской рефлексии панорама коммуникационной революции конструируется по трем направлениям: оперирование информацией – виртуальная реальность – социальное взаимодействие [5, с. 53].

В ходе анализа тенденций в экономике, культуре и политике Э. Тоффлер фактически предсказал некоторые технологии, появившиеся спустя двадцать лет после выхода его книги благодаря развитию Интернета (децентрализованное производство по «индивидуальному заказу» через компьютер, телеработа, дистанционное обучение и др.). Общество должно эволюционировать к полностью антибюрократическим властным формам, поскольку свободный, многообразный и неисчерпаемый поток информации обуславливает уничтожение иерархической структуры коммуникаций, порожденной авторитарной организацией власти. Р. Дейберт писал, что поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра социальных ценностей [6].

Процесс глобальной информатизации развивается стремительно и непредсказуемо, опережая теоретическое осмысление ее последствий. Складывающаяся в мире глобальная инфраструктура электронных средств сбора, хранения, обработки и передачи информации – инфосфера – впечатляет своими масштабами влияния на философию человеческих отношений. Если первая (латентная) волна информации периода с конца XIX века по 50-е годы XX века лишь косвенно затронула политическую жизнь общества, то вторая волна фактически создала новую со-

циальную реальность [7]. Знания приобретают ведущую роль в жизни человека, а воздействие людей на информацию постепенно становится основным видом деятельности. Итогом современных социальных перемен, порожденных развитием и конвергенцией информационных и коммуникационных технологий, будет создание общества нового типа – «глобального», или «информационного», в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ. Приобщение к новым информационным технологиям, с одной стороны, будет способствовать взаимопроникновению культур, а с другой – откроет для каждого сообщества и личности новые возможности самоидентификации.

Знание, или систематизированная определенным образом информация, является силой, мощью воздействия которой зависит:

- от содержащегося в ней информационного потенциала;
- технологических, социальных и психологических форм и методов ее передачи;
- степени подготовленности воспринимающего субъекта к ее получению и пониманию.

В демократическом государстве, основанном на принятии важнейших решений большинством голосов, предъявляются повышенные требования к таким потребительским свойствам информации, как достоверность, содержательность, актуальность, доступность для восприятия. Нормативная модель современной демократии строится на фундаменте представлений о гражданине как личности, которая ответственно, сознательно и компетентно участвует в политике. Сама политика является составной частью повышенного динамизма общественных процессов. Это находит свое выражение в быстрой смене ситуаций, неопределенности, непредсказуемости, противоречивости как самих действий и событий, так и их последствий. Отсюда демократический потенциал личности не имеет возможности проявиться без соответствующего образования, знаний, полученных от информационных институтов (образовательных учреждений, СМИ и др.).

Более широкий подход к проблеме коммуникаций дает возможность расширить круг социальных явлений, которые можно назвать «коммуникативными». Это:

- непосредственные формы общения (встречи, митинги, демонстрации, публичные выступления и др.), которые можно подразделять в зависимости от числа людей, осуществляющих личный контакт, целей общения и самого характера общения;

- организованные формы обучения и воспитания (отличаются тем, что планируются и проводятся по определенной программе и, хотя каждая учебная группа имеет ограниченную численность и общий учебный план, дают возможность осуществить одинаковую подготовку большого числа людей). С точки зрения охвата этот вид непосредственных коммуникаций имеет массовый характер, обмен информацией происходит в одном направлении и адресован постоянной, хорошо знакомой аудитории;

- кино, телевидение, радиовещание, Интернет (обеспечивают обмен мыслями, культурной информацией своими специфическими способами, обусловленными техническими особенностями и возможностями). Аудитория их многочисленна, по составу разнообразна и постоянно анонимна, поэтому в каждом отдельном случае совершенно невозможно точно знать, кто будет слушателем той или иной передачи, читателем статьи, книги. Контроль за усвоением передаваемой информации простыми способами здесь также невозможен;

- различного рода культурно-просветительные, развлекательные учреждения. Посещение их связано с известной тратой времени и средств, но они имеют преимущество, особенно важное для молодых людей, – пребывание среди людей, общение с ними.

У Е.П. Савруцкой коммуникации самым тесным образом связаны с их значительной ролью в развитии общества, с «возможностями сохранения культурно-исторического опыта народа, уникальных черт его идентичности и, что самое главное, самовоспроизводства общества как системы» [8, с. 27].

Развитие коммуникативного взаимодействия происходит через преодоление противоречий: во-первых, противоречия между глобализацией и интеграцией общественных процессов, с одной стороны, и индивидуализацией человека, намечающимися тенденциями демассификации средств и систем информации, а следовательно, демассификации личности и культуры – с другой [1, с. 279]; во-

вторых, противоречия между вестернизацией всех сфер общественной жизни и стремлением народов сохранить свои историко-культурные традиции и духовность как основные этнические идентификации; в-третьих, противоречия между потенциальными возможностями новых коммуникативных технологий в накоплении и распространении знаний и традиционными формами гуманитарного общения [9, с. 77–78]. В условиях, когда информационные обмены оказываются базовыми предпосылками развития политических (равно и других общественных) отношений, коммуникации формируют и формируют культурно-политическое пространство, транслируя и заново создавая его базовые и вторичные параметры. В подобной ситуации «власть и влияние» начинают принадлежать тем, кто «способен создавать новые культурные коды, используемые обществом для отражения реальности и выработки сознательных решений» [10, с. 58].

К. Дойч представляет политическую систему как информационно-коммуникационную. По его мнению, политическая система – достаточно сложная сеть информационных потоков и коммуникативных связей, построенная на принципе обратной связи. Целью политической системы является обеспечение постоянного развития и динамического равновесия между интересами всех политических групп. Эффективность функционирования политической системы зависит от количества и качества поступающей информации, уровня тех или иных политических агентов, решаемых задач, особенностей процесса переработки, передачи и хранения цепи сообщений и других факторов, а также состояния ее коммуникационных сетей [11]. Обратная связь играет в системе стабилизирующую роль.

С помощью предложенной информационно-коммуникационной модели можно вполне достоверно оценить реальность политических систем, поскольку они во многом зависят от качества самых разнообразных коммуникаций: передачи информации от управляющих к управляемым объектам и обратно, между блоками политической системы и окружающей средой [12, с. 13].

Смысловой аспект политической коммуникации включает в себя взаимодействие субъектов политики путем обмена информа-

цией в процессе борьбы за власть или ее осуществление и удержание. Он реализуется путем целенаправленной передачи и избирательно-го приема информации, без чего невозможно движение политического процесса. «Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами» [13, с. 67].

В рамках данного подхода проблемы эффективности взаимодействия коммуникатора и реципиента переносятся исключительно на изучение различных каналов, средств и способов передачи информации, содержания сообщений, оставляя процессы восприятия и ответного поведения индивидов фактически вне поля зрения. Ж.-П. Гуревич отмечает, что в конце XX века в странах Запада установилась «телекратическая государственная система», в условиях которой большая политика делается в помещениях телестудий [14].

Посредством коммуникации передаются три основных типа политических сообщений: а) технологические сведения (связанные с установлением и поддержанием контакта между элементами политической коммуникационной системы); б) информативные (реальные или вымышленные сведения, несущие основную смысловую нагрузку передаваемых сведений); в) побудительные (вызывающие желание или понимание необходимости каких-либо действий в соответствии с содержанием полученной информации).

В конце XX века процессы коммуникации вышли на новый уровень – попали в сферу интересов государства. В этих условиях появляются теории коммуникации, которые выстраивают свои приоритеты, опираясь на новые типы информационных возможностей. В частности, М. Маклюэн построил свою теорию, базируясь на нескольких основополагающих идеях. Во-первых, это повышение роли канала коммуникации, обусловленное в ряде случаев характером сообщения. По его мнению, современные средства коммуникации (например, телевидение) передают не столько само сообщение, сколько его автора. Во-вторых, рассмотрение мира как одной глобальной деревни, единство которой достигается за счет СМИ. Под их влия-

нием меняются баланс чувств человека и социальное мировоззрение, исчезает или модифицируется индивидуализм, люди перестают быть отчужденными и разобщенными, т. е. электронные средства общения ведут к созданию нового общества, которое будет «всеохватывающим», требующим участия всех его членов. В-третьих, разделение СМИ на «горячие» и «холодные». Первые полностью «загружают» органы чувств, вторые из-за недостаточной информационной определенности задействуют не все органы чувств. С точки зрения Маклюэна, телевидение является «горячим» средством, радио – «холодным», ибо не вызывает такой высокой степени соучастия аудитории в своих передачах, как телевидение [15, с. 15].

Разрабатывая современную концепцию роли средств массовой коммуникации, исследователи используют концепцию известного немецкого теоретика Ю. Хабермаса относительно публичной сферы – активной, «политически функционирующей». Эта проблема у него предстает как стержневая, в зависимости от которой исследователь ставит другие социокультурные проблемы современности. Выделяя данную сферу, он наделял ее такими свойствами, как гласность, открытость, наличие и действенность общественного мнения, «общественность». Хабермас исходил из того, что впервые «общественная сфера» появилась в Англии в XVII веке и местом возникновения ее были кофейни. Люди собирались там, обсуждали политические вопросы и делали на основании этого выводы, заполняя тем самым общественное пространство между правительством, властью, гражданским обществом. Таким образом, появлялась зона общественного интереса, формирующая «общественную сферу».

Ю. Хабермас выделяет две формы коммуникации: стратегическую и нестратегическую, являющиеся соответственно выражением инструментальной и коммуникативной рациональностей. Первая ориентирована на достижение субъектом целей посредством влияния (воздействия) на других субъектов, вторая – на достижение консенсуса, т. е. согласованности интересов отдельного субъекта с интересами всех остальных участников интеракции. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достиг-

нутое... согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость... В то время как в стратегическом действии один воздействует на другого эмпирически, угрожая применением санкций или рисуя перспективы вознаграждения, чтобы понудить его к продолжению... общения» [16, с. 91–92]. Нестратегические интеракции в зависимости от достижимости консенсуса подразделяются на коммуникативное действие и дискурс как наиболее эффективная форма выражения коммуникативного действия.

Основными чертами современного этапа в мировом информационном пространстве, по мнению многих исследователей, являются его непредсказуемость и высокая скорость технологических инноваций. Несомненный приоритет среди средств массовой коммуникации смещается в сторону электронных медиа, где главенствующую роль играет телевидение. Растут информационные потребности людей, информация превращается в массовый продукт и становится экономической категорией: расширяются инвестиции в данную сферу, всё больше сервисных услуг переходит в режим онлайн.

Новый этап в исследовании экономических и социально-политических особенностей информационного общества связан с именем М. Кастельса. В основе его рассуждений лежит постулат, что информация может легко проникать через любые преграды и границы, отсюда современная эра – это эпоха глобализации, при этом средством и продуктом глобализации общества являются «сетевые структуры». «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение „сетевой“ логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [17, с. 296]. Тенденции глобальных преобразований существенно меняют политические процессы, постепенно модифицируется роль государства. В качестве отправной точки своих рассуждений Кастельс использует глобальную экономику и международные финансовые рынки, видя в них ключевые признаки складывающегося миропорядка. Так, противоречие между глобальностью деятельности транснациональных корпораций и локальностью налогообложения лишает национальное государство пространства для маневра

и реальных рычагов управления. Одновременно падает значение в жизни людей институтов и организаций гражданского общества, которые все больше утрачивают свою «легитимную идентичность» [17, с. 297].

В мире сетевых структур наряду с государством, глобальными «сетями» и индивидами существуют сообщества, которые объединяет «идентичность сопротивления». Подобные сообщества выступают против основной тенденции — глобализации. Для них характерны протестные настроения и минимальная включенность в традиционные гражданские структуры. Кастельс предполагал, что в перспективе некоторые из таких сообществ смогут преодолеть идентичность сопротивления, перейти к «идентичности, устремленной в будущее». Это позволит им создать новое гражданское общество и новое государство. Подобным потенциалом обладают женские и экологические ассоциации, а также религиозные, национальные и территориальные объединения, тем более что территориальная самобытность и рост ее общемировой активности ведет к возвращению на историческую сцену «городов-государств» [18]. Анализируя изменения в традиционном общественном укладе, исследователь выделяет современные информационно-коммуникационные технологии в качестве одного из наиболее значимых факторов в создании нового общественного уклада. По его мнению, усиление сети новых средств информации приводит к тому, что лидерство становится персонализированным, а путь к власти лежит через создание виртуальных имиджей [19, с. 27].

В настоящее время лидерство становится все более персонифицированным и путь к власти лежит через создание его имиджа. Политические деятели вовлекаются в игру, которую ведут СМИ. Растущая изоляция от граждан и периодические скандалы усиливают зависимость политических систем от освещения СМИ и личностных качеств лидеров. Изменяются и властные отношения. Это вызвано в первую очередь кризисом национального государства и той формы политической демократии, которая складывалась в течение последнего времени. Создаются условия для возникновения новой формы государства — «сетевой». Причинами тому являются глобализация, децентрализация властных полномо-

чий, переход их к региональным и локальным правительствам и др.

Политическая система, сохраняя влияние, в определенном смысле лишена власти. В информационном обществе власть оказывается вписанной в культурные коды, на основе которых люди и институты организуют жизнь и принимают решения, в том числе и политические.

Таким образом, сегодня отчетливо ощущается резкое усиление значимости коммуникаций, особенно в политической сфере. Новые информационные технологии меняют качество и структуру предложений на политическом рынке, способствуя небывалому повышению плотности интерактивного взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев. В обществе создаются неформальные плебисцитарные механизмы, в том числе и «сетевые отношения». Последние начинают постепенно становиться едва ли не основным инструментом идентификации граждан, организации и координации политического участия элитарных и неэлитарных слоев общества [20, с. 7].

Информационная ситуация не только не разрушает, но и предполагает способность граждан выбирать нужную им информацию. П. Норрис утверждает, что деятельность современных СМИ, как наиболее важных агентов информационного пространства, порождает три базовых эффекта, обеспечивающие прямую связь между ней и «уровнем гражданской сознательности» населения: «эффект выбора» (т. е. возможность свободного выбора людьми источника информации), «медиа эффект» (обусловленность новостной политикой СМИ заинтересованности людей в политическом и гражданском участии), «эффект взаимодействия» (интерактивный характер общения граждан и СМИ, способствующий возникновению устойчивой зависимости между получением информации и обретением политической гражданской позиции) [21].

Но развитие и распространение информационно-коммуникативных технологий в глобальном масштабе происходит неравномерно и противоречиво. Так, Д. Волтон обращает внимание на то, что Интернет как коммуникативное средство провоцирует всплеск индивидуализма и резкое усиление неравенства. При этом быстрая передача огромного массива информации отнюдь не равнозначна улучшению

качества коммуникации. Интернет в определенном смысле даже «проигрывает» радио и телевидению, которые в гораздо большей степени способствуют установлению и укреплению социальных отношений, обеспечивая простой и равный доступ к информации, создавая широкие возможности для воздействия на общественное мнение [22].

Исследование показало, что влияние на личность — явление сложное и характеризуется тесным переплетением не только сознательно, но и стихийно воздействующих факторов (индивидуальный жизненный опыт, социальные условия существования, социальное окружение и т. д.). Индивид, аудитория не могут рассматриваться как пассивный объект воздействия. Они в принципе относятся избирательно ко всем

видам внешнего воздействия, принимая и усваивая одно и отвергая другое. Объективно очень хороший материал может оказаться на деле гораздо менее эффективным, чем могли ожидать коммуникаторы, политические элиты, общество, владельцы средств массовой коммуникации. Аудитория может просто не воспринимать информацию или же воспринимать искаженно, и в результате вместо «переубеждения» материал будет служить лишним усилителем имеющихся взглядов, отношений, установок, а отсюда и поступков, действий. Трудности адаптации человека к современным условиям требуют разработки новых социальных механизмов стабилизации коммуникативных процессов, поиска новых форм упорядочения информационного пространства политической сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тюфлер Э.** Третья волна. М., 2002.
2. **Нэсбитт Дж., Эбурдин П.** Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. 416 с.
3. **Berger P.L., Luckmann T.** The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. 219 p.
4. **Shypunova O.D.** The Role of Relation to Values Principle in the Social Management Practices. The Existential-Communicatory Aspect // Middle-East J. of Scientific Research. 2014. No. 19 (4). Pp. 565–569.
5. **Тихонова С.В.** Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис. 2007. № 3. С. 53–64.
6. **Deibert R.J.** Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1997.
7. **Boom** in large-size. TV sets continuing. Business Japan. 1988. Vol. 33, no. 10. P. 16–17.
8. **Савруцкая Е.П.** Философия коммуникации в контексте современности // Философия человека: соврем. коммуникат. практики и образование: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РХГА, 2010.
9. **Она же.** Феномен коммуникации в современном мире // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004.
10. **Горбатова Н.В., Станкевич Л.Т.** Информационные технологии. Виртуальные мифы, политическая реальность России // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб., 2001.
11. **Deutsch K.** The Nerves of Government Models of Political Communication and Control. N. Y., 1963.
12. **Idem.** Politische Kybemetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969.
13. **Tiggun.** Kybernetik und Revolte. Zuerich; Berlin, 2007.
14. **Gourevitch J.-P.** La politiqueetses images. P.: Ediling, 1986.
15. **Маклюэн М.** Телевидение. Робкий гигант // Телевидение вчера, сегодня, завтра. 1998. Вып. 7.
16. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.
17. **Кастельс М.** Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 296–297.
18. **Он же.** Становление общества сетевых структур // Там же. С. 300–307.
19. **Он же.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
20. **Соловьев А.И.** Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. 2002. № 6. С. 6–17.
21. **Norris P.** A Virtuous Circle. Political Communication in Postindustrial Societies. L., 2001.
22. **Wolton D.** Internet et Apres. Une Theorie Critique des Nouveaux Media. 2000.

L.I. Evseeva, I.E. Timermanis

COMMUNICATION PROCESSES IN MODERN POLITICAL PRACTICE

EVSEEVA Lidia I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: l.evseeva@mail.ru

TIMERMANIS Igor E. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: 57prof@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problems of social adaptation in the modern context of informational pressure of the media networking. Analyzed are communication technologies of the civic regulation of the public sphere. Rationalized is the need to use new mechanisms of legitimate ways of the information and communication space regulation as a resource to stabilize the political system.

Keywords

THE POLITICAL SISTEM; THE MEDIA POWER STRUCTURE; COMMUNICATION TECHNOLOGIES; SOCIAL ADAPTATION.

REFERENCES

1. Toffler E. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, 2002. (In Russ.)
2. Njesbitt Dzh., Jeburdin P. *Chto nas zhdet v 90-e gody. Megatendencii. God 2000* [What awaits us in the 90s. Megatrends.Year 2000]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 416 p. (In Russ.)
3. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966. 219 p.
4. Shypunova O.D. The Role of Relation to Values Principle in the Social Management Practices. The Existential-Communicatory Aspect. *Middle-East J. of Scientific Research*, 2014, no. 19 (4), pp. 565–569.
5. Tihonova S.V. Kommunikacionnaya revoljuciya segodnya: informaciya i set' [Communication revolution today: information and network]. *Polis*, 2007, no. 3, pp. 53–64. (In Russ.)
6. Deibert R.J. *Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. New-York, Columbia Univ. Press, 1997.
7. Boom in large-size. TV sets continuing. *Business Japan*, 1988, vol. 33, no. 10, pp. 16–17.
8. Savruckaja E.P. [Philosophy Communication in the context of modernity]. *Filosofiya cheloveka: sovremennye kommunikativnye praktiki i obrazovanie* [Philosophy of people: modern communicative practice and education]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2010. (In Russ.)
9. Savruckaja E.P. [Phenomenon of communication in today's world]. *Aktual'nye problemy teorii kommunikacii* [Actual problems of communication theory]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
10. Gorbatova N.V., Stankevich L.T. [Information Technology. Virtual myths political reality in Russia]. *Gumanitarnye tehnologii i politicheskij process v Rossii* [Humanities technology and political process in Russia]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
11. Deutsch K. *The Nerves of Government Modesl of Political Communication and Control*. New York, 1963.
12. Deutsch K. *Politische Kybemetik: Modelle und Perspektiven*. Freiburg, 1969.
13. Tiggun. *Kybernetik und Revolte*. Zuerich, Berlin, 2007.
14. Gourevitch J.-P. *La politiqueetses images*. Paris, Ediling, 1986.
15. McLuhan M. [Television. Timid Giant]. *Televidenie vchera, segodnya, zavtra* [Television yesterday, today and tomorrow]. Moscow, 1998. Pt. 7. (In Russ.)
16. Habermas Ju. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. (In Russ.)
17. Castells M. [The power of identity]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [A new wave of post-industrial West]. Moscow, 1999. Pp. 296–297. (In Russ.)

18. Castells M. [Formation of society networking]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New wave of post-industrial West: An Anthology]. Moscow, 1999. Pp. 300–307. (In Russ.)

19. Castells M. *Informacionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. (In Russ.)

20. Solov'ev A.I. [Communication and Culture: policy contradictions field]. *Polis*, 2002, no. 6, pp. 6–17. (In Russ.)

21. Norris P. *A Virtuous Circle. Political Communication in Postindustrial Societies*. London, 2001.

22. Wolton D. *Internet et Apres. Une Theorie Critique des Nouveaux Media*. 2000.

УДК 81'42

Е.А. Мартемьянова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КЛИМАТА СТРАНЫ/ГОРОДА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ СМИ

МАРТЕМЬЯНОВА Екатерина Андреевна – аспирант *Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
e-mail: ekaterinamart@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена репрезентации эмотивных ситуаций с множественным субъектом состояния в современном англоязычном тексте СМИ. Выделены типы эмотивных ситуаций, а также проведен подробный анализ репрезентации одного из типов – эмоционального климата страны/города. Описаны лексические, грамматические и стилистические средства репрезентации эмоционального климата враждебности и неудовлетворенности.

Ключевые слова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ; ЭМОЦИЯ; ЭМОТИВНОСТЬ; ЭМОТИВНАЯ СИТУАЦИЯ; МНОЖЕСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ СОСТОЯНИЯ; ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КЛИМАТ.

Изучение репрезентации эмоций в языке не может быть полным без учета условий функционирования эмотивных единиц, поэтому исследователи все чаще обращаются к тексту. Возрастание интереса к репрезентации эмоций в тексте привело к появлению специальной лингвистической дисциплины – эмоциологии текста. Большой вклад в разработку данной дисциплины внесли работы О.Е. Филимоновой и руководимых ею аспирантов, обучавшихся на кафедре английской филологии РГПУ им. А.И. Герцена.

Основопологающей категорией эмоциологии текста является текстовая категория эмотивности. Поскольку эмоции – это психическое явление, исследование функционирования данной категории наиболее продуктивно проводить с позиций когнитивной лингвистики, в проблематику которой входит соотношение языковых форм с их ментальными репрезентациями [1]. О.Е. Филимонова определяет эмотивность как полистатусную когнитивную категорию [2]. Полистатусность данной категории наиболее отчетливо проявляется в тексте, интегрирующем различные категориальные проявления эмотивности (фонологический,

лексический, уровень предложения и текста). Термин «когнитивность» «акцентирует внимание на обобщенно-типологизирующем аспекте трактовки данного языкового явления» [Там же. С. 17]. О.Е. Филимонова отмечает, что полистатусный характер категории предполагает изучение в диалектическом единстве многообразия лексических, грамматических и стилистических средств, реализующих категорию эмотивности в самых разнообразных ситуациях общения. Это можно осуществить с позиций той версии когнитивизма, которую Е.В. Кубрякова назвала «когнитивно-дискурсивной» [3, с. 7]. Преимущества когнитивно-дискурсивной парадигмы для изучения текстовых категорий, одной из которых является категория эмотивности, отмечает также И.А. Щирова [4]. Такой подход обусловлен не только сложной организацией текста, но также различием языкового, интеллектуального, эмоционального и эстетического опыта автора и читателя, их зависимостью от историко-культурного контекста, что в совокупности программирует множественность интерпретаций текста [Там же. С. 110].

«Поскольку когнитивный подход к исследованию языка предполагает изучение его ре-

ального существования и функционирования, то он обуславливает наличие в анализе места для конкретного индивидуума, вступающего в общение с другим индивидуумом в рамках реального времени и пространства, т. е. наличие ситуации» [5, с. 42]. Изучение репрезентации эмоций в языке проводится в основном с опорой на понятие эмотивной ситуации, т. е. реальной или воображаемой ситуации, в которой субъект испытывает определенные эмоции. В большинстве работ на данную тему не проводится разграничения эмотивных ситуаций по количеству субъектов, испытывающих эмоции. Анализ обычно подвергаются ситуации, в которых носителем эмоционального состояния является единичный субъект – автор текста или герой художественного произведения. О.Е. Филимоновой была обоснована необходимость изучения репрезентации эмотивных ситуаций с множественным субъектом состояния (далее – МСС), т. е. таких ситуаций, в которых носителем эмоционального состояния является группа людей [6, с. 287].

Ранние обращения к данной теме позволили выделить типы эмотивных ситуаций с МСС, а именно: эмоциональный климат страны/города, эмоциональная обстановка в замкнутом помещении и ситуации, в которых определенная группа людей испытывает эмоции, находясь в одном и том же месте в одно и то же время. Исследование репрезентации эмотивных ситуаций с МСС проводилось на обширном практическом материале, который составили тексты электронных версий англоязычных СМИ, расположенные на сайтах <http://www.nbcnews.com>, <http://www.cnn.com>, <http://www.bbc.co.uk>, <http://www.thestar.com>, <http://www.bigstory.ap.org>, <http://www.dailymail.co.uk> и др.

Цель данного исследования – выявление лексико-грамматических, а также стилистических средств репрезентации эмоционального климата страны/города в современном англоязычном тексте.

Эмоциональный климат – это термин социологии, обозначающий эмоциональную характеристику общества. Данный термин был введен американским исследователем в области социальной психологии Джозефом де Риверой. Эмоциональный климат зависит от политической, религиозной, экономической обстановки и может меняться в рамках одного поколения.

Эмоциональный климат воздействует на каждого жителя и характеризует общество, представленное взаимоотношениями его членов. Он также отражает политическую сплоченность общества и его культурную самоидентификацию. Название эмоциональному климату присваивается в соответствии с доминирующей эмоцией или доминирующими в обществе эмоциональными отношениями [7]. Так, Джозеф де Ривера приводит следующие типы эмоционального климата: страх (fear), безопасность (security), нестабильность (instability), уверенность (confidence), неудовлетворенность (dissatisfaction), враждебность (hostility), сплоченность (solidarity) и надежда (hope) [Там же].

Анализ репрезентации эмоционального климата страны/города в тексте СМИ за последние три с половиной года позволил выявить репрезентацию следующих разновидностей эмоционального климата: враждебность (hostility) и неудовлетворенность (dissatisfaction).

Одним из способов обозначения эмоционального климата страны/города является использование таких лексем, как *sentiment, mood, temper, background, sense, feeling, wave*. Подробная характеристика эмоционального климата осуществляется посредством использования прилагательных *widespread, public, national, worldwide, global*, существительных *region, village, city, country*, номинацией конкретного места, а также указанием на национальность МСС.

Однако наиболее распространенным способом обозначения эмоционального климата страны/города является номинация доминирующей в обществе эмоции. Чаще всего это осуществляется посредством постановки лексем, номинирующей эмоцию, в позицию подлежащего:

Discontent is smoldering in Italy over high unemployment, political paralysis and 60 billion euros (\$83 billion) of austerity measures that have raised taxes and the cost of health care [www.nbcnews.com].

Такая грамматическая конструкция обращает внимание читателя на эмоциональное состояние общества, а также позволяет описать характер его изменения.

Репрезентация эмоционального климата враждебности (hostility). Анализ практического материала за 2011–2013 годы показал, что климат враждебности установился в таких стра-

нах, как Сирия, Египет, Греция, Афганистан, Пакистан, Босния, а также в крупнейших столицах мира во время глобального протестного движения «Occupy Wall Street».

Непосредственное указание на враждебность осуществляется с помощью приставки *anti-*, употребляемой с прилагательными, характеризующими эмоциональный настрой общества. Например:

The incident underscored a swing in the national mood towards a more anti-Taliban stance, a shift that comes as suicide attacks have surged and the military wages an offensive in the Swat valley [www.dawn.com];

Blair also dismissed the latest increase of anti-American sentiment being felt throughout the Middle East, mainly in the form of protests [www.today.com].

Репрезентация климата враждебности может быть опосредованной, т. е. выявляться из контекста. В таких случаях автор использует метафорические выражения, например: *to cool tempers, the key battleground in a vicious civil war, the bloodiest month, desperate times, volatile street* и др.

Лексемами, обозначающими доминирующую в обществе эмоцию, обычно являются: *anger, rage, outrage, fury, wrath* и их производные формы, такие как *outraged, angered, angry, furious* и др. При этом наиболее частотной является лексема *anger*. Необходимо отметить, что данные лексеммы номинируют разную степень интенсивности одной эмоции. При репрезентации климата враждебности также используются лексеммы, номинирующие форму общественно-поведения, например: *unrest, protest, violence, backlash* и др.

Репрезентация климата враждебности может осуществляться с помощью конструкции *there is/are*. В этом случае автор обращает внимание читателя на причину или последствия эмоционального состояния общества. Например:

There was also widespread anger that the U.S. withheld support for opponents of Hosni Mubarak's regime until it became apparent the ruler would fall [www.nbcnews.com].

Однако в большинстве случаев автор текста не только номинирует эмоциональный климат страны/города, но также указывает на особенности наступления или протекания эмоционального состояния общества. Интенсивность эмоционального состояния

чаще всего репрезентируется с помощью метафорического сравнения гнева с огнем или бедствием. Примерами могут служить следующие фрагменты:

Protesters across Bosnia set fire to government buildings and fought with riot police on Friday as long-simmering anger over lack of jobs and political inertia fuelled a third day of the worst civil unrest in Bosnia since a 1992–95 war [www.news.msn.com];

Unrest has plagued Port Said since the death sentences were first handed down to the Al-Masry supporters in January, with locals fighting pitched battles with police [www.nbcnews.com];

Morsi ignited a storm of unrest in his bid to prevent a judiciary still packed with appointees of ousted predecessor Hosni Mubarak from derailing a troubled political transition [www.nbcnews.com].

Наступление и протекание эмоционального состояния враждебности репрезентируется как прямым лексическим указанием (например: *the beginning of the anger, violence has continued to escalate, spiraling violence, anger grows*), так и грамматически, а именно изменением формы глагола:

The Muslim Brotherhood, which propelled Morsi to office, said in a statement that "corrupt people" and media who were biased against the president had stirred up fury on the streets [www.nbcnews.com];

President Mohammed Morsi recently granted himself unprecedented power, leaving many Egyptians furious. NBC's Richard Engel reports [www.nbcnews.com];

For their part, lawmakers used Facebook and Twitter to reiterate long-held talking points, further angering dissenting voters [www.bigstory.ap.org].

Таким образом, репрезентация эмоционального климата враждебности характеризуется многообразием лексико-грамматических средств. Несмотря на информативный характер текста СМИ, автор использует метафорическое сравнение для придания образности повествованию. Необходимо отметить, что репрезентация эмоционального климата представлена не только в тексте статьи, но также выносится в ее название.

Репрезентация эмоционального климата неудовлетворенности (dissatisfaction). Репрезентация климата неудовлетворенности в тексте СМИ встречается относительно редко, однако она обладает характерными особенностями.

В отличие от репрезентации климата враждебности репрезентация данного эмоционального состояния отличается семантическим разнообразием номинирующих его лексем, а именно: *discontent, frustration, disgust, worries, anxiety, jitters, fatigue, futility, despair, desperation* и др. Неудовлетворенность — максимально обобщающее понятие. Нередкой является комбинация нескольких лексем в одном предложении, например:

In crisis-ravaged Athens, where big protests have seen violence at times of late, a sense of fatigue and futility may limit numbers Saturday [www.nbcnews.com];

This feeling of failure and loneliness is at the very heart of acts of desperation among the business community in Italy [www.nbcnews.com].

При этом номинированные эмоции могут кардинально отличаться по своей семантике. Также встречается противопоставление эмоций, испытываемых разными группами одного общества.

Some have stuck to the old Italian script, griping about the government measures at the local cafe over a cappuccino and hoping for better times. But others have seen no way out, and have opted for death [www.nbcnews.com];

And what about the constitution itself? As it rolls off a government website, it appears to be in every way the expression of a pro-Islamist society about half the nation hoped for, and the other half feared [www.nbcnews.com].

Разнообразие касается только лексической составляющей текста, с точки зрения грамматики структуры однотипны. Лексема, номинирующая эмоцию, обычно стоит в позиции подлежащего. Качественная характеристика эмоционального состояния в большинстве случаев отсутствует.

Как и при репрезентации климата враждебности, в данном случае также встречается конструкция *there is/are*:

In the run-up to the London Olympics there were a lot of jitters about security and tickets. There was a national sense of anxiety, which seemed to lift the moment Elgar's Nimrod began floating over the rolling green pastures of Danny Boyle's bizarre set [www.bbc.com].

Однообразие грамматических структур восполняется образностью повествования. Эмоциональное состояние репрезентируется автором как некая волна, направленная сила. Например:

Discontent is smoldering in Italy over high unemployment, political paralysis and 60 billion euros (\$83 billion) of austerity measures that have raised taxes and the cost of health care [www.nbcnews.com];

Lisa Deaton, a tea party leader from southern Indiana, said she sees some similarities between how the tea party movement and the Wall Street protests began: "We got up and we wanted to vent." But the critical step, she said, was taking that emotion and focusing it toward changing government [www.nbcnews.com];

The roiling debate over the U.S. government shutdown is extending to Twitter, Facebook and Instagram as fed-up Americans turn to social media to register their disgust with federal lawmakers for shutting down the government [www.bigstory.ap.org].

Репрезентации эмоционального климата неудовлетворенности статья редко бывает посвящена целиком. В большинстве случаев примеры репрезентации климата враждебности и климата неудовлетворенности содержатся в одной и той же статье. Это, вероятно, свидетельствует о том, что эмоциональный климат общества находится в переходном состоянии. Эмоциональное состояние неудовлетворенности зачастую предшествует враждебности. Анализ практического материала показывает, что такая ситуация была характерна для Рима и Нью-Йорка незадолго до начала глобального протестного движения «Occupy Wall Street», для Египта во время политических изменений, для Греции во время экономического кризиса в 2012 году. Встречаются редкие примеры непосредственной репрезентации переходного периода эмоционального состояния общества:

The public outcry playing out on social media sites this week is a new twist [www.bigstory.ap.org];

Greece is caught between rage and despair [www.bbc.co.uk].

Однако такой переход не является обязательным, примером чему могут служить статьи, посвященные социальной атмосфере в Африке и предолимпийской подготовке в России в 2013 году.

Репрезентация эмоционального климата враждебности и неудовлетворенности часто включает номинацию эмоции страха. Носителями данного эмоционального состояния могут быть как общество в целом, так и его

отдельные социальные группы. В результате анализа практического материала была выявлена только одна лексема, номинирующая эмоцию страха в тексте СМИ, – *fear*. Однако репрезентация данного эмоционального состояния представлена разнообразием грамматических конструкций. Лексема *fear* в статьях на общественно значимые темы употребляется и в значении страха, и в значении опасений, испытываемых группой людей.

Репрезентация эмоции, испытываемой обществом в целом, осуществляется с помощью конструкции *there is/are*, постановки номинирующей эмоции лексемы в позицию подлежащего, а также использования прилагательных, обозначающих национальность множественного субъекта, например:

Few believe the Boko Haram terrorist network has such capability though there are fears its insurgency could spread to neighboring states [www.bigstory.ap.org];

Fear of an attack on the Sochi Games has fueled Putin's strict security agenda and brought U.S. warships to the region [www.news.msn.com];

It will be, too, for all those worried the games will be a target for terrorism, fears of which were stoked during the ceremony itself when a passenger aboard a flight bound for Istanbul said there was a bomb on board and tried to divert the plane to Sochi [www.news.msn.com];

Morsi added that the decree halting court challenges to his decisions, which provoked protests and violence from Egyptians fearing a new dictator was emerging less than two 2014s after they ousted Hosni Mubarak, was "for an exceptional stage" [www.nbcnews.com].

В случае, когда носителем эмоционального состояния является определенная социальная группа описываемого общества, репрезентация эмоции страха осуществляется посредством указания субъекта состояния (например: *liberals, critics, women's rights groups* и т. д.) и постановки лексемы *fear* в позицию сказуемого или дополнения:

Women's rights groups also fear the growing power of Islamist groups will lead to new restrictions [www.nbcnews.com];

The long-awaited Mubarak verdict deepened fear among many pro-democracy campaigners that recent developments are reversing Egypt's emergence from decades of autocratic rule [www.nbcnews.com].

Анализ текста СМИ не выявил в нем репрезентации эмоционального климата страха. Указанные примеры носят характер единичных комментариев автора текста и лишь дополняют репрезентацию эмоционального климата враждебности или неудовлетворенности.

Таким образом, анализ современных англоязычных статей на социальные и политические темы позволил выявить особенности репрезентации двух разновидностей эмоционального климата страны/города в тексте СМИ, а именно климата враждебности и климата неудовлетворенности. Общим является использование лексем, указывающих на наличие эмоционального климата, а также его локализация с помощью прилагательных. Наиболее распространенный способ репрезентации эмоционального климата страны/города – номинация доминирующей в обществе эмоции.

Репрезентация климата враждебности характеризуется однообразным набором лексем, номинирующих разную степень интенсивности эмоции *гнев (anger)*, при этом используются различные грамматические конструкции. Нередкими являются примеры обозначения доминирующей формы общественного поведения. Стилистические средства включают метафорическое сравнение гнева с огнем или бедствием. Репрезентация данного эмоционального состояния общества также содержит лексическое или грамматическое указание на его наступление и характер протекания.

Репрезентация эмоционального климата неудовлетворенности, напротив, отличается семантическим многообразием лексем, номинирующих эмоциональное состояние общества, и однотипными грамматическими конструкциями. Постановка лексемы в позицию подлежащего позволяет представить эмоцию в качестве направленной силы, придавая образность повествованию.

Анализ практического материала показал, что статьи на социально значимые темы нередко репрезентируют переходный период эмоционального состояния общества. В таком случае текст содержит репрезентацию и климата враждебности, и климата неудовлетворенности. Помимо этого репрезентацию обоих разновидностей эмоционального климата страны/города объединяет включение кратких комментариев автора о чувстве страха, испытываемого обще-

ством в целом или его конкретными социальными группами. Это осуществляется посредством использования лексемы *fear*, которая употребляется и в значении страха, и в значении опасений, испытываемых определенной группой людей.

В дальнейшем представляется необходимым выявить особенности репрезентации эмоционального климата страны/города в других типах текста с целью сравнения полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4–10.

2. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2001. 44 с.

3. Кубрякова Е.С. В начале XXI века (Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков) // Когнитивная семантика: материалы 2-й Междунар. школы-семинара. Ч. 1. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. С. 6–7.

4. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб.: Кн. дом, 2007. 472 с.

5. Архипов И.К. Язык и языковая личность: учеб. пособие. СПб.: Кн. дом, 2008. 248 с.

6. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учеб. пособие. СПб.: Кн. дом, 2007. 448 с.

7. Rivera de J. Emotional Climate: Social Structure and Emotional Dynamics // Int. Rev. of Studies on Emotion. 1992. No. 2. Pp. 197–218.

E.A. Martemianova

REPRESENTATION OF EMOTIONAL CLIMATE OF A COUNTRY/CITY IN MODERN ENGLISH MASS MEDIA TEXTS

MARTEMIANOVA Ekaterina A. — *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moyka, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: ekaterinamart@mail.ru

Abstract

The article deals with representation of emotive situations with the multiplicative state subject of in modern English mass media texts. Distinguished are types of emotive situations. Conducted is the detailed analysis of representation of one of the types – namely, the emotional climate of a country/city. Described are lexical, grammatical and stylistic representation means of the emotional climate of anger and dissatisfaction.

Keywords

REPRESENTATION; EMOTION; EMOTIVITY; EMOTIVE SITUATION; MULTIPLE SUBJECT OF STATE; EMOTIONAL CLIMATE.

REFERENCES

1. Kubryakova Ye.S. [About cognitive linguistics and semantics of the term “cognitive”]. *Voronezh State University J.: Linguistics and cross-cultural communication*, 2001, no. 1, pp. 4–10. (In Russ.)
2. Filimonova O.Ye. *Kategoriya emotivnosti v angliyskom tekste (kognitivnyy i kommunikativnyy aspekty)*. Avtoref. dokt. dis. [Category of emotivity in English text (cognitive and communicative aspects). Abstr. doct. diss.]. St. Petersburg, 2001. 44 p. (In Russ.)
3. Kubryakova Ye.S. [At the beginning of the XXI century (Thinking of fates of cognitive linguistics at the turn of the century)]. *Kognitivnaya semantika. Materialy 2 Mezhdunarodnoy shkoly-seminara*. [Cognitive semantics. Proc. of the 2nd int. school-seminar]. Of vol. 1. Tambov, Tambov State University Publ., 2000. Pp. 6–7. (In Russ.)
4. Shchirova I.A., Goncharova Ye.A. *Mnogomernost' teksta: ponimaniye i interpretatsiya* [Multidimensionality of text: understanding and interpretation]. St. Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2007. 472 p. (In Russ.)
5. Arkhipov I.K. *Yazyk i yazykovaya lichnost'* [Language and linguistic personality]. St. Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2008. 248 p. (In Russ.)
6. Filimonova O.Ye. *Emotsiologiya teksta. Analiz reprezentatsii emotsiy v angliyskom tekste* [Emotiology of text. Analysis of representation of emotions in English text]. St. Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2007. 448 p. (In Russ.)
7. Rivera de J. Emotional Climate: Social Structure and Emotional Dynamics. *Int. Rev. of Studies on Emotion*, 1992, no. 2, pp. 197–218.

**Материалы научно-практической конференции
«Феномен Евразии: жизненные миры
и стратегии идентификации»***

УДК 332.101.1

Д.И. Кузнецов

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ – ПИСАТЕЛЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Иванович — *заведующий кафедрой философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор философских наук, профессор.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: dkuznec@list.ru

Аннотация

Статья посвящена творчеству Чингиза Айтматова в контексте евразийской культуры. Рассмотрены основные вехи в творчестве знаменитого писателя и его роль в современном евразийском пространстве. Сделан акцент на философское осмысление творчества Ч. Айтматова в рамках духовно-нравственных традиций и национальных обычаев тюркских народов, оказавших особое влияние на весь евразийский этнос.

Ключевые слова

КУЛЬТУРА; ЕВРАЗИЯ; КЫРГЫЗСТАН; ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ; АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР; ЧИНГИСХАН; ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Сегодня на постсоветском пространстве идея евразийства, впервые сформулированная в начале 20-х годов прошлого столетия Петром Николаевичем Савицким и Николаем Сергеевичем Трубецким, находит все больше и больше сторонников. Одним из главных моментов в формировании евразийской концепции стала ее направленность против претензий европейской культуры на универсальный характер, которая лишала неевропейские народы и автотонные культуры их творческого потенциала.

По мнению евразийцев, каждая культура представляет собой самостоятельную ценность и не может рассматриваться как низшая или высшая по отношению к другой культуре. Поэтому правильная постановка задачи заключается не в погоне за якобы передовыми народами, а в самопознании. «Познай себя» и «Будь самим собой» — вот те постулаты, которые определили поиски евразийцев. И, несомненно, одним из самых выдающихся представителей этого направления в литературе стал писатель Чингиз Айтматов. Киргиз по отцовской линии и татарин по материнской, писавший на киргизском и русском языках, живший в Киргизии и России, часто бывавший в Казахстане, Бенилюксе, умерший в Германии, — человек поистине евразийского масштаба. Да и его литературные герои живут не только в Киргизии, но и в Казахстане, Узбекистане, России, Японии, на всем евразийском пространстве, которое, к

---

* Конференция проходила 22 ноября 2013 года в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете в рамках форума «Дни философии в Санкт-Петербурге-2013. Философия познания и творчество жизни» (руководители: акад. РАН Ю.С. Васильев; д-р филос. наук, проф. А.А. Грякалов; д-р филос. наук, проф. Д.И. Кузнецов).

сожалению, с геополитической точки зрения так еще до конца и не определено. Некоторые полагают, что Евразия начинается в Восточной Европе и заканчивается на Сахалине. Другие считают, что Евразия – это территория от Лиссабона до Токио. Но как бы там ни было, все эти области сегодня подвергаются очень сильному культурному проникновению с разных сторон. Несомненно, все мировые культуры без исключения подвергаются весьма значительному англосаксонскому влиянию. Но нельзя сказать, что другие культуры не влияют на англосаксонскую идентичность. Самым ярким представителем киргизской культуры в современном мире можно назвать Чингиза Айтматова, родившегося 12 декабря 1928 года в селе Шекер (сейчас это Таласская область Кыргызстана).

В 1952 году вышли в свет его первые рассказы. Написаны они были на киргизском языке. С 1956 по 1958 год Чингиз Айтматов – студент Высших литературных курсов в Москве. В 1957 году в журнале «Ала-Тоо» была напечатана его повесть «Лицом к лицу» на киргизском языке. В том же году журнал «Новый мир» опубликовал на русском языке повесть «Джамиля», рассказывающую о молодой девушке, муж которой воюет с немецко-фашистскими захватчиками на фронте. Во Франции повесть перевел и издал Луи Арагон, а в странах, говорящих на немецком языке, на сегодняшний день она переиздана уже 37 раз. Именно эта повесть принесла тридцатилетнему писателю мировую славу. И не случайно! В образе Джамили мир увидел киргизскую Анну Каренину. Да, в другом ландшафте, в другом культурном контексте, в другой социально-политической атмосфере, но в абсолютно понятном гендерном измерении, когда прошлое (традиции) должно уступить будущему (модерну). В данной топологической ситуации женщина сама выбирает свой жизненный путь. Если экстраполировать диалектику развития таких женщин, как Анна Каренина или Джамиля, то мы увидим, что именно благодаря их неумным характеристикам женщины в XX веке добились всеобщего избирательного права.

Практически во всех ранних произведениях Чингиза Айтматова присутствует любовь. По его словам, только любовь делает человека благородным, а жизнь – осмысленной. По мнению писателя, мир стоял и будет стоять только

на любящих и любимых. А настоящая, большая любовь только одна – истинная страсть. Всё остальное – любовь-дружба, любовь-долг, любовь-уважение – эрзац любви. И это не только подсознательно, но и реально понимают его главные герои, в том числе и Джамиля.

После повести «Джамиля» были изданы «Верблюжий глаз» (1960), «Первый учитель» (1961), «Материнское поле» (1963), сборник «Повести гор и степей» (1963), за который писатель получил Ленинскую премию. Все эти произведения печатались как на русском, так и на киргизском языке. В 1965 году на киностудии «Мосфильм» повесть «Первый учитель» была блестяще экранизирована кинорежиссером Андреем Кончаловским. Миллионы кинозрителей не только в нашей стране, но и во всем мире увидели, в каких тяжелейших условиях в начале 20-х годов прошлого столетия шел образовательный процесс в молодом Советском государстве. На примере одного киргизского аила Айтматов показал всю сложность философской проблемы в области образования, с которой столкнулась 170-миллионная страна с почти поголовно неграмотным населением. Главный герой повести учитель Дюйшен – малограмотный человек, однако как страстно он хочет, чтобы его ученики стали грамотными. И он своего добивается! Его ученики становятся видными учеными и докторами наук.

Страсть, по Чингизу Айтматову, может победить всё, тем более если она кипит в людях – наследниках Великой степной азиатской империи. Школьный учитель Дюйшен, который сам себя назначил учителем и по своей инициативе стал учить детей в далеком киргизском аиле, – это человек, совершающий ежедневный подвиг ради процветания государства и общества. При этом писатель воспекает не систему, в которой живет главный герой, а сильную человеческую личность. Антропологический фактор в произведениях Айтматова всегда имеет самое важное, первостепенное значение. Антропология события во многих произведениях писателя носит синтетический характер и раскрывает смысл в соотношении предметного и символического рядов. Каждый жест, каждое движение, каждое слово его литературных героев имеет свой особый, иногда даже замаскированный символический смысл, понять и оценить который можно только глубоко зная и понимая культу-

ру киргизского народа. При этом невозможно исследовать в полной мере литературное творчество писателя, не обращая внимания на его философские идеи, зашифрованные в художественной структуре рассказов, повестей и романов. Писатель часто подчеркивает событийное единство «духа» и «плоти» – физическое окружение («природа территории») и «плотская сторона» существования предстают как корреляты «иерархии личностей». Иногда отталкиваясь от исторических событий, но большей частью – от современности, он осмысливает философию жизни через богатейшие духовно-нравственные традиции, национальные обычаи тюркских народов, показывая тем самым их огромный потенциал, который можно и нужно передать будущему поколению. При этом вопрос о первичности детерминации, как правило, остается в стороне («вынесен за скобки»). Психофизическое целое рассматривается в соединении с физическим окружением личности: описательное исследование представляет совмещение проекций. Совокупное усиление географии, антропологии, археологии, этнографии, статистики и истории искусств совмещено с историософией, этнософией и геософией так, чтобы представить функциональную многомерность личности. Научный и философский синтез не задан, а дан в процессе дескрипции, когда само знание становится особого рода событием согласования, где сохранены различия и динамические инверсии [1, с. 52]. Под пером Айтматова события сами вырастают из жизненной стихии и выкристаллизовывают героев. Как и произошло в повести «Первый учитель».

Мало кто из писателей так глубоко и широко раскрыл современную жизнь Средней Азии XX века, как Чингиз Айтматов в своих произведениях «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «Материнское поле», «Повести гор и степей». Писатель очень точно на примерах из прошлого показывает, как вчерашний день актуален для современности – это связь поколений, времен, единство эпох. Об этом повествует и легенда о манкурте – взятом в плен человеке, превращенном в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни. Айтматов очень точно подмечает реалии современной эпохи, когда человечество перестает помнить о своем прошлом и не стремится к лучшему и справедливому буду-

щему, довольствуясь только повседневностью. Определенно данные обстоятельства являются результатом отрыва от духовной культуры своих народов и традиций многовековой истории кочевого социума. По словам доцента кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумелева Думана Айтмагамбетова, эту тенденцию можно отнести и к казахскому народу, так как Чингиз Айтматов жил рядом с казахским аилом и творчество великого писателя всегда было связано с казахским народом. Многие герои в его произведениях – казахи, что и неудивительно, так как на протяжении многих десятилетий киргизы и казахи находились в постоянном взаимодействии, в близком культурном общении, имели тесные экономические и культурные связи. Сама жизнь Чингиза Айтматова – это яркая страница казахско-киргизской интеграции [2, с. 36–38].

Одним из интереснейших произведений великого киргизского писателя, вплотную затрагивающего проблему евразийства, является роман «И дольше века длится день...», напечатанный в 1980 году в журнале «Новый мир», а затем в журнале «Роман-газета» (под названием «Буранный полустанок»). И только в 1992 году в этот роман было включено поистине великое литературное произведение «Белое облако Чингисхана», которое в Советском Союзе напечатано быть не могло по цензурным соображениям. Вот что писал об этом Айтматов в одном из предисловий: «Здесь же я хотел бы остановиться главным образом на истории романа „И дольше века длится день...“, увидевшего свет девять лет тому назад на страницах журнала „Новый мир“. Начну с того, что осложнения романа на пути в свет начались с первых шагов. Первоначальное, родное, если можно так выразиться, название книги было „Обруч“. Имелся в виду „обруч“ манкуртовский, трансформированный в обруч космический, „накладывавшийся на голову человечества“ сверхдержавами в процессе соперничества за мировое господство... Однако цензура быстро раскусила смысл такого названия книги, потребовала найти другое наименование, и тогда я остановился на строке из Шекспира в переводе Пастернака: „И дольше века длится день“. Исходил при этом из того, что лучше поступиться названием, чем содержанием. Но в „Роман-газете“ и в издательстве

„Молодая гвардия” и такое название не нашло согласия. Потребовали более упрощенное, „соцреалистическое” название – и тогда явился на свет „Буранный полустанок”, в „роман-газетном” варианте с литературными купюрами мест, показавшихся идеологически сомнительными. Шел я на это скрепя сердце, выбирая наименьшее из зол. Главным было опубликовать книгу. Не поставить ее под удар фанатичной вульгаризированной критики. Теперь эти дела в прошлом, но тогда идеология являла собой доминирующую силу» [3, с. 5].

«Белое облако Чингисхана» основано на одном из устных преданий кочевников и не имеет никакого отношения к реальным историческим событиям, но именно эта легенда пропитана истинным духом еразийства: Чингисхан объединил в единое целое народы, проживавшие на территории от Трансильвании до Китая. «Чингисхан был в высшей степени человеком дела, расчетливым и прозорливым. Готовясь к вторжению в Европу, он прикинул, предусмотрел все до мелочей. Через верных лазутчиков и перебежчиков, через купцов и пилигримов, через странствующих дервишей, через деловых китайцев, уйгуров, арабов и персов выведал всё, что следовало знать для продвижения огромных воинских масс, – все наиболее удобные пути и переправы. Им были учтены нравы и обычаи, религии и занятия жителей тех мест, куда двигались его войска. Писать он не умел, и все это приходилось держать в уме, соотнося пользу и вред всего, что ждало его в походе» [4, с. 6].

Чингиз Айтматов заставляет читателя задуматься о мировой роли Чингисхана, который с европоцентричной точки зрения был всегда отрицательным историческим персонажем. Однако с кем можно сравнить этого восточного владыку? С Наполеоном? Но тот одну армию бросил на произвол судьбы в Египте, остатки другой армии оставил в снегах России. Его империя пала еще при его жизни. С великим Александром Македонским? Да, оба завоевателя умерли на вершине своей славы, и имена их живут до сих пор в легендах народов Азии. Но события, происшедшие после их смерти, сравнения уже не выдерживают. Тотчас после кончины Александра полководцы его вступили в борьбу между собой и за обладание царством, из которого его сын принужден бежать. Между тем сын Чингисхана без всякого протеста

со стороны вступил в управление его империей от Армении до Кореи и от Египта до Волги, а его внук царствовал над половиной света [5, с. 17–18].

Аскар Акаевич Акаев, первый президент Кыргызстана (1991–2005) и лауреат премии им. Чингиза Айтматова (Лондон, 2011), писал: «Если выразиться на современном политическом языке, то геополитическая обстановка в Центральной и Средней Азии накануне нашествия Чингисхана складывалась следующим образом. В регионе Саяно-Алтая существовали два государственных образования – кыргызские княжества Кем-Кемджиут и Кыргыз. Возглавляли их правители, носившие титул „инал”. Единого государственного образования у кыргызов там не было. Оба княжества имели свои воинские дружины, но их сила была далеко не той, какой обладали кыргызские войска в период „Великого похода”, завершившегося в 40-х годах IX века созданием Великой Кыргызской державы...

В определенных кругах ученых укоренилось мнение, что государственное устройство и военная машина монголов (стратегия, тактика, вооружение) явились для тех времен образцом совершенства. Существовала даже определенная „военная демократия”. В пример приводился свод чингисхановских законов и уставов, получивших название „Великая книга Ясы”. Вникнув в суть дела, познакомившись с „Сокровенным сказанием”, в котором историки того времени свели воедино реальные исторические факты, детали жизни Чингисхана, мифы и предания его эпохи, я пришел к убеждению, что внедрение Чингисханом нормативных положений типа Ясы в сфере межчеловеческого и межплеменного общения среди свободных кочевников, в частности в периоды боевых действий, было прогрессивным начинанием. Была провозглашена свобода вероисповедания, упорядочены система коммуникаций путем создания ямской службы, порядок рекрутирования на военную службу, наложение податей, ранжирование руководителей воинских подразделений по десятичному принципу и т. д.» [6, с. 107–109].

Здесь уместно вспомнить и Льва Николаевича Гумилева, который писал, что за обозримый исторический срок Евразия объединялась четыре раза. Поначалу ее на короткое время

объединили гунны, потом тюрки, создавшие каганат от Желтого до Черного моря. В третий раз континент объединили монголы под главенством Чингисхана. После битвы при Калке монголы поняли, что им надо или мириться с Россией, или завоевывать ее. Они склонились к третьему решению: Россия вошла в единый улус на равных правах с монголами. Монголы были рады, что Древняя Русь служит буфером между ними и европейскими народами. Татары брали очень небольшую дань – на содержание войска, которое защищало Россию от западных соседей. Четвертым объединением Евразия обязана русским, которые, дойдя до берегов Тихого океана и объединив большую часть евразийского континента, за исключением Монголии и Восточного Туркестана, продлили тем самым традицию монголов. Они опять сделали из Евразии очень сильную страну и сами стали самостоятельной и весьма развитой культурой [7, с. 188]. Один из самых значимых представителей этой культуры – писатель Чингиз Айтматов, в жилах которого не было ни капли русской крови, но при этом он является ярчайшим представителем не только киргизской, казахской, татарской культуры, но прежде всего русской. Хотя, если отталкиваться от теории Л.Н. Гумилева, все эти культуры уже давно стали одним целым – культурой Евразии. И талант Айтматова – яркое тому подтверждение.

«Чингиз Торекулович, – пишет Аскар Акаев, – возвеличил нашу страну. Мы должны быть ему навечно благодарны. Он удостоен высоких государственных почестей, награжден высшими орденами Кыргызстана. Но разве это может отразить наше восхищение и признательность? Наивысшей наградой для него является любовь нашего народа, всех людей на постсоветском пространстве и в мире.

Помню волнующие дни июля 2000 года, когда мы посетили Кремль во время официального визита в Россию. В составе делегации был и наш великий писатель Чингиз Айтматов. Мы были тронуты реакцией президента В.В. Путина при встрече с Чингизом Торекуловичем. Проникновенно прозвучали слова российского лидера о том, что творчество Ч. Айтматова является общим достоянием кыргызского и российского народов. Наш великий писатель и гражданин лучше всего символизирует их духовную связь» [8, с. 453–454].

Говоря о духовной связи двух народов, хочется обратиться к великому русскому мыслителю Ивану Ильину, который говорил, что главной проблемой на пути духовного обновления и возрождения России является определение понятий *цивилизация* и *культура*. По Ильину, эти два понятия четко разведены: *культура* есть явление *внутреннее* и *органическое*, которое захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях живой, таинственной целесообразности. В отличие от культуры цивилизация, считал Ильин, не требует полноты душевного участия и может усваиваться лишь внешне и поверхностно. Поэтому народ *может иметь* древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах *внешней цивилизации* (одежда, жилище, промышленность и т. п.) являть картину отсталости и первобытности. Возможен и обратный вариант: народ *может достичь* высот в технике и цивилизации, но в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка. По мнению Ильина, внутреннее, сокровенное, духовное решает вопрос о достоинстве внешнего, явного, вещественного, а «нравственное состояние человека ценится не по его материальным последствиям и не по внешней пользе, из него же проистекающей, но по внутреннему состоянию души и сердца человека» [9, с. 181].

По сути дела, в своих произведениях Иван Ильин и Чингиз Айтматов говорят об одном и том же, только разными словами. Особенно хорошо это прослеживается в философском произведении Айтматова «Тавро Кассандры».

В своей торжественной речи на праздновании по случаю 85-летия со дня рождения Чингиза Айтматова, прошедшем 12 декабря 2013 года в Лондоне при поддержке посольства Российской Федерации и казахстанского Фонда национального благосостояния «Самрук-Казына», директор Академии Айтматова и профессор Оксфордского университета Рахима Абдувалиева отметила, что для Чингиза Айтматова проза всегда была высшей точкой сложного постижения диалектики окружающей жизни. Какому народу, какой литературе принадлежит написанное им? В его жилах текла кровь двух тюркских народов – киргизского и татарского. Он владел двумя этими родственными языками, был насыщен фольклором и письмен-

ностью тюркских народов Центральной Азии. Сначала он публиковал прозу на киргизском языке, затем стал писать по-русски. К всемирной славе его привели сочинения на русском, за которыми последовали переводы на многие языки мира. И здесь, в Лондоне, мы будем делать всё возможное, чтобы этот писатель евразийского пространства завоевывал всё больше и больше новых читателей на разных языках народов мира. Каждый год мы переводим и издаем несколько книг Чингиза Торекуловича. Не случайно сегодня это самый известный и покупаемый писатель постсоветского пространства в западном мире. Я же хочу сказать всем, кто забыл наши корни: мы наследники совершенно удивительной цивилизации, славяно-тюркской, исламо-православной. Со времен Великой степи и Киевской Руси на просторах

Евразии сменяли друг друга политические образования: строились и рассыпались империи и ханства, на смену царству приходил СССР, а сейчас СНГ. Но исконный фундамент по-прежнему нерушим: мы евразийцы, мусульмане и христиане, славяне и тюрки. И мы не опустимся до того, чтобы стать «манкуртами».

Один из величайших мыслителей XX века Лев Николаевич Гумилев писал: «Если Россия будет спасена, то только через евразийство» [10]. И важнейшим звеном этого спасения является творчество Чингиза Айтматова, своими литературными произведениями объединившего все народы постсоветского пространства, потому что каждый из этих народов считает его своим, понятным и близким, разговаривающим с ним на одном языке в едином социокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грякалов А.А. Антропология диалога и гуманитарная безопасность // Философия человека и процессы глобализации. СПб., 2006.
2. Айтмагамбетов Д. Некоторые аспекты трансформации этнокультурной традиции казахского и киргизского этносов в творчестве Ч. Айтматова // Материалы Междунар. конф., посвященной памяти Чингиза Айтматова (8–9 июня 2012, Лондон). Лондон, 2012.
3. Айтматов Ч. И дольше века длится день... СПб.: АСТ : Астрель, 2010.
4. Он же. Белое облако Чингисхана. М.: Планета, 1991. 21 с.
5. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
6. Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002.
7. Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003.
8. Акаев А. Трудная дорога к демократии. М., 2002.
9. Рудская Н.В. Иван Ильин. Долгий путь домой // Альм. Науч.-образоват. культуролог. об-ва России. Вып. II. Мир культуры и культурология. СПб., 2012.
10. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. 462 с.

D.I. Kuznetsov

CHINGIZ AITMATOV AS A WRITER OF THE EUROASIAN SPACE

KUZNETSOV Dmitry I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: dkuznec@list.ru

Abstract

The article is devoted to Chingiz Aitmatov's oeuvre in the context of the Euroasian culture. The milestones of the well-known writer's oeuvre and his role in modern Euroasian space are considered. Emphasised is the philosophical interpretation of Chingiz Aitmatov's oeuvre within the framework of spiritual and moral traditions and national customs of the Turkic people which have had a special impact on all Euroasian ethnoses.

Keywords

CULTURE; EURASIA; KYRGYZSTAN; LITERARY WORKS; ANTHROPOLOGICAL FACTOR; GENGHIS KHAN; FORMER SOVIET UNION.

REFERENCES

1. Gryakalov A.A. Antropologiya dialoga i gumanitarnaya bezopasnost'. *Filosofiya cheloveka i protsessy globalizatsii*. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
2. Aytmagambetov D. Nekotorye aspekty transformatsii etnokulturnoy traditsii kazakhskogo i kirgizskogo etnosov v tvorchestve Ch. Aytmatova. *Materials of the Int. Conf. "In memory of Chingiz Aitmatov" (8–9 June 2012, London)*. London, 2012.
3. Aytmatov Ch. *I dol'she veka dlitsya den'...* St. Petersburg, AST, Astrel' Publ., 2010. (In Russ.)
4. Aytmatov Ch. *Beloe oblako Chingiskhana*. Moscow, Planeta Publ., 1991. 21 p. (In Russ.)
5. Khara-Davan E. *Chingiskhan kak polkovodets i ego nasledie*. Belgrad, 1929. (In Russ.)
6. Akayev A. *Kyrgyzskaya gosudarstvennost' i narodnyi epos "Manas"*. Bishkek, 2002. (In Russ.)
7. Lavrov S.B. *Lev Gumilev: sud'ba i idei*. Moscow, Ayris-press, 2003. (In Russ.)
8. Akayev A. *Trudnaya doroga k demokratii*. Moscow, 2002. (In Russ.)
9. Rudskaya N.V. Ivan Ilin. Dolgiy put' domoy. *Almanakh Nauchno-obrazovatel'nogo kulturologicheskogo obshchestva Rossii*. Pt. II. Mir kultury i kulturologiya. St. Petersburg, 2012. (In Russ.)
10. Gumilev L.N. *Ritmy Yevrazii*. Moscow, 1993. 462 p. (In Russ.)

УДК 008(141.3) + 7.067

Е.М. Гашкова

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА

ГАШКОВА Елена Михайловна – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: elgashkova@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены взаимосвязь и зависимость понятий «цивилизация» и «культура» в контексте теории идентичности. При становлении и фиксации новых типов идентичности культура выступает одним из формообразующих элементов. Отмечено, что в свете евразийской доктрины и идеологии культура способствует уточнению базовой идентичности, определению места в мировом целом.

Ключевые слова

ЦИВИЛИЗАЦИЯ; КУЛЬТУРА; ИДЕНТИЧНОСТЬ; ЕВРАЗИЙСТВО; ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.

Понятие «идентичность» включено в состав исследовательской гуманитарной лексики, а словосочетание «цивилизационная идентичность» еще требует уточнения.

Особняком стоит терминологическая проблема содержания понятий «цивилизация» и «культура». В современной культурологии подчеркивается, что эта пара категорий имеет весь спектр значений: от полного слияния (А. Тойнби) до враждебной оппозиции (Г. Зиммель, О. Шпенглер). Просветительская идея соединялась с эволюционной и рассматривала цивилизацию как часть исторического процесса совершенствования жизни общества (Г. Гольбах) после выхода его из первобытного, варварского состояния (Л. Морган). Весь XX век ученые ссылались на идею Шпенглера о цивилизованном Западе как обществе умирающей культуры. Однако, несмотря на мрачные пророчества и две мировые войны, западная цивилизация не исчезла. В конце XX века американский исследователь С. Хантингтон определил *цивилизацию* как наиболее широкую социокультурную общность, когда выделяются самые широкие «единства» и «различия», т. е. когда достигается *самый высокий уровень культурной идентичности* людей [6]. Представляется, что Хантингтон включал в понятие «цивилизация» ту часть рода

человеческого, которая способна осознавать себя как целое и репрезентовать себя по отношению к другим живым существам. Представим себе футурологическую картину общения с инопланетянами – тогда от имени человечества могут выступать лишь представители «цивилизации», поскольку именно в этих рамках человечество осознает себя таковым.

Напомним, что под идентичностью понимаются свойства человеческой личности, связанные с ее ощущениями: с одной стороны, быть самим собой, а с другой – принадлежать к определенной группе. В сложившейся теории «идентичности» делятся на базовые и временные, коллективные и индивидуальные. Понятно, что базовые идентичности включают в себя идентичности постоянные, которые не меняются на протяжении жизни человека, в то время как временные идентичности могут меняться или исчезать вовсе. Коллективная идентичность строится в системе «мы – они», индивидуальная – в системе «Я – другой». Акценты на ту или иную пару понятий смещаются в зависимости от возрастных, этнических, психологических и прочих социально-философских взглядов.

Однако сформировать цивилизационную идентичность как принадлежность к некоей «суперсистеме» – задача крайне сложная, абс-

трактная, требующая и рационализованного, и «органичного», естественного подхода. Ведь ощутить свою связь с той или иной цивилизацией — это значит преодолеть свою привязанность к более узкой общности, встать на новый личностный уровень. В теории самопознания, в формировании «Я-концепции» такой уровень описывается понятием «океаническое Я», когда личность уходит от функциональной конкретики социальных ролей и ситуативно-временных черт характера. Надэтническая, наднациональная, надконфессиональная и даже надгосударственная суперсистема локальных цивилизаций, тем не менее, опирается на необходимость внутренней интеграции по некому основанию. Кроме того, в самом феномене идентичности заложена бинарная оппозиция, чтобы осуществить принятие тождества с какой-либо частью целого («мы — они», «свой — чужие», «Я — другой»).

Идеи Н.Я. Данилевского о формировании нового славянского культурно-исторического типа еще в 90-х годах XIX века подвергались критике и переосмыслению. Уже К.Н. Леонтьев допускает вероятность образования *славяно-азиатской* цивилизации на основе православия, но с обязательным центром в Царьграде (Константинополе). В.В. Розанов считал Россию чем-то отдельным от европейской цивилизации, допуская два центра славянского объединения: один — на Востоке (Россия), другой — на Западе (Польша) [5, с. 132–133]. Исчезновение Российской империи в «молохе» революции исторически утвердило несостоятельность такого образования, как «русская цивилизация». Началось формирование новой «цивилизации», новой идентичности, которая, в свою очередь, также не успела созреть до цивилизационного уровня, а разрушилась, несмотря на утверждения теоретиков-политологов советского времени.

Советская идентичность исчезла из-за распада доминирующей идеологии, поскольку именно она, идеология, а не этнические и не национальные признаки, формировала цивилизацию этого общества нового типа. В современных условиях глобализма и господства транснациональных корпораций практически нивелируется роль государства и той или иной идеологии. На этом социальном фоне возникает либо трансцивилизационная, транснациональная идентичность элит, либо культивирование

национализма, антиглобализма, ностальгии по прошлому историческому величию. События последнего времени на Украине ярко демонстрируют сопряженность идеологического ядра государственных институтов с тем или иным вариантом цивилизационной идентичности. Потребность в обретении собственной идентичности заставляет испытывать на прочность антагонистические идеологемы, подвергая их политико-практической «экспертизе», а также сравнивать возможные цивилизационные сценарии и варианты воплощения негативной идентичности.

Когда-то модернисты и символисты утверждали необходимость нового эстетического созидания, творения не только искусства, но и самой жизни. Культура и искусство способны выступать эффективным средством формирования, поддержания и преодоления кризиса цивилизационной идентичности, а также создания новой. Не случайно новое революционное время порождает новые художественные методы, приемы и формы. Кроме этого, создаются новые художественные объединения, где индивидуальности творцов создают новые коллективные идентичности как проявление инстинкта социальности. Очевидно, что авангардистские движения в культуре и искусстве всегда связаны с футуристическими проектами социальной действительности, будь то построение нового социального строя или освоение иных миров, космоса или океана («Мы» Е. Замятина, «Аэлита» А. Толстого, «Человек-амфибия» А. Белыева).

Индустриальная цивилизация порождает массовую культуру и человека массы как существо, утратившее свою идентичность. Вернее, идет продуцирование псевдоидентичностей, симулякров, которые вносят в мир еще больший хаос [2; 7, с. 99–114]. Постиндустриальное общество продолжает тенденции развития общества индустриального, что также отдаляет человека от обретения идентичности. «Прежние модернизационно-реформационные технологии, игнорирующие культурную традицию и разрушающие духовное наследие, неприемлемы и в связи с пробудившимся самосознанием народов, и потому, что массовым продуктом таких технологий стала маргинальная личность, живущая вне норм прежней культуры» [3, с. 41].

При всем многоголосье художественных высказываний в культуре вырабатываются те представления, которые соответствуют пониманию обществом самого себя. Художник должен быть понят теми, на чьем языке высказывается, он должен ориентироваться в пространстве национальных образов и национальных смыслов. Общность базового дискурса, качественные характеристики социокультурного целого задают широту эстетического и смыслового пространства. Актуальные авторы обычно соответствуют базовым идентичностям общества, отвечают на вызов времени, хотя могут быть заблокированы по идеологическим параметрам (цензура) или устареть эстетически, стать неактуальными на некоторый период. В настоящий момент наше общество опять обращается к вопросам о сути русской цивилизации и мира, о границах и перспективах геополитических процессов, о нашем месте в мировом целом.

Ревизия исторического знания — яркий тому пример. В новом литературно-художественном проекте Б. Акунина (Г.Ш. Чхартишвили), носящем явно просветительский характер, читаем: «Я же согласен с теми историками (их большинство), кто полагает, что, несмотря на утрату независимости в XIII–XV веках, перекройку границ, неоднократную смену названий, внутренней структуры, векторов развития, перенос столиц, наше государство как политический феномен существует с IX века, а зигзаги и метаморфозы определяются географическим положением, в силу которого Русь-Россия оказывалась частью то европейского мира, то азиатского, а со временем приступила к созданию собственной империи метисного европейско-азиатского типа» [1, с. 7].

Трудно заподозрить известного либерального писателя в государственном заказе, однако его обращение к евразийской тематике (в проекте намечен следующий том — «Часть Азии») свидетельствует о согласии и признании тренда современной внутренней политики нашего государства.

«Теория евразийцев — важная веха в познании цивилизационной идентичности. Она

свидетельствует о стремлении утвердить русскими не только свою самость, но и оппозиционность по отношению к Западу. Эта оппозиционность подчеркивалась близостью России к Азии» [8, с. 472].

На фоне распада мировоззрения европоцентризма и осознания окончания проекта модерна (Ю. Хабермас) вполне логично выглядит другой полюс теоретического притяжения: без оптимистического и динамического вторжения во внешний мир, без бесконечной его переделки и переустройства, без форсирования воли к власти — ценностей «фаустовского человека». От Востока необходимо усвоить сосредоточение на внутренней духовной жизни вплоть до отречения от собственного Я.

Самое сложное — это сблизить полюса, вместо переноса, своеобразной «трансплантации» ценностей перейти к диалогу культур. «Чтобы продвинуться в этом направлении, нужно сначала определить то общее, что может стать основой взаимопонимания культур. Здесь возможны два взаимодействующих подхода. Первый из них акцентирован на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации. Оно сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции» [4, с. 20].

Именно по этому пути, пути диалога культур, через умение преодолеть бесконечную дифференциацию и обособление по этническим, национальным и другим признакам, осуществляется формирование цивилизационной идентичности. Этот интегративный процесс становится доминантным и определяющим трендом, динамизирующим евразийское сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Акунин Б.** Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М.: АСТ, 2014. 396 с.
2. **Искусство** и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н.А. Хренов; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. 603 с.
3. **Панарин А.С.** Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизации и культуры: науч. альм. / гл. ред. Б.С. Ерасов. М.: Изд-во Рос. ин-та культурологии, 1996. С. 29–55.
4. **Стёпин В.С.** Современные цивилизационные изменения и диалог культур // Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы: сб. статей Междунар. науч. конгр., посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва (Санкт-Петербург, 1–3 октября 2012 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 13–27.
5. **Усманов С.М.** Константин Леонтьев, Василий Розанов и «русская цивилизация» // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. 2011. Т. 17, № 23. С. 129–134.
6. **Хантингтон С.П.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ : Мидгард, 2007. 576 с.
7. **Хренов Н.А.** Художественная воля в контексте цивилизационной идентичности // Иск-во и цивилизац. идентичность / отв. ред. Н.А. Хренов; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 17–119.
8. **Он же.** Культурный синтез в истории: евразийские ценности российской культуры // Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы: сб. статей Междунар. науч. конгр., посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва (Санкт-Петербург, 1–3 октября 2012 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 467–476.

E.M. Gashkova

CIVILIZASIONAL IDENTITY AND CULTURE

GASHKOVA Elena M. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: elgashkova@yandex.ru

Abstract

In the article considered are the relationship and dependence of such concepts as “civilization” and “culture” in the context of the theory of identity. New types of identity being established and defined, culture is one of the building elements. The author notes that in keeping with the Eurasian doctrine and ideology, culture contributes to the specification of the basic identity, determining its place in the global system.

Keywords

CIVILIZATION; CULTURE; IDENTITY; EURASIANISM; CIVILIZASIONAL IDENTITY.

REFERENCES

1. Akunin B. *Chast' Evropy. Istoriya Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo nashestviya* [Part of Europe. History of the Russian state. From the beginnings until the Mongol invasion]. Moscow, AST Publ., 2014. 396 p. (In Russ.)
2. *Iskusstvo i civilizacionnaya identichnost'* [Art and civilizational identity]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 603 p. (In Russ.)
3. Panarin A.S. *Predely faustovskoj kul'tury i puti rossijskoj civilizacii* [Limits Faustian culture and way of Russian civilization]. *Civilizacii i kul'tury* [Civilization and culture]. Moscow, Rossiiskii institut kul'turologii Publ., 1996. Pp. 29–55. (In Russ.)
4. Stypin V.S. *Sovremennye civilizacionnye izmeneniya i dialog kul'tur* [Modern civilizational changes and dialogue of cultures]. *Nasledie L.N. Gumiljova i sud'by narodov Evrazii: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Heritage L.N. Gumilev and the fate of peoples of Eurasia: history, modernity, perspectives]. Materials of the Int. scientific congr. (St. Petersburg, 1–3 Oktober 2012).

St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2012. Pp. 13–27. (In Russ.)

5. Usmanov S.M. [Konstantin Leontiev, Vassily Rozanov and “Russian civilization”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo univ. im. N.A. Nekrasova. Gumanitarny’e nauki: Entelehija*, 2011, vol. 17, no. 23, pp. 129–134. (In Russ.)

6. Hantington S.P. *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of civilizations]. Moscow, AST, Midgard Publ., 2007. 576 p. (In Russ.)

7. Hrenov N.A. *Hudozhestvennaya volya v kontekste civilizacionnoj identichnosti* [Art will, in the context

of civilizational identity]. *Iskusstvo i civilizacionnaya identichnost’* [Art and civilizational identity]. Moscow, Nauka Publ., 2007. Pp. 17–119. (In Russ.)

8. Hrenov N.A. *Kul’turnyj sintez v istorii: evrazijskie cennosti rossijskoj kul’tury* [Cultural synthesis history: Eurasian values of Russian culture]. *Nasledie L.N. Gumilyova i sud’by narodov Evrazii: istoriya, sovremennost’, perspektivy* [Heritage L.N. Gumilev and the fate of peoples of Eurasia: history, modernity, perspectives]. Materials of the Int. scientific Congr. (St. Petersburg, 1–3 Oktober 2012). St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2012, pp. 467–476. (In Russ.)

УДК 82:392.3(575.2)(04)

Г.Д. Данильченко

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. АЙТМАТОВА 1950–1960-Х ГОДОВ

ДАНИЛЬЧЕНКО Галина Дмитриевна – доцент Кыргызско-Российского Славянского университета; кандидат филологических наук.

Кыргызстан, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44
e-mail: danilchenko_g@mail.ru

Аннотация

Рассказы Ч. Айтматова, герои которых решают важные нравственные проблемы, и устные рассказы переселенцев-славян Кыргызстана являются тем нарративным материалом, который наглядно демонстрирует общность поведенческих реакций, использование повседневного житейского опыта коренных народов при решении проблем в поликультурной среде проживания.

Ключевые слова

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ; БИЛИНГВИЗМ; ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ; ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ-СЛАВЯНЕ; УСТНЫЕ РАССКАЗЫ; КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ; МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС.

Раннее творчество Чингиза Айтматова отмечено большим интересом к повседневной культуре киргизского народа, которая особенно ярко проявляется в контексте поликультурной среды. Первые рассказы Айтматов писал на киргизском языке, но очень скоро понял, что путь в большую литературу, к широкому читателю, лежит через многоязычие и поликультурность. В статье «Человек между двумя языками», появившейся еще в 1967 году, писатель обращается к теме двуязычия и идее сохранения своего собственного языка в системе мировых языков и культур. Он пишет: «Я хотел бы, однако, обратить внимание писателей двуязычных литератур на наш внутренний долг, долг интеллигента-патриота перед своим народом, перед своей нацией, перед грядущими поколениями... В выборе языка следует, видимо, руководствоваться не только возможностями свободы творчества, но и соображениями гражданского долга перед народом, тебя породившим, давшим тебе самое большое свое богатство – свой язык. Родной язык – это мать, перед которой существуют определенные обязанности. Вместе с тем невозможно развивать духовную культуру наций без активного

использования достижений более высокоразвитых культур» [1, с. 111].

Известный лингвист Кыргызстана В.К. Янцен в этой связи спустя почти полвека подчеркивает: «Русский язык как неродной или второй язык играет в кыргызском обществе в сравнении с любым иностранным языком иную роль. Ее своеобразие заключается в том, что он долгое время был и остается в Кыргызстане постоянным и стабильным средством межнационального общения» [2, с. 193].

Ч. Айтматов создавал свои произведения в контексте советской истории и литературы. Мы оглядываемся на тот период с известной долей критицизма, что вполне закономерно, так как в каждом времени рождаются новые взгляды, новые точки зрения на те проблемы, которые еще несколько десятилетий назад оценивались современниками несколько иначе. Люди, живущие в свое время, не могут взглянуть на него глазами своих потомков. Поэтому важно и интересно увидеть события недавнего советского прошлого глазами великого художника, который утверждает: «Мы стали лучше знать то, что накоплено другими народами» [1, с. 116]. Межкультурный контекст буквально

пронизывает всю публицистику писателя, он с гордостью считает себя частичкой многонационального советского общества, которое создает новое будущее, где все народы будут жить в дружбе и согласии. И огромная роль в этом процессе единения народов принадлежит литературе. Задаваясь вопросами воспитания современного человека, Айтматов придает большое значение нравственному потенциалу, считая, что литература должна «воспитывать любовь и уважение к родной земле, к природе, ко всему живому — это тоже значит воспитывать человека» [1, с. 121].

Писатель утверждает, что пройдена значительная «историческая дистанция на пути художественного познания действительности» [Там же. С. 136]. Главной мыслью Айтматова в оценке «беспрецедентной в истории человечества единой многоязыковой и многонациональной советской художественной культуры, вобравшей в себя все лучшие достижения больших и малых народов и всей мировой культуры» стала идея ее восхождения к высотам нравственности и гуманизма. Он отмечает, что и киргизская литература плодотворно развивается в лоне новой национальной культуры, в духовном единстве и взаимодействии со всей советской культурой. Особенно важной для писателя является идея историзма. Подчеркивая, что история — это опыт жизни, выстраданный многими поколениями, он призывает особенно ответственно относиться к теме современности, он советует писателям, отражающим современные темы, быть честными по отношению к темам, образам, делам сегодняшнего дня, чтобы не было потом стыдно перед историей [Там же. С. 140]. История русско-киргизских отношений — это многолетние поиски путей к взаимодействию, совместное пребывание в составе одного государства на протяжении более полутора веков и дальнейшее развитие межгосударственных отношений теперь уже двух суверенных государств. О многообразии этих отношений свидетельствуют документы, отложившиеся в архивах Кыргызской Республики (ЦГА КР и ЦГА ПД КР), множество научных исследований, а также сведения из нарративных источников — художественной литературы и устных историй переселенцев-славян Кыргызстана.

Рассмотрим такой момент русско-киргизских отношений, как проникновение бытовых

реалий из культуры одного народа в культуру другого. Это один из важных вопросов межкультурного дискурса, свидетельствующий о давнем и плодотворном взаимодействии между двумя культурами — русской и киргизской. Действительно, наличие межкультурных межэтнических связей — неоспоримый факт. В.М. Жирмунский писал по этому поводу: «История человеческого общества фактически не знает примеров изолированного культурного (а следовательно, и литературного) развития» [3, с. 20]. В контексте нашего исследования рассматриваются некоторые явления повседневной культуры Кыргызстана, носящие «кочующий», кросс-культурный характер, т. е. переходящие из одной культуры в другую настолько, что уже трудно сказать, а что же было в истоках.

Рассмотрим такой частный вопрос, как организация полива на орошаемых землях Кыргызстана, причем не столько как факт культуры повседневности, сколько как компонент исторического нарратива. Вода — важный компонент повседневной культуры народов Средней Азии, особая ценностная категория. Культура оросительной системы, поведение людей в условиях нехватки воды, распределительная система водных потоков — все эти мотивы повседневного существования людей становятся предметом изображения в художественной литературе, об этом рассказывают в своих историях славянские переселенцы.

Конечно, киргизы в прошлом — кочевой народ, но у них успешно развивалось и орошаемое земледелие, о чем свидетельствуют исследования ученых и рассказы переселенцев. Вопрос о развитии земледелия у киргизов детально освещен в книге В.М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство» [4]. Исторические источники, полагает ученый, позволяют сделать вывод о существовании земледелия и его значительной роли в экономической жизни Киргизии XVIII–XIX столетий [Там же. С. 211]. Разумеется, развитие земледелия в Средней Азии было невозможно без орошения полей, поэтому киргизы перенимали у своих оседлых соседей это искусство. В.М. Плоских, ссылаясь на труды В.П. Наливкина, отмечает, что интенсивное оседание киргизов рода багыш в северо-восточной Фергане началось с конца XVIII века, когда они, «уже сильно нуждавшиеся в зерновом хлебе, по собственному своему почину приступи-

ли к сооружению громадной арычной системы, орошающей теперь ту равнину, которая лежит в границах: Нанай, Ахтам, Сафит-Булян» [4, с. 223]. Столетие спустя сюда пришли переселенцы из Туркестана и Чимкента и основали свои селения на территории, уже в значительной степени орошенной. «Первые русские исследователи, – добавляет В.М. Плоских, – даже в высокогорном Атбаша у киргизов встречали немногие пашни и много следов орошения» [Там же. С. 224–225].

Таким образом, к тому времени, когда русские переселенцы стали осваивать земли Кыргызстана, здесь уже существовала разветвленная сеть арыков и своя культура поливного земледелия, которую они продолжали использовать. Об этом же повествуют устные рассказы переселенцев-славян, записанные студентами Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (КРСУ) (историками и культурологами) в период фольклорно-этнографических практик 2001–2005 годов. К примеру, старожилы села Петропавловка Чуйской области Кыргызстана вспоминают, как еще до войны они брали землю в аренду у местных киргизов. Земля была бугристая, и вода плохо поднималась к посевам, поэтому они перенимали опыт у киргизов. Вот что об этом рассказывала моя мама Мовчан Евдокия Стефановна: «Отец наш умер рано, а нас у мамы пятеро было. Вот мама наберет огородов у киргизов за половину будущего урожая, и нам поливать их приходилось. Вода по арыкам плохо подходила к посевам, запруды размывало. Так мы садились в арык, руками цеплялись за берега и делали собой запруды или один садился в воду, а двое его за руки держали. Так и поливали» [5, с. 26].

Исследователь русского фольклора в Кыргызстане Т.М. Буйских также отмечает, что подобный способ арычного полива не раз упоминался в устных рассказах старожилков Иссык-Куля. Информанты рассказывали, как, раскинув руки и ноги, они делали для воды преграду¹.

Бесценный опыт, накопленный бывшими кочевниками в обращении с водой, помогал им в разных ситуациях. Этот опыт передавался

другим народам и мог сыграть положительную роль в разных экстремальных ситуациях.

Небольшие зарисовки, отражающие особенности полива в киргизской повседневной культуре, имеются и в ранних рассказах Чингиза Айтматова. К примеру, в рассказе «Ночной полив» (пер. А. Сальникова) [6] повествуется о том, как герой рассказа Каратай допустил на колхозных полях, где он работал мирабом, засуху посевов кукурузы. «Совсем неожиданно очутился Каратай у „Трех холмов“. Увиденное поразило его – до чего довели они посева. Каратай недоверчиво потер глаза; серая, сухая, как зола, пашня. Казалось, стоит только поднести спичку, – почва вспыхнет, повалит густой дым. Кукуруза давно уже остановилась в росте. Широкие листья свернулись желтыми трубочками» [Там же. С. 126]. Желая спасти посева кукурузы во что бы то ни стало, Каратай забирает на дамбе всю воду, перекрыв шлюзы, направляющие воду на поля Сабырбека. Канымгуль, жена Каратая, которая ночью понесла еду мужу, не успевшему пообедать дома, оказывается в самой гуще событий. У размытого бурлящей водой арыка она пытается помочь поливальщикам, выполняя тяжелую работу. Вот эпизод, когда борьба людей с неуправляемыми потоками воды достигла наивысшей силы: «И вновь началась борьба. Вода прорывалась то там, то здесь, сметала поставленные запруды. Каратай ослабел, камни не держатся в его руках, срываясь, падают в воду. Но он не отступает. Канымгуль стало жаль Каратая, у него такой жуткий вид... Вода не покоряется. Только что снова снесла запруды, сложенную Каратаем. Он в отчаянии. Надо ему помочь, надо задержать воду. Канымгуль ложится в промоину поперек потока» [Там же. С. 132].

Этот же рассказ Айтматова о ночном поливе был издан в переводе А. Дмитриевой под названием «Соперники», однако этого эпизода в нем нет, на что указывает, сопоставляя два варианта перевода, Ч.Т. Джолдошева [7, с. 241–242]. Отметим, что А. Сальников, если даже и погрешил против подлинника, введя этот эпизод в свой перевод, то не погрешил против исторических реалий. Разумеется, описания этих реалий мы не найдем в исторических источниках, но народная память сохранила истории о том, как непросто было здесь культивировать поливное земледелие и какие проблемы приходилось ре-

¹ Из материалов личного архива Т.М. Буйских.

шать людям, как помогал им в решении этих вопросов опыт, который передавали они от поколения к поколению.

Вот что рассказывает Татьяна Федоровна Голикова, дочь Федора Олейника, одного из самых первых переселенцев села Петропавловка, который еще ребенком был привезен в Кыргызстан: «Когда наши родственники сюда приехали, они помнят, что все поля были усыпаны камнями, особенно после вспахивания, камни вылезали наружу и надо было их собирать. Этим обычно занимались, кроме взрослых, и дети. Работа была тяжелая, так что эта земля полита потом и наших предков. А когда наступала весна и, особенно, летом поля надо было поливать. Там, на Украине, откуда приехали, поля не поливались, а здесь приходилось у киргизов учиться поливать. Делали кулаки (запруды. — Г. Д.), а когда вода не шла или кулаки размывало, то приходилось самим ложиться и делать такую запруду из собственного тела (это тоже киргизы подсказали). Замерзали сильно, по очереди в воду ложились, но приходилось делать так»².

Кстати сказать, истории известны случаи, когда люди ложились в воду, проявляя личное мужество для решения поставленных задач, особенно во времена военных действий. Об одном из таких эпизодов русско-персидской войны (1804–1813) рассказывается в статье М. Бельского «Вспоминая Гаврилу». Нужно было переправить пушки через ров, и русский солдат Гаврила Сидоров и три его товарища, имена которых остались неизвестны, легли в ров, как бревна, и по ним пушки были переправлены на другой берег. Два солдата из четверых погибли, но смелая операция обеспечила победу русским войскам над численно превосходящим их противником [8, с. 4]. Это событие вдохновило художника Франца Рубо на создание в 1892 году картины, которую он назвал «Живой мост».

Вода часто становилась предметом споров и конфликтов. В рассказе «Соперники» (пер. А. Дмитриевой) имеется сцена столкновения драки Каратая с поливальщиками. В рассказе «Сыпайчи» Айтматов описывает ситуацию конфликта между отцом и сыном, которая чуть не привела героев к трагическому концу: «Когда

слова Алымбека дошли до сознания Бекназара, кровь ударила ему в голову, шея и шрам на лбу багряно налились, перехватило дыхание. — Что? — рванулся Бекназар и занес над головой Алымбека кетмень. Алымбек не шелохнулся. Кетмень застыл в воздухе. — Прочь, собачий сын! На отца... При всем народе!.. Убью!.. [9, с. 156–157].

Иногда «водные конфликты» заканчивались кровопролитием. В устных рассказах переселенцев встречается подобный трагический мотив. «Бабы Гапкиного мужика убили за воду. Они поливали свое поле, а тут вода кончилась. Он пошел проверить запруды, да так и не вернулся, а потом нашли убитого», — рассказывает старожил села Петропавловка Ольга Петровна Конько [10, с. 448].

В рассказе «Соперники» (пер. А. Дмитриевой) поводом для серьезного конфликта двух бывших друзей становится вода, которую Каратай ворует у Сабырбека, своего бывшего друга, после чего герои становятся заклятыми врагами.

В рассказе «Сыпайчи», переведенном на русский язык самим автором, повествуется об организации полива в Таласе, долинной местности Кыргызстана, где протекает бурная и многоводная река Талас. Айтматов дает в сноске к тексту пояснение слов «сыпай» и «сыпайчи»: «Сыпай — тренога из связанных бревен, нагруженная камнями, соломой и хворостом. Служит для сооружения запруды на горной реке. Сыпайчи — человек, устанавливающий сыпай» [9, с. 146]. Интересно, что толкования этих слов мы не обнаружили ни в киргизско-русском словаре К.К. Юдахина, уникальном по своему значению историческом источнике живой разговорной речи, содержащем интересный этнографический материал, точно фиксирующий значение разнообразных исторических терминов, в частности позволяющих судить о некоторых сторонах социально-экономических отношений у киргизов, а также о хозяйственной терминологии, ни в других толковых словарях киргизского языка. Можно предположить, что короткая жизнь этого слова, не успевшего даже войти в словари, связана со стремительными изменениями, произошедшими в культурной жизни республики.

Герой рассказа сыпайчи Бекназар — человек, понимающий характер горной реки, кото-

² Из материалов личного архива Г.Д. Данильченко.

рая могла менять свое русло («Талас – река ко-чующая», – пишет Ч. Айтматов), то спокойно растекается, то стремительным потоком мчат свои беспокойные воды. «С нашей рекой, брат, не шути! – говорил Бекназар. – Сегодня воды в ней по колено, течет, никого не тронет, а завтра расвирепееет – мосты снесет. Она что живая – ее понимать надо...» [9, с. 147].

В тяжелые годы войны, когда в селе не осталось молодых мужчин, сыпайчи Бекназар помогал колхозу организовывать полив. Бекназар любил свою работу, был потомственным сыпайчи и мечтал, чтобы его старший сын Алымбек тоже стал сыпайчи. Но Алымбек, человек другого времени, видя, с каким трудом его отцу удается (а часто и не удается) покорять горную реку, мечтал о том, чтобы перегородить ее плотиной, поставить шлюзы, чтобы не зависеть от грозного нрава реки, заставить ее служить людям. Конфликт отца с сыном, возникший на почве столкновения старых традиционных взглядов с новыми веяниями в гидротехнике, начавшийся при установлении сыпаев в течении реки, заканчивается, когда на усмирение реки брошена серьезная техника, и старый сыпайчи Бекназар вынужден признать, что из его сына Алымбека получился замечательный современный сыпайчи. Алымбек, выучившись, стал гидротехником и вернулся в родной колхоз. Когда отец увидел, как покорилась горная река его сыну, он с гордостью назвал его «большим сыпайчи». Так на смену ручному труду по изготовлению сыпаев из подручных материалов пришла техника (экскаваторы) и технология, основанная на новых знаниях. «Весь арык... был уже забетонирован. В изголовье арыка и на подоткосной стороне поставлены шлюзы, выкрашенные в яркий кирпичный цвет» [Там же. С. 159].

Раскрывая внутренние переживания героев, Айтматов показывает, как они болеют душой за свое дело. В рассказах, где затрагивается тема

борьбы человека со стихией, писателя интересует не только человек-борец, человек-преобразователь – в них отражаются и экологические проблемы, которые пройдут магистральными линиями в его более поздних произведениях. В повестях «Белый пароход», «И дольше века длится день...», «Пегий пес, бегущий краем моря», романах «Плаха», «Когда падают горы» и других произведениях Айтматов выходит далеко за рамки узких проблем и ставит глобальные вопросы сохранения Земли.

Таким образом, исторические нарративы, сохранившиеся в народной памяти и нашедшие отражение в рассказах Ч. Айтматова, явились для художника тем арсеналом, который он успешно использовал в своем дальнейшем творчестве.

1950–1960-е годы были особым временем – временем наивысшего расцвета советской литературы. Как в жизни, так и в литературе главными идеями помимо соцстроительства были идеи дружбы между народами и обмена достижениями национальных культур. Советские народы уже достаточно долго в историческом диапазоне существовали в одном государстве, пережили сложные годы репрессий, труднейшие годы войны, это сплотило их, обогатило межкультурные связи. Народ строил новую жизнь, и литература в этом сложном процессе, безусловно, была на передовых позициях.

С величайшим интересом мы читаем дневники и письма, черновики и записные книжки Чингиза Айтматова, даже деловые бумаги, написанные его рукой. Всё это имеет огромную ценность для современников и потомков. Перечитывая ранние произведения писателя, оказываешься в том непростом, но таком человеческом времени, которое и породило айтматовских героев, подкупающих своей бесхитростностью, простотой и любовью к многонациональной Родине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Айтматов Ч.** Человек между двумя языками // В соавторстве с землей и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. Фрунзе, 1978. 408 с.
2. **Янцен В.К.** Дискурсивная практика как научно-методическая основа формирования двуязычия в Кыргызстане // Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Тюрко-славяно-германские культурно-языковые связи: труды Междунар. науч. конф. (Бишкек, 25–26 сентября 2012 г.) // Вестн. КРСУ. 2013. Спецвыпуск. С. 192–198.
3. **Жирмунский В.М.** Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. М.: Наука, 1979. 496 с.
4. **Плоских В.М.** Киргизы и Кокандское ханство / отв. ред. Н.А. Халфин. Фрунзе: Илим, 1977. 416 с.
5. **Данильченко Г.Д.** Семейные истории русских и украинских переселенцев в Киргизию (история моей семьи) // Хранительницы. Бишкек, 2012.
6. **Айтматов Ч.** Ночной полив [пер. с кирг. А. Сальникова] // Лицом к лицу. Фрунзе: Главиздат, 1958. 144 с.
7. **Джолдошева Ч.Т.** Жанр рассказа в творчестве Чингиза Айтматова // Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Тюрко-славяно-германские культурно-языковые связи: труды Междунар. науч. конф. КРСУ (Бишкек, 25–26 сентября 2012 г.) // Вестн. КРСУ. 2013. Спецвыпуск. С. 239–246.
8. **Бельский М.** Вспоминая Гаврилу // Совершенно не секретно. 2013. Ноябрь.
9. **Айтматов Ч.** Сыпайчи // Рассказы: [пер. с кирг.]. М., 1958. 160 с.
10. **Данильченко Г.Д.** Повседневное общение кыргызов и славян-переселенцев в историческом аспекте // Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Тюрко-славяно-германские культурно-языковые связи: труды Междунар. науч. конф. КРСУ (Бишкек, 25–26 сентября 2012 г.) // Вестн. КРСУ. 2013. Спецвыпуск. С. 445–451.

G.D. Danilchenko

THE RECORD OF MUNDANITY IN CH. AITMATOV'S POLY CULTURAL DISCOURSE IN HIS LITERARY WORKS REFERRING TO THE PERIOD OF THE 50–60TH OF THE XX CENTURY

DANILCHENKO Galina D. – *Kyrgyz-Russian Slavic University.*

Kievskaya ul., 44, Bishkek, 720000, Kyrgyzstan

e-mail: danilchenko_g@mail.ru

Abstract

Ch. Aitmatov's stories whose heroes are solving important moral problems, as well as oral stories of Slavic immigrants in Kyrgyzstan are the narrative material which clearly demonstrates the common behavioural reactions, the use of the common sense of indigenous people at solving problems in the polycultural environment.

Keywords

CHINGIZ AITMATOV; BILINGUALISM; POLY CULTURAL; SLAVIC IMMIGRANTS; ORAL STORIES; CULTURE OF DAILY OCCURRENCE; CROSS-CULTURAL DISCOURSE.

REFERENCES

1. Aytmatov Ch. [People between two languages]. *V soavtorstve s zemlyoyu i vodoyu... Ocherki, stat'i, besedy, intervyyu* [In a co-authorship with the earth and water... Sketches, articles, conversations, interview]. Frunze, 1978. 408 p. (In Russ.)
2. Yantsen V.K. [Diskursiv practice as a scientific and methodical basis of formation of bilingualism in Kyrgyzstan]. [Ethnoses and cultures of Kyrgyzstan in historical interaction: Turkish-slavic-german cultural and language communications]. Proc. of the KRSU Int. scientific conf. works. (Bishkek, on Sept. 25–26, 2012). *Vestnik KRSU*, 2013, special iss., pp. 192–198. (In Russ.)
3. Zhirmunskiy V.M. *Sravnitel'noye literaturovedeniye. Vostok i Zapad* [Comparative literary criticism. East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 496 p. (In Russ.)
4. Ploskikh V.M. *Kirgizy i Kokandskoye khanstvo* [Kyrgyz and Kokandsky khanate]. Frunze, Ylym Publ., 1977. 416 p. (In Russ.)
5. Danilchenko G.D. [Family stories of Russians and the Ukrainian immigrants to Kyrgyzstan (history of my family)]. *Khranitel'nitsy* [Keepers]. Bishkek, 2012. Pp. 24–28. (In Russ.)
6. Aytmatov Ch. Nochnoj poliv [Night watering]. *Litsom k litsu* [Face to face]. Frunze, Glavizdat Publ., 1958. 144 p. (In Russ.)
7. Dzholdosheva Ch.T. [Story genre in Chingiz Aitmatov's creativity]. [Ethnoses and cultures of Kyrgyzstan in historical interaction: Turkish-slavic-german cultural and language communications]. Proc. of the KRSU Int. scientific conf. works. (Bishkek, on Sept. 25–26, 2012). *Vestnik KRSU*, 2013, special iss., pp. 239–246. (In Russ.)
8. Belskiy M. [Remembering Gavrila]. *Sovershenno nesekretno*, 2013, Nov. (In Russ.)
9. Aytmatov Ch. Sypaichi [Sepici]. *Rasskazy* [Stories]. Moscow, 1958. 160 p. (In Russ.)
10. Danilchenko G.D. [Daily communication Kyrgyz and Slavic immigrants in historical aspect]. [Ethnoses and cultures of Kyrgyzstan in historical interaction: Turkish-slavic-german cultural and language communications]. Proc. of the KRSU Int. scientific conf. works. (Bishkek, on Sept. 25–26, 2012). *Vestnik KRSU*, 2013, special iss., pp. 445–451. (In Russ.)

УДК 17:316.7

В.В. Кузнецов

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ ДОСТОИНСТВА

КУЗНЕЦОВ Владимир Викторович – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме становления евразийской философии достоинства, предметом которой является принцип достойного существования в аспекте евразийской идеологии. Евразийство рассматривается как одно из ведущих интеллектуальных течений в современной России.

Ключевые слова

ДОСТОИНСТВО; ЕВРАЗИЙСТВО; ПРИНЦИП ДОСТОЙНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ; РУССКИЙ ПУТЬ.

Философия – создание концептов. Высокие идеи, смыслы, ценности естественным образом рождаются в социальном и личностном бытии. Пророки, создатели религий, философские гении актуализируют высокие смыслы, ценности, идеи. Это и есть майевтика в сократовском смысле, т. е. родовспоможение, помощь при рождении идей, ценностей и смыслов. Искусство учителя состоит в том, чтобы помочь вспомнить уже существующее в душе ученика. Учитель не рождает в платоновском смысле принципиально новое. Новое знание существует в душах учеников в каком-то смысле изначально. Учитель помогает ученику извлечь идеи, ценности, смыслы. Философ сам не рождает высокие идеи, идеалы. Цель философии – формирование единого тотального пространства интеллектуального, философского, литературного. В начале 1990-х годов В.А. Подорога был одним из тех, кто констатировал завершение России как литературоцентристской цивилизации. Возможно, Россия завершена как идеократия, т. е. власть высоких идей и смыслов. Существует сложная комбинаторика власти традиционной как порядка идей, который раньше доминировал над порядком желаний. Сейчас порядок желаний, инстинктов доминирует над порядком идей. Смерть Бога породила сексуальную революцию, смерть субъекта,

автора детерминировала доминирование манипулятивных технологий власти над репрессивными технологиями. Оформился новый тип политического господства – манипуляция сознанием. В этих условиях опасность растления для России страшнее опасности гонения и прямой агрессии. Поэтому целью философии является новое конституирование тотального интеллектуального и литературного пространства. Доминирующей идеологией данного пространства постепенно становится евразийство. Именно оно способно сформулировать стратегию нашего цивилизационного прорыва в XXI веке.

Современная философия исходит из того, что постановка вопроса о моральных ценностях затрагивает проблему сущности человека. Сущностное бытие человека оказывается возможным только как бытие достойное.

Предназначение этики как одной из наиболее фундаментальных наук состоит не только в том, чтобы размышлять о достойном бытии, но и в том, чтобы побудить человека к такому бытию. По суждению Аристотеля, «...наша наука не имеет целью теорию (знание), как другие науки. Ведь не для того мы рассуждаем, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы стать хорошими людьми. Иначе наша наука была бы бесполезной» [1, с. 170]. А поскольку

этическое познание с неизбежностью стремится к нравственному улучшению бытия, то, по справедливому суждению Н.А. Бердяева, в основании этики, которая является одной из центральных наук о духе, лежит нравственный опыт, как и в основании философии вообще. Только тогда она имеет ценность. Этика учит не только о ценности, она есть не только аксиология. Она учит о ценности как о мощи, о верховном благе, как об источнике всякой силы: этика есть также онтология [2, с. 45].

Сегодня интерес к этосу особенно усилился в условиях, когда не работают классические этические конструкции: категорический императив И. Канта, христианская этика любви и сострадания. Хотя следует оговориться, что кантовский императив никогда и не был жизненной нормой. Даже Евангелие, излучающее свет, уже два тысячелетия остро нуждается в готовности людей воспринять этот свет. Данная проблема стоит особенно остро для нынешнего «постхристианского мира». По-прежнему справедливо суждение М. Шелера, отметившего, что существуют естественно-научная, философская и теологическая антропология, которым нет дела друг до друга, и поэтому «единой идеи человека у нас нет» [3, с. 32].

Сейчас, в условиях постнеклассической философии, в отличие от прежних грандиозных философских систем И. Канта, Г. Гегеля, Вл. Соловьёва, современные философские построения исходят из одного понятия. К таким понятиям относится понятие «достоинство человека», на котором основаны как личный выбор, так и сохранение своего образа в современном глобальном мире, национальная и личностная идентификация. Поэтому категория достоинства приобретает ныне метаэтический характер. Проблематика достоинства способна соединить разорванные части нашего существования. Подобные попытки предпринимались в XX веке, когда в 1948 году достоинство было признано одним из основополагающих неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека, что было зафиксировано как во Всеобщей декларации прав человека, так и в нынешней Конституции России, принятой в 1993 году. Об этом свидетельствует одна из энциклик Папы Иоанна Павла II, непосредственно посвященная человеческому достоинству.

Нашей целью является попытка разработки области междисциплинарного знания, которую мы называем евразийской философией достоинства. Предмет данной философии – принцип достойного существования, понимаемый на личностном уровне как постоянное усилие самопреодоления, т. е. «жизнь как усилие во времени» (М. Пруст), человек как «постоянное усилие над собой» (М.К. Мамардашвили). На уровне социальном принцип достойного существования сформулирован Аристотелем в простой и мудрой формуле: «Слава героям, позор трусам». Стагирит понимает справедливость как воздаяние по заслугам, по чести. П.А. Сорокин сформулировал данный принцип следующим образом: «преступление и кара, подвиг и награда». Общество поощряет и вознаграждает достойное поведение своих членов и подвергает порицанию, осуждению и презрению поведение недостойное.

Евразийство является вариантом русской идеи. Великая революция расколола русскую идею на красный и белый варианты. Евразийство выступило как попытка нового синтеза русской идеи. Евразийская идея достоинства есть альтернативная западной идеологии, философии и политической практике идея возможности политического и социокультурного проекта достойного существования России как полноценной самостоятельной цивилизации.

Точкой отсчета существования евразийства можно считать издание основополагающей работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920). Через год выходит работа «Исход к Востоку» (София, 1921) четырех авторов – лингвиста Н.С. Трубецкого, музыковеда П.П. Сувчинского, экономиста и географа П.Н. Савицкого и философа Г.В. Флоровского. Позднее к ним присоединились литературный критик Д.П. Святополк-Мирский, историк Г.В. Вернадский, философ Л.П. Карсавин, правовед Н.Н. Алексеев. Евразийцы попытались синтезировать в создании новой российской идеологии науку, религию и философию. Были изданы коллективные труды «На путях» (Берлин, 1922), «Россия и латинство» (Берлин, 1923), четыре «Евразийских временника» (Берлин, 1923, 1925; Париж, 1921; Прага, 1929), двенадцать выпусков «Евразийской хроники», издавались журнал «Версты» и еженедельная газета «Евразия» (1928, 1929).

Н.С. Трубецкой полагал, что Европа рассматривает свои ценности как универсальные, общечеловеческие. Мы знакомы с европейской наукой, философией, культурой, мы не знаем другой. То, что не является европейским по своему содержанию, не является универсальным и общечеловеческим, не имеет достойной перспективы для своего развития. Поэтому большей части человечества необходимо восстать против Европы и отстаивать собственный путь политического и социокультурного развития, собственное духовное достоинство.

Для XX века фундаментальным является противостояние достоинства в подлинном смысле этого слова и того явления, которое можно обозначить как ложное достоинство или псевдодостоинство. В условиях нормальной, спокойной жизни человек может вести себя достойно, воспринимать себя и казаться другим достойным человеком. Но в предельной ситуации, в момент опасности и риска, между жизнью и смертью от его достоинства не остается и следа, он теряет себя. Ложное достоинство не имеет идеи. Ему соответствует не идея, а то, что Платон назвал «симуляцией идеи», а в XX веке Ж. Бодрийяр охарактеризовал как симулякр. Ложное достоинство является симулякром, так как оно маскируется под достоинство истинное, выдает себя за него. Нужно усилие, чтобы оставаться живым в духовном смысле. Псевдодостоинство отражает процесс движения человека к духовному небытию

Один из представителей евразийского движения, впоследствии ставший его критиком, Г.В. Флоровский показал онтологические основания феномена псевдодостоинства в своей аналитике первородного греха. С его точки зрения, в самом по себе стремлении к «познанию добра и зла» не было и не может быть ничего дурного. Грехопадение же человека, по мысли Флоровского, состояло в том, что люди попытались познать добро и зло не путем творческого подвига, свободного искания и жизненного Богослужения, а магическим путем, механическим. Наши прародители захотели, чтобы их жизнь и судьба определялась не ими самими, а внешними материальными причинами. С точки зрения Флоровского, эти люди *унизили себя до положения простых вещей мира* и подчинили свою душевную жизнь физическому закону механической причинности и, значит, ввели свой

дух в общую цепь мировых вещей [4, с. 295]. Сущность грехопадения именно в отказе от достоинства, т. е. от нравственного усилия, от творческого подвига познания истины, в убеждении, что познание есть пассивное восприятие. Поэтому грехопадение отнюдь не есть первый самостоятельный шаг человека к обретению достоинства. Напротив, это шаг к ложному достоинству. Пассивное восприятие есть род знания, предназначенного развоплотить личность. С точки зрения психиатрии такое познание делает человека абсолютно внушаемым, а следовательно, зависимая человеческая душа становится открыта для злой воли, и образ Божий не сможет достичь подобия. Потому-то наказанием за первородный грех стали изгнание из Эдема и необходимость постоянного нравственного человеческого усилия – «жить в поте лица своего». Нужно усилие, чтобы жить достойно, и необходим «пот лица своего» для обретения собственной личности, утерянной в момент первородного греха. С этой точки зрения сюжет о первородном грехе является вечным. Теряя свое достоинство, человек постоянно совершает первородный грех. Нравственные усилия же по преодолению низменного начала в себе способствуют прояснению в человеке образа и подобия. Для современного мира в целом характерен отказ человека от принципа отцовства, т. е. попытка избежать бремени ответственности (А.С. Панарин). Фактически это является новым проявлением первородного греха.

В этом отношении евразийство выступает как философия волевой идеи и волевого действия, в котором конституируется подлинное достоинство, противостоящее псевдодостоинству.

Л.Н. Гумилёв, называвший себя «последним евразийцем», предложил один из наиболее ярких примеров философии волевой идеи, известной как теория пассионарности. Он представил сложную и динамичную систему, в которой место человека в иерархии определяется качественной степенью его пассионарности. Пассионарность – это способность к поступку, превышающая базовый инстинкт самосохранения. Количество же пассионарных особей зависит от фазы этногенеза. Представлены следующие уровни пассионарности по убыванию:

- 1) жертвенность,
- 2) стремление к идеалу победы,

- 3) стремление к идеалу успеха,
- 4) стремление к идеалу знания и творчества,
- 5) поиск удачи с риском для жизни,
- 6) тихий обыватель,
- 7) неспособность регулировать вожеления,
- 8) неспособность удовлетворять вожеления.

Уровни личностного достоинства:

- 1) быть как все,
- 2) быть не хуже других,
- 3) быть лучше всех,
- 4) быть лучше других,
- 5) быть недостойным – хуже других,
- 6) быть хуже всех – быть наихудшим [5, с. 339].

Для нас важны не только достоинство и честь личности, но и достоинство рода, народа, Родины, цивилизации, человеческого рода. Именно в этом проявляется специфика евразийской идеи достоинства по сравнению с идеей западной, в принципе отрицающей формы коллективной идентичности.

Утверждение человеческого достоинства – главная цель и одновременно содержание человеческой жизни. Это основная цель, на которую направлено усилие самопреодоления, одновременно само человеческое усилие самопревосхождения конституирует достоинство. Ничто не вызывает столь тяжелого страдания, как унижение. «Для существа разумного нет муки тяжелее ничтожества» (П.Я. Чаадаев). Энергетика человеческого духа направлена не просто на выживание, но выживание достойным способом с сохранением самооценки. Война, труд и творчество имеют тимотические (у Платона понятие «тимос» синонимично нашему пониманию достоинства) основания, так как человеческая значимость является базовым стремлением во всех сферах жизнедеятельности. Воля к достоинству – главная движущая сила человеческой истории, более фундаментальная, чем стремление реализовать интересы. При всей значимости интересов они более поверхностны. Достоинство же выражает глубинную и базовую потребность.

Предмет евразийской философии достоинства – сложный синтез справедливости, чести и достоинства, а также принципа доверия (к достойным качествам). По Конфуцию, есть три главные вещи, без которых нельзя обойтись: оружие, продовольствие и доверие (народа к правителям), т. е. необходимы достойное качество власти и управления, личностная

честь и достоинство правителей, меритократия (термин М. Янга) – власть качеств (достойных, проявленных как заслуги, отмеченные славой и почетом). Доверие, не являясь чисто экономическим фактором, составляет основу хозяйства. Мы доверяем достойным качествам товаров, оказываем доверие армии, профессиональным достоинствам врачей. Если в тимотической системе (системе взаимного противостояния / взаимодействия достоинств-тимосов социальных групп и личностей) нет доверия, то необходимы огромные материальные средства для тотального контроля и проверки.

С точки зрения либеральной логики современного мира изначально являются честь и достоинство индивида как социального атома. Индивиды, выделившиеся благодаря своим качествам, образуют изначально хищную аристократию, воля к власти которой конституирует и поддерживает социальный порядок, в том числе и принцип достойного существования как ядро Порядка, его первооснову. Квинтэссенция либеральной идеи достоинства была предложена К. Поппером в его теории «открытого общества» [6, с. 7]. Суть ее заключается в отрицании всех форм абсолютного и признании центральности индивидуума.

Если в новоевропейской традиции базовой категорией является личность, обладающая качествами самодостаточного социального индивида, то в евразийстве таким понятием является «симфоническая личность». Она является собой единство в многообразии, в котором единое существует во многом, а многое – в едином. Концепт «симфонической личности» в евразийской философии был разработан Л.П. Карсавиным. Он воспринял у ранних славянофилов идею соборности как «единства в многообразии». Именно соборность является высшим принципом существования личности, рода, народа, Родины. Только в сопричастности с целым – семьей, сословием, классом, народом, человечеством – индивид становится личностью. Каждый из этих феноменов есть, по сути, соборная личность. «Взаимосвязь между личностями разной степени соборности осуществляется в культуре, которая выступает как объективация „симфонической личности”» [7, с. 419]. Культура, в свою очередь, конкретизируется в индивидах, вследствие чего каждый становится «симфонической личностью».

«Симфонической личности», таким образом, соответствует понятие культуры.

Достоинство формируется, с одной стороны, как процесс автономизации и выделения индивида. С другой стороны, для осознания достоинства необходимо соотнесение себя с Другим, более совершенным, высшим, трансцендентным. Необходимо служение высшему, сверхличному, вплоть до самоотречения.

Постановка проблемы амбивалентности принципа достоинства позволяет раскрыть реальное противоречие истории, которая предстает как прохождение либо путем самоутверждения человека, автономии и самоактуализации в культуре, либо путем причастности его к абсолюту, в роли которого могут выступать Бог, социум и культура. Данное противоречие человек в силах разрешить лишь для себя, встав на ту или иную позицию. Рассмотрение философско-этического статуса проблемы достоинства человека с точки зрения амбивалентного подхода позволяет утверждать, что она является универсальной, приобретая в разные исторические эпохи специфические культурные формы. Особое значение для нас имеет проявление данного противоречия в истории отечественной культуры, в которой амбивалентность понимания достоинства особенно трагично проявилась в XX веке.

Наша цель – раскрыть универсальный характер феномена достоинства, представив его в виде амбивалентной системы, в которой совмещаются две аксиологические линии.

1. Достоинство человека заключается в самоутверждении, самоактуализации и самодостаточности личности. Такова новоевропейская гуманистическая позиция понимания достоинства. Самоутверждение предполагает полноту личностной самореализации, которая может проявиться как жизненный успех, достижение высокого социального статуса и социальной значимости, обладание достаточной для самоуважения собственностью, предельным вариантом которой является богатство, измеряемое в первую очередь в деньгах. Отнюдь не случайным является в христианской традиции противопоставление служения Богу и маммоне.

2. Достоинство человека состоит в причастности к высшему трансцендентному началу, в роли которого может выступать Бог, в служении

тому, что человек признает своей святыней, Богу, государю и Отечеству.

Проблема достоинства человека является острой, болезненной и значимой именно для русского бытия. Писателя и неоевразийского философа Ю.В. Мамлеева однажды поразило высказывание одного из слушателей его лекций, англичанина, который сказал приблизительно следующее: «Самое удивительное в русских то, что они задают, притом с такой страстью и с таким интересом, вопрос самим себе: что такое Россия? У нас никто не задает себе вопрос, что такое Англия. Это звучало бы полным абсурдом. Все знают, что Англия – просто страна с парламентом».

Именно на этом акцентирует внимание Мамлеев: «Для русской души самый парадоксальный вопрос: что такое Россия? Но все предлагаемые „ответы“ на этот вопрос лишь „границы великой истины о России“» [8, с. 8]. Сама постановка подобной проблемы в русской философии не есть проявление превосходства русского национального духа над британским или наоборот. Это своеобразие русского пути, проявившееся в особенностях русской мысли.

Мы не хотим сказать, что представителям других народов не свойственна рефлексия по поводу того, чем является их родина. Наличие данной рефлексии не является свидетельством силы, как не является и атрибутом слабости. С подобной рефлексией связано осмысление и переживание гордого чувства национального превосходства или, напротив, комплекс национального унижения. При этом превосходство часто формируется, отталкиваясь от первоначальной неполноценности и унижения. «Последние будут первыми, а первые станут последними», по известной евангельской формуле. Известна парадоксальная формула Солженицына: «благословенны не победы в войнах, а поражения в них». Предшествующая неполноценность не унижает достигнутого превосходства. Она его условие, в известном смысле – родительница. Это справедливо как для личностного роста, так и для национальной победы. Точно так же могут быть сопряжены чувства изгойства и избранничества. Согласно теории А. Адлера, становление культуры есть компенсация и сверхкомпенсация изначальной неполноценности человека как биологиче-

ского существа. Достойное, тем более великое возможны лишь при борьбе с исходной слабостью и ущербностью. В христианской традиции первородный грех и есть сознательный отказ от духовного усилия, попытка пойти по легкому пути, исключающему самопреодоление (В.С. Соловьёв, Г.В. Флоровский).

Психоанализ и христианство – безусловно разные мыслительные стратегии и духовные практики, во многом противоположные, но есть универсальный принцип, присущий как сакральной религии, так и иным способам духовной реализации. Это принцип самопреодоления. Возможны ли вообще достойное и великое при отсутствии того, что отрицается и преодолевается? Человеческое бытие, как на личностном, так и на национальном уровне, проявляется как сложное диалектическое единство унижения и достоинства, неполноценности и превосходства, изгойства и избранничества.

В разных национальных традициях мы видим различные варианты взаимопроникновения и борьбы данных противоположностей. Национальные образы достоинства претерпевают существенные трансформации во времени. Тем не менее достоинство в чистом виде, т. е. без унижения, превосходство в совершенной форме, исключая элементы неполноценности, избранничества, несовместимое с изгойством, существуют только на высшем уровне иерархии достойного существования в таких модусах значимости, как героизм, святость, гениальность. Но даже героизм есть победа духа над ужасом боли и смерти, даже святость торжествует лишь в борьбе с великим грехом, даже гениальность есть высшее напряжение и взлет свободного творческого духа, поднимающегося над обыденностью, даже низостью «человеческого, слишком человеческого». Богоизбранность неразрывна с социальным изгойством, праведник возможен лишь в преодолении грешного, несправедливого мира в себе самом, пророк есть изгой и побивается камнями, а Спаситель принимает позорную казнь раба, превращая орудие позора и смерти в символ спасения. Такова диалектика достоинства на личностном, национальном и вселенском уровнях.

Речь идет о том, что именно трагизм русского пути превратил вопрошание о России как

духовно-онтологической реальности в один из мучительных и жизненно важных вопросов для русского ума.

Ныне современный мир стоит перед необходимостью смены социокультурной парадигмы, определяющей нравственное поведение человечества. Как показывает представитель неоевразийства А.С. Панарин, существует угроза утраты общечеловеческой перспективы. Мир раскололся на избранное меньшинство приспособленных и «достойных» («золотой миллиард») и прочее большинство неприспособленных и «недостойных», к которому принадлежит всё остальное население планеты [9, с. 6–7]. Отнюдь не «достойные» и сильные способны выработать новую социокультурную парадигму: она им не нужна, нынешний статус-кво их устраивает. Напротив, сейчас необходимо вспомнить старый христианский парадокс: первооткрывателями человеческой перспективы являются не сильные мира сего, а «нищие духом». Именно пасынкам прогресса, в числе которых сегодня находится Россия, предстоит выработать сценарий качественно иного будущего. В основу данного сценария, вероятно, будет положена евразийская идея достоинства человека.

Американскому глобальному проекту, основанному на социал-дарвинистских принципах, может быть противопоставлена лишь глобально сформулированная альтернатива. В ее основание может быть положена евразийская идея, основанная на христианских духовных ценностях.

Президент обозначил как первостепенную задачу обеспечение конкурентоспособности нашей страны. Данную задачу невозможно выполнить исключительно экономическими средствами, путем реализации исключительно экономической стратегии, пусть даже самой продуманной. Прежде всего нам необходима опора на национальную духовную традицию и на великую русскую культуру. Без этого невозможно мобилизация духовно-нравственных сил общества и формирование того самого победного духа народа, благодаря которому Россия уже не раз восставала из руин. Необходимо восстановление духовных, культурных и нравственных традиций. Определяющее начало для культуры и экономики – дух, который лежит в их основе, который их, собственно, и творит.

Проявление же национального духа — это русская традиция достоинства человека, восстановление которой является условием возрождения России. Поэтому для нас актуален концепт консервативной модернизации, т. е. овладение

инновационными технологиями с опорой на традиционные отечественные духовные ценности. Именно евразийство может стать проектом достойного существования России в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Этика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. 1392 с.
2. **Бердяев Н.А.** Опыт парадоксальной этики / сост. и вступ. ст. В.И. Калужного. М.: Аст, 2003. 480 с.
3. **Шелер М.** Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 270–292.
4. **Георгий Флоровский, прот.** Пути русского богословия. М.: Умса-Press, 1983. 600 с.
5. **Гумилёв Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
6. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992. 448 с.
7. **Карсавин Л.П.** Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. 536 с.
8. **Мамлеев Ю.В.** Россия вечная. М.: Аиф-Прима, 2002. 336 с.
9. **Панарин А.С.** Глобальное политическое прогнозирование: учеб. для студентов вузов. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.

V.V. Kuznetsov

THE EURASIAN IDEA OF DIGNITY

KUZNETSOV Vladimir V. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of formation of the Euroasian ideology. Its subject is the principle of existence in reference to the Euroasian ideology. Eurasianism is considered by us as one of the leading intellectual trends in modern Russia.

Keywords

DIGNITY; EURASIANISM; THE PRINCIPLE OF DECENT EXISTENCE; THE RUSSIAN WAY.

REFERENCES

1. Aristotel. *Etika. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura Publ., 1998, 1392 p. (In Russ.)
2. Berdyayev N.A. *Opyt paradoksalnoy etiki* [Experience of paradoxical ethics]. Moscow, Ast Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
3. Sheler M. *Polozhenie cheloveka v Kosmose* [The Place of the person in Space]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The Problem of the person in the western philosophy]. Moscow, 1988. Pp. 270–292. (In Russ.)
4. Georgiy Florovskiy, prot. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian divinity]. Moscow, Ymca-Press, 1983. 600 p. (In Russ.)
5. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of Earth]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1990. 528 p. (In Russ.)

6. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [An open society and its enemies]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, 1992. 448 p. (In Russ.)

7. Karsavin L.P. *Maly'e sochineniya* [Small of the composition]. St. Petersburg, Aletyya Publ., 1994. 536 p. (In Russ.)

8. Mamleyev Yu.V. *Rossiya vechnaya* [An eternal Russia]. Moscow, Aif-Prima Publ., 2002. 336 p. (In Russ.)

9. Panarin A.S. *Globalnoe politicheskoe prognozirovanie* [Global political forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

УДК 327

Н.В. Рудская

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОЕКТА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЯХ

РУДСКАЯ **Нина Владимировна** — старший научный сотрудник лаборатории прикладной психологии и социологии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат культурологии.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: nrudskaya@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются своевременность и оправданность выбора Россией евразийского вектора в международной стратегии, а также генезис связанных с этим выбором геополитических рисков. По мнению автора, актуальность Евразийского проекта заключается в том, что Россия может создать на Евразийском пространстве уникальный феномен притягательности — «симфонию этносов», обеспечив тем самым безопасность не только своих национальных стратегических интересов, но и мирового геополитического устройства.

Ключевые слова

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ; ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР; ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕДОВЩИНА; СИМФОНИЯ ЭТНОСОВ; ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ; ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что тема евразийской интеграции обрела новое мощное дыхание. Импульсом к нему явилась современная геополитическая реальность. Реальность, в которой однополярный мир с «всеобщим равнением на стацию Свободы» не состоялся и в которой свое новое место должны осмыслить не только Россия, страны Европы, США, но и государства, находящиеся за пределами Кавказского хребта.

Конечно же, евразийский вектор нашей политики ни в коей мере не подразумевает разжигания в российских умах идеи конфронтации с Западом. О том, что Европа нам «второе отечество» и «почти так же всем дорога, как Россия», Ф.М. Достоевский писал еще в 1877 году [1, с. 28]. Но из уроков нашей истории мы прекрасно усвоили, что на Западе всегда располагался не только наш главный потенциал сотрудничества, но и постоянный источник вызовов и угроз. А попытки договориться с западными партнерами о братском и взаимовыгодном сотрудничестве, как правило, наталкивались на

их «справедливые» предложения (как заметил В.В. Путин): «давай сначала съедим твое, а потом — каждый свое».

Поэтому сегодня представляется актуальным не только обозначить новые риски и угрозы на российском пути построения Евразийского пространства, но и выработать «тактику адекватного духовного реагирования» на их появление и разрастание в условиях быстро меняющихся конфигураций международных отношений.

Для начала нужно ответить на вопрос: действительно ли геополитическая реальность первого десятилетия XXI века обладает абсолютно новыми, не встречавшимися донныне характеристиками? Или мы имеем дело с хорошо известными и узнаваемыми чертами имперского сознания в дурном смысле этого слова, когда некий глобальный монстр объявляет всю планету зоной своих национальных интересов, подчиняя этой «концепции» всю политику своего государства? (Напомним, что в некоторых отечественных СМИ такое пове-

дение уже получило свое название – «глобальная дедовщина».)

По мнению Н.А. Нарочницкой, в геополитическом рисунке настоящего времени без труда узнается «направление всех стрел давления с Запада на Россию на протяжении нескольких веков – это оттеснение нас на северо-восток Евразии, от региона проливов и Черного моря, от того, что и сделало Россию великой державой» [2]. Главной целью такого давления, как известно, является получение абсолютного контроля над мировыми энергетическими ресурсами. А после открытия на рубеже XX и XXI веков новых запасов нефти и газа особое военно-стратегическое значение обрело также и обеспечение контроля за подступами к этим ресурсам и территорией вокруг них.

Напомним, что речь идет, в частности, о Балканских странах, Молдове, Грузии, Турции, об Израиле и Украине, т. е. о государствах, имеющих непосредственное отношение к проектам транспортировки нефти; о государствах, которые Запад мечтает включить в НАТО. Именно во многих из этих государств (как по мановению палочки опытного дирижера) прошли блестяще спланированные «цветные революции», приведшие к власти прозападные режимы, либо (по более жесткому сценарию, как в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии) военные вторжения, повлекшие за собой огромные человеческие жертвы.

Следует отметить, что Центральная Азия – «подбрюшье» России – также входит в зону «геостратегических императивов» Запада, о чем свидетельствуют недвусмысленные попытки мира «победившей демократии» оттеснить Россию на северо-восток Евразии от главного центра коммуникаций энергоресурсов. (Заметим, что в этих же целях Запад осуществляет политику разжигания военных конфликтов и террористических актов на Кавказе и в Причерноморье.)

Подобные выводы вполне можно было бы списать на синдром необоснованных опасений («у страха глаза велики»). Но обращение к авторитетным источникам (в том числе и к западным), к сожалению, говорит об обратном.

В XX столетии трудно назвать более последовательного и «ортодоксального» русофоба, чем З. Бжезинский, любимое хобби которого, по определению Дж. Кеннета Гэлбрейта,

заключалось в том, чтобы «вредить России» (Galbraith J.K. Democracy Inaction // Salon. 30.11.2004). (Напомним, что Бжезинский принимал непосредственное участие в создании таких антироссийских структур, как Бильдербергский клуб (1954), Римский клуб (1968), Трехсторонняя комиссия (1973). Тем интереснее и поучительнее рассмотреть именно его взгляды на активизацию евразийского вектора в геополитических инициативах России.

З. Бжезинский писал, что с конца XX столетия США стали «не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире» [3, с. 13]. Однако, подчеркивал он, это лидерство США в мире напрямую зависит от того, «насколько долго и эффективно будет сохраняться их превосходство на евразийском континенте» [Там же. С. 14]. Не трудно догадаться, что независимая политика России и ее Евразийский проект являются «костью в горле» для осуществления национальных интересов США в Евразии. Именно поэтому разрушение СССР было воспринято американским сообществом как блестящая цивилизационная победа США.

По мнению Бжезинского, главное значение разрушения СССР заключается не только в ослаблении России, но и в том, что Россия предоставила Западу стратегический шанс «для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше в глубь Евразии» с целью овладения «неисчислимыми природными богатствами Сибири» [4, с. 139]. Как следует из вышеприведенного текста, одним из главных рисков Евразийского проекта является именно тот факт, что Россия «встала на пути прогресса» геополитической экспансии Запада, начав «активно работать над геэкономическим структурированием пространства, которое в сознании американского истеблишмента уже давно принадлежит Америке» [5].

Если с подобным проявлением «глобальной дедовщины» все абсолютно ясно, то позиция определенной группы российских граждан вызывает, мягко говоря, недоумение. Не секрет, что в России, на борьбу с которой Бжезинский положил всю свою жизнь, его книги выходят тысячными тиражами, переиздаются, их автора приглашают на форумы, и многие российские СМИ «принимают его с распростертыми

объятиями» [5]. В частности, международный комментатор московской радиостанции «Коммерсантъ FM» Константин фон Эггерт (награжденный, кстати сказать, «за особые заслуги» орденом Британской империи и крестом «За заслуги перед Литвой») целеустремленно вбивает в сознание россиян «чувство их национальной ущербности, несостоятельности, исторической вины, никчемности» [Там же]. Называя Евразийский проект «нестерпимо позорным», Эггерт уверяет, что россияне, по-прежнему оставаясь наследниками Ленина-Сталина-Брежневца, с их ГУЛАГом, очередями за колбасой и войной в Афганистане, ничего не могут предложить своим союзникам. Ведь, «за исключением победы в войне и полета Гагарина, да еще двух-трех имен типа Шостаковича, XX век — потерянное для России столетие» [Там же].

Для освоения уже упоминавшейся выше «тактики адекватного духовного реагирования» (где предпочтение отдается здравому смыслу, а не планам мести и ненависти) уместно принять в качестве «неизбежных довесков» социального негатива следующие факты:

1) в определенных кругах отечественного «истеблишмента» тема русской «никчемности и тупости» хорошо известна и популярна, являясь своего рода *знаком* принадлежности к «элите мирового цивилизованного сообщества». (Уместно заметить, что Ф.М. Достоевский еще в 1877 году описывал возрастающее в среде русской интеллигенции «презрение к своему и к своим», основанное на «алчном желании переродиться в европейцев» [1, с. 26];

2) полезно периодически вспоминать слова нашего президента о том, что подобные люди просто «обслуживают интересы другой страны». (Возможно, в соответствии со своим «нравственным кредо»: *ничего личного — бизнес.*)

В сегодняшних геополитических реалиях интересы «другой страны», в частности, сводятся к тому (как следует из концепции Бильдербергского клуба), чтобы устранить любые препятствия, мешающие абсолютному господству англосаксонской расы в Евразии. В свою очередь, таким препятствием является «сердцевина (Heartland) земного шара» — Россия. Поэтому именно Россию «необходимо сдавливать со всех сторон объятиями анаконды, создав на южном направлении государство-вассал проанглосаксонского толка, которое, раскинув-

шись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко достигает Индийского океана» [2].

Очевидно, что Евразийский проект России (ко всем прочим «недостаткам», раздражающим Запад) является еще и абсолютно неприемлемым фактором на пути англосаксов к *мировой гегемонии*, в связи с чем «овладение всей полосой Южной Азии между 30-м и 40-м градусами северной широты» и постепенное вытеснение русского народа с Евразийского юга, сдавливание его в северных широтах вполне соответствуют воплощению «интересов другого государства» [6].

Характеризуя очередные *риски* на евразийском пути России, необходимо отметить, что апологетам «геостратегической экспансии» (или, попросту говоря, «глобальной дедовщины») мало только утверждать, что все территории Евразии уже давно принадлежат им. Оказывается, необходимо также привести неоспоримые доказательства агрессивной политики СССР (а затем и России), «приведшей к порабощению и лишению национальной независимости», по сути, всех народов, проживавших на территории 15 союзных республик (см. закон «О порабощенных народах», принятый конгрессом США 17 июля 1959 г.). На основании этого закона предложение Бжезинского «расчленив СССР на 22 части», а РСФСР — на 7 или 8 частей [5] выглядит вполне «демократичным и убедительным».

Стоит вспомнить, что в свое время в разных источниках (включая нацистские) публиковались сценарии такого раздела, согласно которому на территории СССР должны были «материализоваться» Московия, Ингерманландия (Северо-Запад), Юг России, Идель — Урал, Казакия, Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская и Дальневосточная республики.

Так, президент Клинтон 24 октября 1995 года на совещании Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) поспешил отчитаться перед коллегами о практическом осуществлении «долгожданного» сценария: «Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство» [Там же].

Как можно заметить, вытеснение России с Евразийского пространства является лишь частью глобального плана «геостратегической экспансии». Далее речь идет о расчленении России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии, а также об установлении нужного режима в оторвавшихся от России республиках [7, с. 433, 434].

Примечательно, что «сладострастные» притязания на Россию, ее территории, которые В. Путин (комментируя в свое время «заявки» Мадлен Олбрайт) назвал «политическим эротизмом», также не новое явление в истории нашего государства. В период с 1948 по 1954 год И.А. Ильин написал серию статей (изданных позднее в двух томах как «Наши задачи»), которые были восприняты единомышленниками как идеологические инструкции для борьбы за возрождение России и против всех ее врагов и ненавистников. К сожалению, труды Ильина (после почти полувекового забвения) стали доступны широкой российской общественности лишь на исходе 90-х годов XX века, и многим еще неизвестны следующие слова мыслителя: «Подготавливаемое международною закулисою расчленение России не имеет ни малейших оснований, никаких духовных или реально-политических соображений, кроме... нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и Восточному Православию» [8, с. 122].

Эта закулиса, писал Ильин, собирается разделить Россию, переломав ее народы, как «прутики, поодиночке, и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации» [Там же]. Рассматривая структуру и характерные черты основных «игроков» закулисы, Ильин писал, что для одних Россия «слишком велика», народ ее слишком многочислен и загадочен, пугающее единство России «таит угрозы и завоевательные планы»; для других Россия – потенциальный соперник, конкурент, который, хотя и не посягает на их планы, но... может посягнуть; третьи, будучи сами одержимы «завоевательными намерениями и промышленной завистью», пытаются уверить себя и других, что «русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе» и является не более чем «историческим навозом», который «сам бог» предназначил для «покорения и завоевания» [9, с. 98].

О том, что даже на самых «лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерием и снисхождением», Ф.М. Достоевский написал почти за 70 лет до И.А. Ильина, отмечая при этом, что нас там никогда «ни за какие жертвы и ни в каком случае» не примут за своих, как бы мы ни «виляли перед ними», подобоострастно «исповедуя им наши европейские взгляды и убеждения» [1, с. 28].

Поэтому никакие наши «потуги» влезть в «элитные» ряды «мирового цивилизованного сообщества», «подулучиться и подразвиться», чтобы «соответствовать» и т. п., никогда не достигнут желаемой цели.

Глупо ждать доброжелательства от неприятеля, которому на самом деле, как писал Ильин, «нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении... Россия с убывающим народонаселением, Россия безвольная, погруженная в нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести бюджет, ни создать свои армию и флот» [9, с. 99].

Что же до российской «агрессии» по отношению к «порабощенным народам», то бесполезно оправдываться и пытаться доказывать истину тем, с кем мы находимся «в разных мировоззренческих категориях», поскольку «нельзя объяснить слепому разницу между светом и тьмой» [2].

Но думается, что большинство российских граждан имеет право знать не только «англосаксонский вариант» истории своей страны. Сегодня нам особенно необходимы разработки тех русских мыслителей, для которых русская история и само понятие *Родина* никогда не отождествлялись с сиюминутным политическим институтом или режимом. Для них Россия навеки осталась непреходящей ценностью – Отечеством, они всегда ощущали острое чувство сопричастности к его многовековой истории (со всеми взлетами и падениями), чувство ответственности за его прошлое, настоящее и будущее.

Тот же И.А. Ильин писал, что «европейцы никогда не верили в миролюбивую политику русских государей», внушая себе и другим, что Россия только и стремится к территориальному расширению, желая «покорить себе всех

соседей» [10, с. 94]. «Назовите мне хоть одну колонию, захваченную Россией на чуждом ей континенте!» — восклицает мыслитель в своей отповеди *расчленителям*. Таковых нет и в помине. Но Франция, Бельгия, Португалия, Голландия, Англия — «все свободны налагать руку на далекие и чуждые им земли и племена». Многочисленные славянские народы, жившие еще в IX веке на восточной половине Западной Европы от Дании до Далмации — ободриты, линоны, лютичи, редарии, укеры, хевеллы, сорбы и мн. др. — «все или вырезаны, или денационализированы германцами, и даже имена их не упоминаются, разве в путеводителе напишут — „остатки языческой эпохи”. Тактика завоевателей сводилась к тому, чтобы после победы вырезать всю аристократию побежденного народа, затем „обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами”. Этот старый общегерманский прием — „обезглавление” побежденного народа был позднее применен к чехам, полякам и русским» [8, с. 113]. Россия же сохранила все 160 (некоторые насчитывают 166) племен, никого не искоренив, всем оставив свободу.

«На заре перестройки» в 90-е годы XX века было немало тех, кто надеялся, что мы, разоружив и развалив собственными силами так «пугающую» всех великую державу, получим «контрамарку» уж если и не в «партер», то хотя бы на «галерку» в мировом цивилизованном сообществе и станем полноправными производителями и потребителями всех «общечеловеческих ценностей».

Но, похоже, шансов таких у нас никогда и не было. В.Б. Павленко в своей статье [11] приводит ссылки на секретную директиву № 20/1, принятую Советом национальной безопасности США 18 августа 1948 года. Согласно выдержкам из этого документа, американское правительство ставило целью «добиться того... чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях независимо от идеологической основы любого некоммунистического режима». **Независимо** от того, в какой мере на словах СССР будет готов воздать хвалу демократии и либерализму, США должны создать автоматические гарантии того, чтобы «даже номинально дружественный нам режим: не имел большой

военной мощи, в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира, не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами, не установил ничего похожего на железный занавес» [12, с. 306–307].

Похоже, наши классики все-таки были правы, как и русский мыслитель А.Е. Вандам (Едрихин), сказавший сто лет назад: «Хуже вражды с англосаксом может быть только одно — дружба с ним» [См.: 5].

Важно отметить, что приведенные Е. Пономаревой слова Вандама лишь подтверждают наличие рисков и угроз (а также уточняют их источник), в том числе и на выбранном Россией пути формирования Евразийского пространства. Но осознание подобного рода угроз ни в коей мере не должно повлиять на «стратегию нашего духовного делания», на выверенные и выстраданные нашим народом духовные традиции мироощущения и миропонимания, согласно которым, защищая и отстаивая свои святыни, мы должны бороться с грехом, не осуждая при этом грешника. (Применительно к нашему случаю это означает: давая отпор любым проявлениям «глобальной дедовщины», не возвращать в своем сердце ненависти к народам других государств, элита которых проявляет к нам — подчас хорошо замаскированную — враждебность.)

С этим уникальным умением русских прощать врага, не требуя «контрибуции» и не желая мести, связано и нравственное основание выбора Россией евразийского пути.

«Идея Евразийского пространства, предложенная Путиным, — пишет Н.А. Нарочницкая, — не имеет ничего общего с восстановлением СССР, в чем его не преминули обвинить извечные оппоненты внутри и за рубежом» [6, с. 34].

Наш выбор — это не только средство противостоять давлению, но и право на историческую инициативу. Ведь именно у нашего Отечества есть поистине «бесценный и уникальный опыт многообразия, делающий Россию моделью мира с его великими перепадами в культуре, картине мира, потенциалах». Нам внятны не только «острый галльский смысл и сумрачный германский гений», нам известны и безумное богатство, и средневековая бедность, жизнь в пустыне, в лесах и в вечной мерзлоте.

У нас есть уникальный опыт не только мирного сосуществования, но и духовного единства

со всеми представителями «многонационального» и «многоисповедного» русского народа, создавшего за тысячу лет единую русскую культуру на едином пространстве, в едином климате, в единых условиях труда и быта, в сражениях с общим врагом и за общее дело.

Созданный за века феномен духовного единства (которое Н. Трубецкой определял как «туранский элемент» русской культуры) дал России уникальную способность понимать и принимать других, уважая их *инаковость* и своеобразие, которые часто не соответствуют универсалистским стандартам «мирового цивилизованного сообщества».

На фоне политики «глобальной дедовщины», основанной на принципах типа «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», русский проект Евразийского пространства являет собой идею справедливого мира и гармонии, где «на огромном пространстве свободного обмена достижениями каждый сможет молиться своим богам... без боязни порабощения и утраты самобытности» [6, с. 35].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: в начале второго десятилетия XXI века в мире изменилась не только геополитическая ситуация — сегодня на-

лицо (особенно в Западной Европе) неотвратимое нарастание «ценностной трансформации» практически во всех сферах культуры: социальной, демографической, нравственной.

В этой связи Евразийский проект подразумевает возможность решения сразу нескольких насущных задач: во-первых, Россия (как уже неоднократно случалось в истории) сможет стать гарантом международной стабильности и равновесия, обеспечив тем самым безопасность не только своих национальных стратегических интересов, но и мирового геополитического устройства; во-вторых, обладая бесценным опытом строительства государства едиными силами «многоисповедного» и «многонационального» сообщества, Россия может создать на Евразийском пространстве уникальный феномен притягательности — «симфонию этносов», идеал соборного единства-братства всех народов Евразии. Идеал, который придаст нашей цивилизации неповторимый облик, возвратив утраченные «на дорогах прогресса и модернизации» ориентиры смысла и величия бытия.

Какие трудности и риски ждут Россию на пути созидания такой «симфонии этносов», будет интересно рассмотреть в рамках уже совсем другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Мы в Европе лишь строящие // Дневник писателя. В 2 т. Т. 1. М.: Книжный клуб 36.6, 2011.
2. Нарочницкая Н.А. Интервью // Взгляд. 2014. 16 янв.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.
4. Он же. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2005.
5. Пономарева Е. Врага надо знать в лицо, или О любимом хобби Бжезинского. URL: www.fondsk.ru/news/2012/11/13/vraga-nado-znat-v-lico-o-ljubimom-hobbi-bzhezinskogo-17548.htm/.
6. Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2013.
7. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3 т. Т. 1. М., 2007.
8. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России // Национальная Россия: наши задачи. М.: Эксмо : Алгоритм, 2011.
9. Он же. О расчленителях России // Там же.
10. Он же. Мировая политика русских государей // Там же.
11. Павленко В.Б. Блеск и нищета политических куртизанок. URL: oko-planet.su/politiklist/227430-ble-sk-i-nischeta-politicheskikh-kurtizanok-vladimir-pavlenko.htm/.
12. Личная секретная служба И.В. Сталина: сб. документов. М., 2004.

N.V. Rudskaja

ABOUT THE RELEVANCE OF RUSSIAN EURASIAN PROJECT IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITY

RUDSKAJA Nina V. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: nrudskaya@mail.ru

Abstract

The article deals with the timeliness and pertinency of the Russian Eurasian vector selection in international strategy, as well as the genesis of geopolitical risks associated with this choice. According to the author, the Eurasian project is important today because Russia can create a unique phenomenon of attractiveness — “symphony of ethnicities” — on the territory of Eurasia, thereby ensuring not only the security of her national strategic interests, but also the safety of the global geopolitical configuration.

Keywords

GEOSTATEGIC IMPERATIVES; EURASIAN VECTOR; GLOBAL HAZING; SYMPHONY OF ETHNIC GROUPS; GEOPOLITICAL REALITY; VALUE TRANSFORMATION.

REFERENCES

1. Dostoevskij F.M. My v Evrope lish' stryutskiye. *Dnevnik pisatelya*. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Knizhnyj klub 36.6 Publ., 2011. (In Russ.)
2. Narochniczkaya N.A. Interv'yu. *Vzglyad*, 2014, 16 Jan. (In Russ.)
3. Bzhezinskij Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i eyo geostrategicheskie imperativy*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998. (In Russ.)
4. Bzhezinskij Z. *Vybor. Mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2005. (In Russ.)
5. Ponomareva E. Vraga nado znat' v lico, ili O lyubimom hobbi Bzhezinskogo. Available at: www.fondsk.ru/news/2012/11/13/vraga-nado-znat-v-lico-o-ljubimom-hobbi-bzhezinskogo-17548.htm/.
6. Narochniczkaya N.A. *Russkij kod razvitiya*. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2013. (In Russ.)
7. Zhukov V.I. *Rossiya v global'nom mire: filosofiya i sociologiya preobrazovanij*. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, 2007. (In Russ.)
8. Il'in I.A. Chto sulit miru raschlenenie Rossii. *Nacional'naya Rossiya: nashi zadachi*. Moscow, Eksmo, Algoritm Publ., 2011. (In Russ.)
9. Il'in I.A. O raschlenitelyakh Rossii. *Nacional'naya Rossiya: nashi zadachi*. Moscow, Eksmo, Algoritm Publ., 2011. (In Russ.)
10. Il'in I.A. Mirovaya politika russkikh gosudarej. *Nacional'naya Rossiya: nashi zadachi*. Moscow, Eksmo, Algoritm Publ., 2011. (In Russ.)
11. Pavlenko V.B. Blesk i nishheta politicheskikh kurtizanok. Available at: oko-planet.su/politiklist/227430-blesk-i-nischeta-politicheskikh-kurtizanok-vladimir-pavlenko.htm/.
12. Lichnaya sekretnaya sluzhba I.V. Stalina. Moscow, 2004. (In Russ.)

УДК 130.2

Т.Н. Евграфова

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

ЕВГРАФОВА Татьяна Николаевна – доцент Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации; кандидат философских наук.

Россия, 428025, г. Чебоксары, пр. М. Горького, 24
e-mail: evgrafova72@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме этнокультурной идентификации полиэтнического общества в современных условиях. Рассматривается этническая история чувашского народа, современное состояние культуры, языка, философии. Проанализированы философские категории, отражающие философское мышление народа, сформировавшееся на основе мифологических воззрений и традиций. В условиях глобализации важным фактором становится способность национальных культур стать частью глобальной культуры, не противостоя ей. Осознавая себя частью Российского государства, взаимодействуя с населяющими Поволжье народами, чуваша сохранили национальную культуру и язык, составляющие сокровищницу мировой культуры.

Ключевые слова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ; ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА; НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК; ЧУВАШСКАЯ МИФОЛОГИЯ; ФИЛОСОФСКОЕ МЫШЛЕНИЕ.

В настоящее время проблема сохранения этнической и культурной целостности Российского государства, историко-культурной самобытности евразийских народов становится одной из центральных проблем. В условиях преобразования экономических, политических, социокультурных аспектов жизни происходит рост значимости культурной идентификации общества, отдельных культурных групп, личности. По-новому ставится задача сохранения и развития национальной самобытности каждого народа. Активно возрастает интерес к защите традиционных духовных ценностей и нравственных норм, обычаев. Процессы глобализации оказывают значительное влияние на этническую идентификацию в условиях усиления культурного единства, однако «развитие глобализации не сможет привести к стиранию этнических различий, а вместе с ними и этнических идентичностей» [1, с. 243].

Общепризнанным является мнение, что рост культурной самостоятельности народов

благоприятно влияет на расширение контактов между разными культурами и их сближение. В составе России исторически соединены множество народов, различающихся по языку, традициям и вероисповеданию. Разные этнические культуры и языки свободно сосуществуют, активно взаимодействуют и влияют друг на друга, что придает устойчивость и открытость общему культурно-цивилизационному потенциалу России. Полиэтническая среда является благоприятной средой для развития самосознания народа, формирования ориентаций на сохранение этнонациональных ценностей и порождает уважительное отношение к традициям и культурам других народов.

Рассуждая об этнокультурной идентификации чувашского народа, будем исходить из того, что содержание данного понятия определяется индивидуальным и коллективным осознанием общности и единства этнонациональной группы на основе разделяемой культуры, это обусловлено «потребностью человека в упорядочении

представлений о себе и своем месте в картине мира» [2]. По мнению И.В. Малыгиной, обретение единства с окружающим миром достигается в языковой, религиозной и других общностях «посредством интеграции в культурно-символическое пространство социума» [Там же]. Она считает, что этнокультурная идентичность может проявляться как «наиболее органичная форма существования человека, которая раскрывается посредством обязательных для этноса признаков, осознается и переживается индивидом как данность и проявляется посредством общих для этнической группы языка и культуры (в самом широком ее понимании), отличных от языка и культуры других народов» [Там же].

Чувашская Республика представляет собой полиэтнический регион, национальный состав которого остается стабильным в последние десятилетия. По данным Всероссийской переписи населения (2010), более двух третей жителей республики (67,7 %) составляют чуваша, на долю русских приходится 26,9 %, татары составляют 2,8 %, мордва – 1,1 %, украинцы – 0,4 %, марийцы – 0,3 %, представители других национальностей – 0,8 %.

Этноним *ч'ваш* исходит к названию сувар/суваз, в русских источниках он встречается впервые в 1508 г., но вплоть до начала XVIII в. чувашей называли «горными людьми», «черемисскими татарами» [3, с. 680]. Становление этнической общности *ч'ваш* ученые связывают с носителями прототюркского праязыка, обитавшими в III тысячелетии до н. э. в Центральной Азии. Древнейшие предки чувашей – болгары и сувары – вышли из этнической общности огуро-оногуров, которые в результате взаимодействия с ираноязычными племенами сформировали протоболгарскую этническую общность. Со временем она вошла в Гуннскую федерацию, после гибели которой в VI в. болгары и сувары попали под власть Западнотюркского каганата. «Остаток западных гуннов спасся в приволжских лесах и после вторичной метисации сложился в этнос чувашей, начисто забывших древние традиции азиатских предков», – писал Л.Н. Гумилёв [4, с. 92]. Однако значительная их часть сохранила традиции кочевого быта и мигрировала на берега Средней Волги. В X в. в Волго-Камье образовалось единое государство Волжская Болгария, которое населяли болгарские и суварские племена, чьи потомки боль-

шей частью представляли собой сельское земледельческое население, явившееся основой для формирования чувашского этноса. В процессе этнической консолидации болгар, суваров и других родственных им племен, а также частичной ассимиляции ими местных племен буртасов и финно-угров к рубежу XII и XIII вв. сформировалась единая древнечувашская народность. После разгрома Волжской Болгарии монголо-татарами история чувашей связана с Золотой Ордой, Казанским ханством, а с середины XVI в. – с Русским государством.

Этническая история чувашей сопровождалась этноассимиляционными процессами, когда часть одного этноса поглощалась другим. Чуваша имеют устойчивые этнографические и языковые параллели с тюркскими народами Алтая и Южной Сибири, в частности с хакасами, тувинцами, уйгурами, алтайцами, что отчетливо проявляется в общих элементах одежды, устройства жилища, утвари, пищи, одежды, языческих религиозных верований, мифологии и фольклора. Тесное историко-культурное и хозяйственное соседство с кавказскими народами – балкарцами и ногайцами – нашло свое отражение в свадебных обрядах, космогонических представлениях (например, миф о низком небе). Интенсивные процессы этнокультурного взаимодействия с местным населением Средневожского региона привели к частичной ассимиляции с финно-угорскими племенами. До XVII в. происходила ассимиляция мари и мордвы (к примеру, считается, что под влиянием болгаро-чувашской культуры народ мари перешел от охотничьей жизни к скотоводству и земледелию). Сотни тысяч чувашей левобережья Волги приняли ислам и перешли на татарский язык, ассимилировались с татарским населением. В дальнейшем материальная и духовная культура чувашского народа обогащалась и развивалась под влиянием русской культуры.

Присоединение Чувашского края к Русскому государству в XVI в. и принятие чувашами христианства явились решающими факторами, открывшими перспективу социально-экономического и культурного развития чувашского народа, оказавшими значительное влияние на его духовную культуру и в целом на весь процесс формирования его самосознания.

Процесс консолидации в нацию происходил на рубеже XIX и XX вв., и признаками

этого явления стало то, что чувашский язык вырос до уровня литературного языка и появилась национальная интеллигенция. Языковая и культурная общность чувашской нации подкреплялась компактным проживанием основной массы народа на общей территории. Осознанное отношение современных чувашей к истории и культуре своего народа, к его духовно-нравственным ценностям и идеалам, интерес к традициям и обрядам, фольклору и языку свидетельствуют о росте этнической идентификации. Народ бережно хранит национальный язык, которому наряду с русским придан статус государственного. Именно чувашский язык признается сегодня самым древним тюркским языком, наиболее близким исчезнувшему древнебулгарскому языку. Согласно Всероссийской переписи населения (2010), численность чувашей в Российской Федерации составила 1,436 тыс. человек, 72,5 % из них владеют чувашским языком. Чувашскими переводчиками завершена работа по переводу текста Библии на чувашский язык, начатая еще в XIX в. просветителем И.Я. Яковлевым. Переведена на чувашский язык с русского языка (в переводе О. Сороки) трагедия Шекспира «Король Лир» (перевод сделал драматург и журналист В. Николаев). Благодаря гранту Министерства культуры Российской Федерации, выделенному на перевод произведений мировых классиков (Шекспира и Брехта) на чувашский язык, стала возможна постановка «Короля Лира» на молодежной сцене чувашского Театра юного зрителя.

Вплоть до XIX в. частично сохранялась чувашская письменность на базе рунической графики. Древнечувашский рунический алфавит генетически связан как с древнетюркским, так и с болгарским руническим алфавитом, элементы которого в настоящее время можно обнаружить в чувашской орнаментике и вышивке.

Чуваши являются одним из болгарских народов, сохранивших свой язык и самобытную культуру, в течение столетий накапливая духовное богатство народа, народные традиционные верования, обрядность, мифологию. «Овраги с ие¹ за далекими пашнями, поляны, где правят и ныне учук²», — писал народный поэт Чувашии П.П. Хузангай [5]. Приверженность чувашей к

богатым традициям, опыту и заветам предков позволила им сохранить сознание своей самобытности и самоценности, не растерять духовно-нравственные ценности и нормы.

Основу традиционного хозяйства чувашей составляли земледелие и животноводство. До середины XX в. подавляющее большинство населения Чувашии проживало в сельской местности. По итогам переписи 2010 г., в Чувашской Республике насчитывается 1720 сельских населенных пунктов, в них проживает 41,2 % населения, а 58,8 % — в ее девяти городах. Урбанизация и модернизационные процессы XX в. мало повлияли на чувашскую деревню, которая представляет собой в некотором роде замкнутый социальный мир, отличающийся своеобразием жизненных нравственных установок и общепринятых норм поведения. Литературные источники характеризуют чувашей как очень смысленных, усердных тружеников. В числе их положительных отличительных качеств называют трудолюбие, душевную доброту и честность, основательность, радушие, скромность, в числе отрицательных — обособленность, скрытность, завистливость. В современных рыночных отношениях выявились отсутствие у чувашей гибкости и присутствие негативного отношения к богатству и частной собственности, чувство коллективизма, которое имеет глубокие исторические корни. В течение нескольких тысячелетий чуваши сохранили обычай «нине» — коллективный труд, помощь сельчан, родственников в хозяйственных работах: вывозе леса, строительстве дома, уборке урожая [6, с. 215–217].

В чувашских воззрениях на общественные отношения благодатную почву нашел своего рода эталон общественного согласия. В герое чувашской сказки рождаются национальные черты оседлого труженика от сохи, которые вполне гармонируют с чаяниями трудящегося человека. Вступая в бой, который ему навязывается, этот герой неизменно верен правилам и нормам, присущим трудовому человеку, стоящему на стороне справедливости, чести и достоинства: «У нашего народа не принято вступать в бой, пока его первого не ударят. Ударь ты, Змей, первым, коли уж охота» [7, с. 233]. Таков идеал чуваша, воспеваемый в его застольном гимне пахаря — быть верным родной земле, сохе-кормилице, отцу-матери, сородичам: «С пашней-севом (плугом-сохою) мы не расстанемся, отца

¹ Ие — злой дух в чувашской мифологии.

² Учук — народное моление.

и мать не оставим... незабвенные родные и друзья, дорогие соседи и односельчане, да жить нам в согласии неразлучными до самой смерти» («Алран кайми аки-сухи»).

Кульм чистоты общинной жизни и священной связи человека и природы выразился в хороводном танце вайй, «который ассоциируется с огнем, светом и алым цветом — цветом праздничного крестьянского наряда. Это образы чего-то цельного и чистого, выходящего из далей забвенья, из глубин памяти, подобно восходящей заре» [8, с. 4]. Поэт Г. Айги отразил свое видение хоровода в стихотворении «Круг»:

время — одно — лишь одно: говорить о простом,
повторяясь пылающим кругом! —

и как будто восходит заря — расширяя крестьянские празднества
и вытягивая — до садовых вершин
блекло-алую память о платьях — давно отшуршавших:

свет — все алее — из далей забвенья! —

о зори — закаты — о годы-сиянья — сиянья-века! — как знамена-и-знаменья:

Целомудрия — Верности — Силы! —

а теперь уже — долго-далекого плача:

по народам-корням-человекам!.. [Цит. по: 8].

В Чувашской Республике представлены различные конфессии — большинство верующих чувашей относят себя к приверженцам православия, а в основных местах компактного расселения татар распространен ислам [3, с. 510]. Чуваша приняли христианство под влиянием русских, однако в верованиях чувашей до сих пор сохранились сильно видоизмененные реликты отдельных культов и некоторые элементы древней обрядности традиционной языческой веры, берущей начало от зороастризма. Одним из главных постулатов в языческой вере чувашей является наличие дуализма и цикличности в развитии мира: мировой процесс разделен на три этапа — *Творение, Смешение, Время* «Ахър». Многие обряды и ритуалы, передаваясь из поколения в поколение, сохранились до наших дней, особенно свадебные обряды с требованием исполнения полного объема ритуалов, например таких, как причитание, снятие покрывала невесты и др.

Богата и своеобразна чувашская мифология, представляющая собой целую систему этиологических, космогонических, антропогонических, демонологических и эсхатологических мифов. Традиционные космологические воззрения чувашей основаны на представлениях о мироздании как мировом океане, в котором покоятся космические опоры — земная твердь и мировая гора *Ама ту* — центр мира, где пересекаются все его оси, соединяя четыре угла и четыре стороны Вселенной. На вершине горы — мировое древо *Ама йываьс*, соединяющее верхний, средний и нижний миры. Своеобразную модель мира представляет *Киреметице* — священное место моления (*чүк*) и жертвоприношения с постройками на горе, возвышенном месте, со строением на четырех столбах, с деревом, родником.

Чувашская языческая мифология оказала влияние на формирование философского мышления народа — эта позиция обоснована нами в диссертационном исследовании «Миропонимание чуваш и формирование их философской культуры». Философия этноса появляется с момента возникновения этнического самосознания, еще в мифологическом выражении. Начальным этапом становления философского мышления чувашей было создание мифопоэтической модели мира, являющейся программой поведения отдельного человека и общества. По чувашским представлениям, Вселенная в точном соответствии с древнетюркскими, делится на семь сфер (небес), составляющих три мира, каждый со своими обитателями: три сферы поверх земли (Верхний мир — обиталище исполина Тангри, Тангри-хана — у суваров, или Тора, Сўльги Туря, т. е. верховного бога, у чувашей, что означает «небожитель»), четвертая сфера — земная поверхность (Средний мир, населяют смертные люди), остальные три сферы внизу, под землей (Нижний мир — мир обитателей бездны, мрака и хаоса, существ злых; в сказочных сюжетах тут властвуют гигантские змеи). В мифологических текстах основные объекты модели мира описываются в образах реальной действительности. Повествование обычно начинается с описания космического пространства (тăватă кĕтеслĕ çутçанталăк — четырехугольная Вселенная), конкретизируемого в чувашской традиции в виде степного пространства (ситмĕл те çичĕ çухрăм çеçенхир — степь, простирающаяся на семьдесят и семь верст).

В дальнейшем, в процессе приобретения ценностей мировой культуры, философская мысль чувашей поднялась на уровень научных категорий. В становлении философской культуры чувашского народа важнейшее место занимает формирование таких фундаментальных категорий, как материя, пространство, время, движение, их взаимосвязь [9, с. 176]. Эти понятия сформировались в его сознании по мере того, как он много раз сталкивался с реальными причинно-следственными, пространственно-временными отношениями вещей, их качественными и количественными сторонами.

Чуваши, имея собственное понятие о материи, первоначально имели в виду «землю» как первооснову всего сущего, а затем пользовались понятием «япала» (вещь), которое обозначало единство всего многообразия предметов и явлений, не только видимых, но и невидимых и неслышимых. Чуваши имели вполне отчетливые понятия о неотъемлемых свойствах материи — пространстве, времени, движении, с помощью которых мир приобретает структурные характеристики.

Понятие пространства в сознании чувашей осталось на уровне обыденного понимания и обозначено словом «тёнче» (мир, космос). Оно рисовалось в виде четырехугольной геометрической фигуры и представлялось как вместилище для расположения чувственно воспринимаемых тел и явлений, как условие существования самих людей. Чуваш еще не мог преодолеть представление о конечности и ограниченности мира. Смысл существования мира для него заключается не в возникновении и исчезновении вещей, а в нахождении каждым предметом своего места друг около друга. Месторасположенность придает предмету устойчивую конфигурацию и определяет его специфику. Определив предмету место, чуваш тем самым снял тождественность мира и пространства. Место (вырән) — одна из характеристик пространства. Таким образом, выделяя месторасположенность, самостоятельность и структурированность предметов в один из основных признаков и условий их существования, понятие мира переросло по смыслу в понятие пространства.

В мифах раннего периода у чувашей, как и у большинства народов мира, время «вӑхӑт» не было дифференцировано по интервалам прошлое — настоящее — будущее. Текучесть време-

ни усматривается в сознании чувашей позднее. Единое время стало разрываться на части, счастье и горе, с которым связаны будущее и прошлое, чередуются: человек гонит горе назад, в прошлое, и торопит будущее, где заключена возможность присутствия счастья. Настоящее время — это расстояние между горем и счастьем. Чуваш не мог не подметить невозвратимость событий того факта, что река времени течет лишь в одном направлении, не имея ни начала, ни конца. Следующей ступенью в становлении понятия времени у чувашей является зафиксированная неразрывность его с материальным миром: оказывается, время заключено в самих вещах, без их изменения невозможно уловить его течение. Время, несмотря на непрестанное движение, пассивно в своей деятельности по конечному результату: время постоянно, неудержимо течет, хотя у него нет конечной цели, оно постоянно спешит, хотя у него впереди нет никаких дел; оно приходит и уходит. В сознании чувашей нашло отражение понимание естественности и неотвратимости последовательного хода развития предметов и явлений окружающего мира.

Во всем предпочитающий стабильность и гармонию, в мире вещей и человеческих отношений чуваш принимает, как правило, лишь такое движение, которое не нарушало бы устойчивость мира. Развитие понимается чувашами как противоречие, обеспечивающее стабильность мира. Такое компромиссное состояние при сохранении автономности сторон составляет основу их устойчивого развития. Философское понимание движения чуваш выразил словами «куӑм», «шӑвӑм», которые обозначают не только перемещение тел из одного места в другое, но и всякое изменение вообще.

Представление о взаимозаменяемости и взаимообусловленности материи, пространства, времени и движения у чувашей строилось на элементарно-реалистическом понимании. Сменяемость, последовательное пребывание на этом месте различных предметов — время, нахождение их друг подле друга — пространство. И все это в один узел связывает движение. Без движения, изменения материальных тел мы не смогли бы сформировать и понятия пространства и времени.

Исследуя проблему взаимоотношения пространства и времени, материи и движения в фи-

лософской культуре чувашей, следует отметить, что в сознании человека понятия материи и форм ее существования развивались не отдельно, а параллельно и в неотрывной связи. Обнаружить эту взаимозависимость человек смог лишь на определенном уровне развития науки, техники и философского сознания. В историческом развитии категориального аппарата философского мышления чувашей присутствуют некоторые особенности. Основу их устойчивого развития составляет понимание чувашами развития как ведущего к гармонии, целостности путем достижения компромисса альтернативных сил, с исключением наиболее крайних, разрушительных проявлений, обеспечивающего стабильность мира и человеческого общества. В сознании чувашского народа существует осмысление бытия как единства мира, проявляющегося в целостности его составляющих, объединяющего различные части мира и позволяющего воспринимать существующее как нечто единое. Осознание того, что мир живет и развивается по своим законам, обеспечивающим стабильность и гармонию, было важным для миропонимания чувашей и формирования философской культуры [10, с. 121].

Философия является самым объективным показателем уровня развития культуры этноса. Именно философия выполняет функцию формирования самосознания, в ее сфере скла-

дываются новые человеческие ориентиры, потенциально возможные направления развития. Исследование формирования, становления философской культуры народа имеет решающее значение для роста этнического самосознания и укрепления целостности его духовной культуры.

Национальная культура в полиэтническом обществе становится главным посредником и основой взаимного движения наций и культур друг к другу, системообразующим фактором. В процессе диалога национальных культур вырабатываются новые смысложизненные ориентиры. Взаимодействие, взаимообогащение культур не должны подрывать основы национальной культуры, наоборот, они должны давать новые импульсы развитию. По мнению В.С. Степина, «многообразие культур и их взаимодействие выступают условием их развития. Унификация и уничтожение культурного многообразия могут приводить к вырождению культуры» [11, с. 71]. Чуваши – народ, который научился жить в русской культуре, не утратив своей культурной специфики, и именно особенности, которые отличают их от людей другой культурной традиции, позволяют идентифицировать себя как этнос. С другой стороны, чувашская мифология, устное народное творчество, песни, многозначительные узоры и другие духовные ценности останутся в сокровищнице мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность в эпоху глобализации // Науч. вед. Белгородского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2008. Вып. № 4, т. 8. С. 233–243.
2. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика): дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М., 2005. 305 с. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/jetnokulturnaja-identichnost.html>.
3. Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2011.
4. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: Ленинградское изд-во, 2009. 704 с.
5. Хузангай П.П. Были мы, и есть, и будем! Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1982. 400 с.
6. Скворцов М.И. Культура Чувашского края. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1995. 350 с.
7. Чăваш халăх сăмахлăхĕ = Чувашское устное народное творчество. В VI т. Т. V. Мифы и предания. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1987. 443 с.
8. Франс П. Г. Айги: современность и традиция // Республика. 2002. 17 июля. URL: http://gov.cap.ru/Publication.aspx?gov_id=12&id=760&page=642.
9. Исмуков Н.А. Национальное измерение культуры (философско-методологический аспект). М.: Изд-во МПГУ: Прометей, 2001. 273 с.
10. Евграфова Т.Н. Формирование философской культуры чувашей. Чебоксары: Изд-во ЧКИ РУК, 2011. 140 с.
11. Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61–71.

T.N. Evgrafova

REVISITING THE ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE CHUVASH PEOPLE

EVGRAFOVA Tatiana N. – *Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation.*
Pr. M. Gorkiy, 24, Cheboksary, 428025, Russia
e-mail: evgrafova72@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of the ethnocultural identity of the multiethnic society in modern conditions. The ethnic history of the Chuvash people, the current state of their culture, language and philosophy are considered. Philosophical categories reflecting the philosophical thinking of the people formed on the basis of mythological beliefs and traditions are analyzed. In the context of globalization the ability of national cultures to be seen as a conforming component of the global culture is becoming an important factor. Identifying themselves as a part of the Russian state, interacting with the Volga region population, the Chuvash preserved the national culture and the language, which belong to the treasury of the world culture.

Keywords

ETHNOCULTURAL IDENTIFICATION; ETHNIC HISTORY; NATIONAL CULTURE;
NATIONAL LANGUAGE; CHUVASH MYTHOLOGY; PHILOSOPHICAL THINKING.

REFERENCES

1. Muchlinkina J.V. [Ethnic identity in the globalization era]. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2008, iss. 4, no. 8, pp. 233–243. (In Russ.)
2. Malygina I.V. *Etnokulturnaya identichnost'*. Dokt. dis. [Ethno-cultural identity (ontology, morphology and dynamics). Doct. diss.]. Moscow, 2005. 305 p. (In Russ.) Available at: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/jetnokulturnaja-identichnost.html>.
3. *Chuvash encyclopediya*. In 4 vol. Of vol. 4. Cheboksary: Chuvash publ. house, 2011. (In Russ.)
4. Gumilev L.N. *Ritmy' Evrasii: epochi i civilizacii* [Rhythms of Eurasia: epochs and civilizations]. St. Petersburg, Leningrad publ. house, 2009. 704 p. (In Russ.)
5. Husangai P. *By'li my', i est', i budem!* [We were, and we are, and we will be!]. Cheboksary, Chuvash publ. house, 1982. 400 p. (In Russ.)
6. Skvortsov M.I. *Culture Chuvashskogo kraja* [Culture of the Chuvash territory]. Cheboksary, Chuvash publ. house, 1995. 350 p. (In Russ.)
7. *Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorcestvo* [Chuvash folklore]. In 6 vol. Of vol 5. Mify' i predaniya [Myths and legends]. Cheboksary, Chuvash publ. house, 1987. 443 p. (In Chuv.)
8. Frans P. G. Aigi: sovremennost' i tradiciya. *Respublika*, 2002, 17 July. Available at: http://gov.cap.ru/Publication.aspx?gov_id=12&id=760&page=642.
9. Ismukov N.A. *Nacionalnoe izmerenie culture'* (philosopsko-metodologicheskij aspect) [National dimension of culture (philosophical-methodological aspect)]. Moscow, MSPU, Prometheus Publ., 2001. 273 p. (In Russ.)
10. Evgrafova T.N. *Formirovanie filosofskoj kultury' chuvashei* [Formation of philosophical culture of the Chuvash]. Cheboksary, CHKI RUK Publ., 2011. 140 p. (In Russ.)
11. Stepin V.S. [Culture]. *Questions of philosophy*, 1999, no. 8, pp. 61–71. (In Russ.)

УДК 378

Е.Б. Тимерманис

ПУТЬ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТЕХНИКОВ

ТИМЕРМАНИС Елена Борисовна – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: etimermanis@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрена технология исследования представлений студентов, выраженных в графическом виде. Приведены результаты проведенного автором сравнительного анализа образов России, сформированных у учащихся технических и гуманитарных направлений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, выявлены знаки, символизирующие для студентов направление развития страны.

Ключевые слова

АНАЛИЗ РИСУНОЧНЫХ ОБРАЗОВ; ПУТЬ РОССИИ; НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ; ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ; СТУДЕНЧЕСТВО.

Исследование представлений студенческой молодежи имеет в отечественной науке давние традиции. Анкетирование и интервьюирование, проведение фокус-групп, несомненно, могут дать объективные знания о предпочтениях студенчества. Однако в последние годы большой интерес проявляется к анализу и интерпретации графических (рисуночных) данных. Подобные методики, распространенные в психологии, нашли применение и при проведении социологических и маркетинговых исследований. При изучении рисунков (графиков, схем, диаграмм) у исследователя появляется дополнительная возможность обобщить представления учащихся, сложившиеся под влиянием социальных факторов, выделить индивидуальные различия, связанные с гендером, возрастом, направлением обучения. А для студенческой молодежи создается комфортная среда для проявления творческих способностей, развития фантазии, выражения эмоций, что редко происходит в рамках образовательного диалога. Игровой характер методики позволяет получить знания по табуированным темам.

В современных условиях тема отношения молодежи к прошлому и будущему России яв-

ляется не только теоретически значимой, но важной и с практической точки зрения, так как взгляды и представления подрастающего поколения должны учитываться при формировании экономической, демографической, культурной, а также молодежной политики Российского государства. Поэтому необходимо исследовать, какие образы родной страны складываются в сознании студентов, с какими символами связана у них отечественная история, каким представляется будущее державы.

Изучение проблемы проходило по технологии, предложенной московскими социологами при изучении российской власти [1]. Предложенная форма задания не вызывает отторжения у обучающихся, они не боятся быть неуспешными, напротив, каждый студент может повысить свой статус в группе, предложив оригинальный вариант ответа. Так как «неправильных» ответов не существует, представление идей в графическом виде позволяет избежать монотонии и задействовать разные сенсорные системы. В группе, обладающей повышенной активностью, можно предложить не только нарисовать, а затем объяснить ассоциации и метафоры, но и продемонстрировать, как, на-

пример, должны выглядеть движения или жесты, символизирующие движение и изменение. Таким образом, будет реализована потребность студентов в двигательной активности, а также продемонстрированы их творческие способности и произведено «нивелирование» (пользуясь терминологией педагогической психологии) эмоционального уровня группы.

В качестве респондентов были выбраны студенты третьего курса Института металлургии, машиностроения и транспорта СПбГПУ (далее – ИММиТ) и Института гуманитарного образования СПбГПУ (далее – ИГО). Общее количество респондентов – 58 (47 и 11). Тема была обозначена как «Путь России».

В качестве задачи были сформулированы последовательно два этапа.

I этап. Перевод текстовой информации в графическую (работа направлена на формирование метакогнитивных навыков и позволяет отработать процесс «свертывания» информации). Студенты должны представить образы в виде рисунка [2].

Полученные данные можно разделить на четыре группы.

1. Схематичные изображения (графики, циклограммы, диаграммы). Использованы 24 % респондентов.

2. Знаки, символы. В качестве наиболее часто используемых студенты обозначили следующие: российский флаг (15 % учащихся ИММиТ, 18 % студентов ИГО); двуглавый орел (11 %, ИММиТ); шапка Мономаха, корона (17 %, ИММиТ); книга (4 %, ИММиТ; 18 %, ИГО); деньги, золото (соответственно 13 и 27 %, причем рубль выделили 2 % студентов ИММиТ и 9 % учащихся ИГО, а доллар – соответственно 11 и 18 %). Также встречались следующие изображения (и их описания в текстовой части): меч, скрещенные мечи как обозначение битв, сражений и революций; серп, серп и молот; вопросительный знак (около 10 % студентов ИММиТ). Однажды встретились изображения лопаты и вил как символов труда.

3. Человеческие фигуры были представлены на рисунках 44 % студентов, также были выделены части человеческого тела: руки (12 %), голова, мозг (12 %).

4. Многофигурные композиции, комиксы, определяющие отношения по горизонтали и вертикали.

Интересным представляется проведение сравнительного анализа по предложенной теме на базе интернет-источников. Так, Л. Борусяк [3], анализируя дискуссию представительниц среднего класса Москвы и Санкт-Петербурга на форуме (<http://conf.7ya.ru/frameset.aspx?cnf=Misc>), определяет первенство растительной символики: русская березка, рябина, багульник, ромашки «как напоминание о Родине». Отмечается наличие второй линии, также связанной с флорой: лес, степь, пейзажи Левитана, Шишкина, Поленова. Движение фиксируется только применительно к течению реки, прежде всего Волги – «издалека долго течет река Волга».

Очевидно, столь существенные различия в представлении образов связаны со способом презентации, с возрастными особенностями, а также с гендерными аспектами.

II этап. Дополнение графического изображения комментариями, раскрывающими его смысл и символы.

Ассоциативные ряды, возникающие у студентов, как правило, связаны с личностными ощущениями и представлениями, в определенных случаях носят отчетливо выраженный сформированный обществом характер. Можно выделить положительные образы, связанные с прошлым страны, символизирующие подъем и прогресс: космическая ракета, самолет, корабль, стройки (жилые дома и заводы). Для определения понятий были использованы следующие дефиниции: «...Под образом мы будем понимать отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан. ...Под имиджем (или брендом)... специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т. д.)» [4, с. 13]. Примеры комментариев к рисункам: «Жители России по праву гордятся своим прошлым, но, не работая в настоящем, обрекают себя на нищее будущее» – к картинке с российским флагом и подписью «9 Мая» (что объединяет советский и постсоветский периоды развития страны); «Жить в России – это как участвовать в родео. Путь России очень сложный и запутанный» – к изображению человека верхом на быке, который скачет на фоне ряда домов – от избушек к небоскрегам, что, вероятно, должно

символизировать прогрессивное движение, но с учетом парадоксальных изменений в траектории движения.

Процент рисунков, на которых изображены человеческие фигуры, одинаков для ИММиТ и ИГО (по 44 %), а количества графиков и диаграмм, предложенных авторами для раскрытия темы, разные. Подтвердилась гипотеза исследования, предполагающая, что студентам ИММиТ комфортнее работать с диаграммами и таблицами (26 %), а гуманитарии предпочитают многофигурные композиции и более подробные текстовые пояснения к рисунку. Любопытен тот факт, что 44 % учащихся ИГО, оформляя свои представления о пути России, использовали образы детей и семьи, у студентов ИММиТ рисунки, изображающие детей, отсутствуют. Так как учащиеся обоих институтов заканчивают третий курс, разница в возрасте незначительная и может не приниматься во внимание. Очевидно, студенты-гуманитарии в силу специфики будущей профессиональной деятельности в большем объеме изучают социогуманитарные науки и лучше знакомы с демографическими проблемами страны. Определенное влияние на представления учащихся оказывает также гендер. Сходны взгляды студентов на направленность развития страны в современных условиях. Регресс отметили около 15 % респондентов, прогрессивное развитие – около 20 %. Такие метафоры, как «дно», «пропасть, которую надо преодолеть», «бездонная яма», использовали 9 % учащихся ИММиТ, «извилистый путь» – 13 % (и 18 % гуманитариев).

Анализируя представления студентов, имеет смысл обратиться к лотмановской концепции власти. В отличие от западной традиции, где власть воспринимается в виде «поезда, плавно идущего к месту назначения», русская власть напоминает «странницу, бредущую от перекрестка к перекрестку», и всякий раз приходится выбирать путь заново. Вспоминается особое отношение к путешествию, странствию в русской традиции: «...Длительное путешествие увеличивает святость человека. Одновременно стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от оседлой жизни и отправиться в *путь*» [5, с. 114]. Часть третьекурсников (9 %) видят для России прямой путь к процветанию: «Россия еще не оправилась в полной мере от событий 90-х годов. Наши корни – это огромная история. Россия растет и развивается, но ей нужна забота».

Интерес к потребностям каждого студента, его внутреннему миру, создание условий для совместной деятельности в гетерогенной и гомогенной группе, обучение навыкам кооперации, вниманию к чужому мнению и ответственности за собственную работу способствуют реализации воспитательных задач в процессе обучения и соответствуют требованиям современного информационного общества. Особую роль социальные и гуманитарные науки играют в техническом вузе. Именно преподаватели данных курсов, непосредственно вводя в ход образовательного процесса идеи гуманизма, солидарности, нравственное измерение, имеют возможность создать условия для саморазвития и самореализации молодого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестопа́л Е.Б. Проблема лидерства в современной политической психологии: подходы и методы исследования // Современная социальная психология: теор. подходы и прикладные исслед. 2012. № 1. С. 20–26.
2. Она же. Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития. 2011. № 3. С. 34–47.
3. Борусяк Л. Образ России-2013: Русь-тройка остановилась под березкой. URL: <http://echo.msk.ru/users/lubovbor/> (дата обращения: 14.01.2014).
4. Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопа́л. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.
5. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // О русской литературе: статьи и исслед. (1958–1993). История рус. прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 848 с.

E.B. Timermanis

THE RUSSIAN WAY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POLYTECHNIC STUDENTS' PERCEPTIONS

TIMERMANIS Elena B. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: etimermanis@gmail.com

Abstract

This article considers the exploration technology of students' perceptions expressed graphically. Presented is the comparative analysis of, the ways students of Engineering and Humanities departments at St. Petersburg State Polytechnic University see Russia, revealed are the signs symbolizing the vector of the country development.

Keywords

ANALYSIS OF GRAPHICAL IMAGES; RUSSIA'S PATH; THE DIRECTION OF DEVELOPMENT; STUDENTS' PERCEPTIONS; STUDENTS.

REFERENCES

1. Shestopal E.B. [The problem of leadership in the modern political psychology: approaches and research methods]. *Sovremennaya social'naya psihologiya: teoreticheskiye podhody i prikladnye issledovaniya*, 2012, no. 1, pp. 20–26. (In Russ.)
2. Shestopal E.B. [Representation of democracy and values in the Russian society]. *Politiya*, 2011, no. 3, pp. 34–47. (In Russ.)
3. Borusjak L. *Obraz Rossii-2013: Rus'-trojka ostanovilas' pod berezkoj* [The image of Russia-2013]. Available at: <http://echo.msk.ru/users/lubovbor/> (accessed 14.01.2014).
4. *Obrazy gosudarstv, nacij i liderov* [The reflections of states, nations and leaders]. Ed. E.B. Shestopal. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 288 p. (In Russ.)
5. Lotman Ju.M. O ponjatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [The concept of geographical space in Russian medieval texts]. *O russkoj literature: stat'i i issledovaniya (1958–1993). Istorija russkoj prozy. Teoriya literatury*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1997. 848 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

УДК 323.1:81'272(5-191/2)

А.В. Шипилов

ПРАВОВОЙ СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

ШИПИЛОВ Александр Владимирович – докторант *Киргизско-российского славянского университета им. Б.Н. Ельцина*; кандидат культурологии.

Кыргызстан, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44
e-mail: 4shipilov@gmail.com

Аннотация

Рассмотрен круг вопросов, связанных с официально-правовым статусом русского языка в независимых государствах постсоветской Центральной Азии: языковая политика, положение русскоязычного населения, уровень жизнеспособности русского языка, а также роль России в решении этих вопросов.

Ключевые слова

РУССКИЙ ЯЗЫК; ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН; ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА; ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО; ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК; ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК.

Если каждая из нынешних суверенных республик заикнется на своем языке, она невольно изолируется от окружающего мира...

Все должно развиваться.

Чингиз Айтматов

Период становления новых независимых государств оказался для русского языка периодом испытания его витальности (жизнеспособности). Сегодня в государствах Центрально-азиатского региона довольно большое число людей не знают русского языка или знают его лишь немного. Экспертные данные позволяют утверждать, что почти 44 млн человек, т. е. 70 % населения стран постсоветской Центральной Азии, не владеют русским языком [1].

В Казахстане, где сложилась более или менее позитивная ситуация, только около 6 % населения входит в категорию не владеющих русским языком, в Кыргызстане – уже 32 %, т. е. почти треть населения. Конечно, Кыргызстан не может сравниться с Таджикистаном (55 %) или тем более с Туркменистаном (80 %), но языковая ситуация в Кыргызстане, безусловно, довольно заметно ухудшилась.

Что касается официально-правового статуса русского языка в новых независимых госу-

дарствах Центральной Азии, то ситуация следующая: Казахстан и Кыргызстан определили его уровень как официальный, в Таджикистане русский провозглашен языком межнационального общения, а в Туркменистане и Узбекистане его статус вообще не определен [2].

Рассмотрим положение русского языка в каждой из центральноазиатских республик бывшего Союза более подробно.

В Таджикистане статус русского языка как языка межнационального общения был прописан в законе «О языке» (1989) и закреплен в Конституции Республики Таджикистан (1994). Однако в 2009 г. был принят новый закон – «О государственном языке», где русский язык вообще не упоминается, точно так же, как и другие языки национальных меньшинств. Как утверждают некоторые исследователи, «на бытовом уровне имеют место проявления дискриминации по национальному и языковому признакам, факты ущемления соотечественников

на работе, в учебе, при решении имущественных вопросов» [3, с. 72]. Более того, указ о переводе всего делопроизводства на таджикский язык президент Таджикистана подписал еще в 1998 г., что привело к оттоку русскоязычного населения [4, с. 73].

В последние годы в Таджикистане многое изменилось в лучшую сторону, причем не без влияния Российской Федерации. Русский язык востребован среди интеллигенции, учащейся молодежи, трудовых мигрантов, выезжающих на работу в Россию, предпринимателей.

По данным Минобразования Таджикистана, во всех 32 вузах страны введено обязательное изучение русского языка в объеме 106 часов. В Российско-таджикском (славянском) университете (РТСУ) проходят обучение на русском языке и по российским образовательным программам около 4500 студентов. На учебу в российские вузы в 2010 г. было направлено 200 детей из российской диаспоры и около 150 таджиков [5].

Посольство России и представительство Россотрудничества в своей деятельности уделяют приоритетное внимание поддержке русского языка. В 2010 г. Таджикистану было предоставлено более 400 государственных стипендий для обучающихся в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре российских вузов.

В одном из своих выступлений президент Таджикистана сказал: «Необходимо углубленно изучать русский и английский языки, без знания которых Таджикистан останется в изоляции, а дальнейшее развитие государства будет невозможно или затруднено... Вся современная технология идет с аннотацией на английском и русском языках, поэтому эти языки необходимы, чтобы наши специалисты смогли понять, как работать на том или ином оборудовании» [Там же].

В Туркменистане в соответствии с законом «О языке» (1990) русский язык имел статус языка межнационального общения вплоть до 1996 г., однако в Конституции этой страны статус русского языка не прописан. С 1 января 2000 г. указом президента делопроизводство в Туркменистане переведено исключительно на туркменский язык с использованием нового алфавита на латинице [3, с. 74], следствием чего, как отмечает Н.В. Калинина, стало дальнейшее вытеснение этнических россиян

и русскоговорящих туркмен из административного аппарата и производственной сферы. Это существенно сузило область применения русского языка, т. е. понизило уровень его vitalности (к 1 апреля 2000 г. из министерств и ведомств были уволены работники, не владеющие туркменским языком) [Там же. С. 73].

В настоящее время русская диаспора в Туркменистане – одна из самых малочисленных в странах СНГ после Армении и Таджикистана (около 120 тыс. человек). Особую тревогу вызывают ухудшение социально-экономического уровня русского населения, среди которого преобладают одинокие пенсионеры, его обнищание, оттеснение на обочину социальной жизни республики, хотя благодаря значительному притоку валютной выручки от торговли газом относительно менее населенному Туркменистану удалось избежать социально-экономического краха [6].

В Узбекистане русский язык имел статус языка межнационального общения вплоть до 1995 г., что было отражено в законе «О государственном языке», однако в новой редакции данного закона, принятой 21 декабря 1995 г., это положение отсутствует. Теперь русский язык упоминается лишь во второстепенной статье «О нотариальных действиях», во всех остальных случаях используется выражение «на других языках» [3, с. 73]. В действующей Конституции Республики Узбекистан статус русского языка не определен.

Надо сказать, что в Интернете информация в отношении Узбекистана очень противоречива и не позволяет представить объективную картину современного положения русских и состояния русского языка в этой стране. К примеру, вот что писал Е. Абдуллаев в 2009 г. о русском языке: «Знание русского имеет определенные преимущества – не только информационно-культурные, но и связанные с трудоустройством и карьерным ростом, особенно в административной сфере, где продолжает сохраняться узбекско-русский билингвизм» [7, с. 31].

Интернет-сообщения за октябрь 2013 г. менее оптимистичны. Так, В. Словецкий, ссылаясь на интервью с русскими жителями Ташкента, отмечает: «Русские жалуются на то, что стали людьми даже не второго, а третьего сорта. Увольняют без объяснения причин, отобрать квартиру или другое имущество способен на-

чальник районного уровня, попытка поднять вопрос о положении русских может закончиться в тюремной камере. ...Русских усиленно пытаются вытолкнуть из всех сфер жизни...» [8].

Вместе с тем официальные данные свидетельствуют, что в Узбекистане функционирует множество газет и журналов на русском языке [9]. Как отмечает Л. Хопёрская, осуществляется обучение государственному и двум иностранным языкам, одним из которых, как правило, является русский. Обучение в общеобразовательных школах ведется на семи языках: узбекском, русском, казахском, каракалпакском, таджикском, киргизском и туркменском, в 695 школах язык обучения – русский [10, с. 35]. Однако главный редактор информационного агентства «Фергана.news» Д. Кислов сообщает, что в его родной Фергане сохранилась лишь одна русская школа из 25 и она является желанным объектом для огромного количества родителей, в том числе узбеков. С одной стороны, узбекские власти при приеме на работу отдают предпочтение коренному населению, с другой – препятствуют реализации программы по переселению русскоязычных. Им невыгоден отток профессионального сегмента рабочей силы: врачей, педагогов, представителей других необходимых специальностей [11].

В Казахстане статус русского языка в качестве официального закреплен как в Конституции Республики Казахстан (1995), так и в законе «О языках в Республике Казахстан» (1997). Надо отдать должное руководству Казахстана: в республике последовательно осуществляется культурно-языковая политика. Так, в феврале 2001 г. указом президента Казахстана была утверждена Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 гг., которую он лично контролировал.

В 2007 г. в Алматы между министерством культуры и информации и Русской общиной Казахстана был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве по вопросам реализации культурного проекта «Триединство языков» – казахского, русского и английского [12].

Отметим, что у этой идеи есть как сторонники, так и противники. Так, 26 ноября 2009 г. известные деятели культуры, литературы, а также главные редакторы газет и журналов, издающихся в Казахстане, представители ин-

теллигенции, руководители общественных организаций (всего 124 человека) при поддержке более чем 5 тыс. граждан заявили, что вследствие проведения политики «триединства языков» казахский язык постепенно вымрет, а русский и английский языки будут играть господствующую и прогрессирующую роль. В сентябре 2011 г. было обнародовано письмо, авторы которого (138 человек – представители интеллигенции, политики, ученые) требовали внести изменения в Конституцию Казахстана, чтобы лишить русский язык официального статуса. В письме высказано требование, чтобы все официальное делопроизводство и переписка граждан с государственными органами велась только на казахском языке. Однако результаты социологических опросов, проводимых в стране, неизменно указывают на то, что русский язык продолжает занимать важные позиции в коммуникативном, социокультурном и образовательном пространстве независимого Казахстана, поэтому вряд ли его власти пойдут на этот шаг [Там же].

В Кыргызстане официальный статус русского языка закреплен в законе «Об официальном языке Кыргызской Республики» (2000) и в статье 10 Конституции Кыргызской Республики (2010). Эти акты юридически зафиксировали ту роль, которую русский язык играет в обществе этой республики.

Однако националистически настроенные деятели не хотят видеть очевидного, того, что является особенностью современного Кыргызстана, – функционально развитого билингвизма. В то же время социолингвистические исследования свидетельствуют, что прагматически настроенная национальная молодежь ориентирована на овладение не только русским, но и другими иностранными языками, в том числе английским и китайским.

В феврале 2004 г. был принят закон, обязывающий госслужащих говорить и писать по-кыргызски. В 2005 г. правительство Кыргызстана приняло новое постановление о переводе делопроизводства на кыргызский язык, в том числе в учреждениях, в которых заняты преимущественно работники разных национальностей. В 2007 г. Национальная комиссия по госязыку выступила с такой же инициативой, и даже было принято решение о том, чтобы все телевизионные каналы хотя бы на 50 % пе-

решили на национальный язык. Более того, эта комиссия обнародовала заявление с призывом отказаться от всех русскоязычных названий населенных пунктов в республике [13]. Парламент Кыргызстана в декабре 2012 г. принял в трех чтениях поправки в «Закон о государственном языке КР», предусматривающие особые, тщательно прописанные карательные меры – штрафы – для тех чиновников, которые не знают кыргызского языка: для частных лиц – в размере от 1 до 2 тыс. сомов, для руководителей – от 5 до 10 тыс. сомов, для юридических лиц – от 20 до 50 тыс. сомов. При повторном нарушении закона сумма увеличивается вдвое. Кроме того, уже по решению суда лицам, не владеющим должным образом киргизским языком, придется прекратить занятие определенными видами деятельности, иначе «нарушителей» вообще лишат лицензии на занятие этими видами деятельности [14, с. 6–7].

Благодаря законотворческой деятельности парламентариев в закон «О государственном языке Кыргызской Республики» внесены, в частности, изменения и дополнения, касающиеся и официального языка. Так, в статьях 7, 13–16 вместо слов «и на официальном языке» теперь значится «обеспечивается переводом

на официальный язык» или «в необходимых случаях переводится на официальный язык». Поскольку в данном законе не прописано, кто определяет эти «необходимые случаи», понятно, что этого может и не случиться вообще.

В среде русских и других этносов Кыргызстана все эти мероприятия вызывают естественное беспокойство по поводу перспектив обучения детей на русском языке. Необходимость знания русского языка обусловлена сейчас и большим потоком мигрантов из Кыргызстана, ведь каждому из них с 2015 г. при въезде в Российскую Федерацию надо будет предоставить свидетельство о сдаче экзамена по русскому языку. Ясно, что русский язык играет важную роль и в развитии кыргызско-российских отношений, особенно с учетом скорого вхождения республики в Таможенный союз.

Положение русского языка в государствах постсоветской Центральной Азии позволяет сделать вывод о том, что он продолжает подвергаться дискриминации, хотя уровень его практической востребованности сегодня достаточно высок. Видимо, потребуется определенное время для осознания значимости русского языка в экономическом, геополитическом и социокультурном развитии этих территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Электронный ресурс. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly> (дата обращения: 05.02.2014).
2. **Скринник В.М.** Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008.
3. **Калинина Н.В.** Россияне ближнего зарубежья: уезжать или оставаться?.. Политические аспекты проблем российской диаспоры в странах СНГ. М.; Бишкек: Илим, 2002.
4. **Русский язык в Таджикистане.** URL: <http://www.rusemb.tj/ru> (дата обращения: 05.03.2014).
5. **Крылов И.** Президент Таджикистана выступает за углубленное изучение русского языка. URL: <http://www.russkiymir.ru> (дата обращения: 05.03.2014).
6. **Положение** в области прав человека в Туркменистане. Доклад Генерального секретаря ООН. А/61/489. 3 октября 2006 г. URL: <http://www.umn.edu> (дата обращения: 07.03.2014).
7. **Абдуллаев Е.** Русский язык: жизнь после смерти. Язык, политика и общество в современном Узбекистане // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 29–35.
8. **Словецкий В.** Кто спасет узбекских русских? URL: <http://topwar.ru/35279-kto-spaset-uzbekskih-russkih.html> (дата обращения: 09.03.2014).
9. **Основные** показатели министерства народного образования Республики Узбекистан на 2012/13 учебный год. URL: <http://uzedu.uz/rus/info/pokazateli> (дата обращения: 09.03.2014).
10. **Хопёрская Л.** Нетитульная судьба: российские соотечественники в Центральной Азии. М.: Изд-во Моск. бюро по правам человека : Academia, 2013.
11. Электронный ресурс. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1185221100>.
12. **Григорян М., Каликулов Д.** В Казахстане предложили изменить статус русского языка. URL: <http://www.bbc.co.uk/russian> (дата обращения: 05.02.2014).
13. **Обращение** Национальной комиссии по государственному языку при президенте КР. URL: <http://www.gezitter.kg/society/1499> (дата обращения: 10.03.2014).
14. **Не знаешь кыргызский – раскошеливайся //** Вечерний Бишкек. 2012. 26 дек.

A. V. Shipilov

THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN IN THE NEWLY INDEPENDENT STATES OF THE CENTRAL ASIAN REGION

SHIPILOV Alexander V. — *Kyrgyz-Russian Slavic University.*

Kievskaya ul., 44, Bishkek, 720000, Kyrgyzstan

e-mail: 4shipilov@gmail.com

Abstract

Considered are a range of issues connected with the official legal status of Russian in the independent states of Post-Soviet Central Asia: the language policy, the state the Russian-speaking people are in, the level of a viability of the Russian language, as well as the role Russia plays in the solution of these questions.

Keywords

RUSSIAN; CENTRAL ASIAN REGION; LANGUAGE POLICY; OFFICE-WORK; OFFICIAL LANGUAGE; STATE LANGUAGE.

REFERENCES

1. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly> (accessed 05.02.2014).
2. Skrinnik V.M. *Rossiya i zarubezhnye sootchestvenniki: problemy konsolidatsii i integratsii v novykh geopoliticheskikh usloviyakh* [Russia and foreign compatriots: problems of consolidation and integration in new geopolitical conditions]. Bishkek, KRSU Publ., 2008. (In Russ.)
3. Kalinina N.V. *Rossiyanе blizhnego zarubezh'ya: uezzhat' ili ostavat'sya?.. Politicheskie aspekty problem rossijskoj diaspory v stranah SNG* [Russians of the neighboring countries: to leave or remain? Political aspects of problems of the Russian diaspora in CIS countries]. Moscow, Bishkek, Ilim Publ., 2002. (In Russ.)
4. *Russkij yazyk v Tadjikistane* [Russian in Tajikistan]. Available at: <http://www.rusemb.tj/ru> (accessed 05.03.2014).
5. Krylov I. *Prezident Tadjikistana vystupaet za uglublennoe izuchenie russkogo yazyka* [The president of Tajikistan supports profound studying of Russian]. Available at: <http://www.ruskiymir.ru> (accessed 05.03.2014).
6. *Polozhenie v oblasti prav cheloveka v Turkmenistane. Doklad General'nogo sekretarya OON. A/61/489. 3 Okt. 2006* [Situation with human rights in Turkmenistan. UN Secretary General report]. Available at: <http://www.umn.edu> (accessed 07.03.2014).
7. Abdullaev E. [Russian: life after death. Language, policy and society in modern Uzbekistan]. *Neprikosnennyj zapas*, 2009, no. 4 (66), pp. 29–35. (In Russ.)
8. Sloveckij V. *Kto spaset uzbekskikh russkikh?* [Who will rescue the Uzbek Russians?]. Available at: <http://topwar.ru/35279-kto-spaset-uzbekskih-russkih.html> (accessed 09.03.2014).
9. *Osnovnye pokazateli ministerstva narodnogo obrazovaniya Respubliki Uzbekistan na 2012/13 uchebnyj god* [The main indicators of the Ministry of national education of the Republic of Uzbekistan for 2012–2013 academic year]. Available at: <http://uzedu.uz/rus/info/pokazateli> (accessed 09.03.2014).
10. Khopyorskaya L. *Netitul'naya sud'ba: rossijskie sootchestvenniki v Central'noj Azii* [Not title destiny: the Russian compatriots in Central Asia]. Moscow, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, Academiya Publ., 2013. (In Russ.)
11. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1185221100>.
12. Grigoryan M., Kalikulov D. *V Kazahstane predlozhili izmenit' status russkogo yazyka* [In Kazakhstan suggested to change Russian status]. Available at: <http://www.bbc.co.uk/russian> (accessed 05.02.2014).
13. *Obrashhenie Nacional'noj komissii po gosudarstvennomu yazyku pri prezidente KR* [The appeal of the National commission on a state language at the president of the Kyrgyz Republic]. Available at: <http://www.gezitter.kg/society/1499> (accessed 10.03.2014).
14. [You don't know Kyrgyz – pay] . *Vechernij Bishkek*, 2012, 26 Dec. (In Russ.)

УДК 930.1

А.К. Писанова

**МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ
(К историографии вопроса)**

ПИСАНОВА Анастасия Константиновна – аспирант *Петербургского государственного университета путей сообщения.*

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: anpisanova@gmail.com

Аннотация

Представлены результаты историографического анализа отечественной литературы, посвященной модернизации российской высшей школы после 1917 года, в частности проблеме финансирования вузов. Рассмотрены исторический опыт социально-политических потрясений в нашей стране в 1920-х и 1990-х годах, когда проводились масштабные реформы высшего технического образования, и последующие успехи страны в условиях начавшейся научно-технической революции. Проведен историографический анализ обновления высшей школы России в отношении материально-технического и стипендиального обеспечения вузов.

Ключевые слова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ; ФИНАНСИРОВАНИЕ; МОДЕРНИЗАЦИЯ; ВЫСШАЯ ШКОЛА; РЕФОРМЫ; СТИПЕНДИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ; МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ; ПРЕПОДАВАТЕЛИ; СТУДЕНТЫ.

Система высшего образования в условиях построения инновационной экономики и развивающейся в России модернизации должна превратиться в одну из ведущих самостоятельных производящих отраслей, обеспечивающую приращение человеческого капитала. Модернизация образования, в частности высшей школы, в качестве стратегической цели была обозначена раньше (2001), чем была обоснована необходимость модернизации всех сторон жизни российского общества (2009). Рассмотрим, какое отражение в отечественной историографии получила проблема финансирования высшей школы России – СССР – России в периоды наиболее серьезных преобразований.

**Революционная перестройка высшей школы:
намерения и результаты**

Многие исследователи обращались к теме «В.И. Ленин и высшая школа». Ленин с полным основанием характеризовался ими как инициатор и идеолог революционного преобразования высшей школы, которое можно назвать радикальной, интенсивной модернизацией. На протяжении всего советского периода, возможно вслед за Луначарским, многие авторы [См., напр.: 1, 2] в своих работах подчеркивали, что Ленин хорошо знал проблемы высшей школы и адекватно оценивал значение вузов как важной составной части культурного наследия прошлого, которую необходимо сохранить. Ленин

часто повторял, что без высококвалифицированных специалистов, без активного участия интеллигенции не удастся максимально развить производительные силы страны. «Он лично разрабатывал принципиальные положения советской системы подготовки специалистов, постоянно интересовался ходом революционных преобразований высшей школы, направлял этот процесс в нужное русло. В.И. Ленин за период с ноября 1917-го до начала 1921 года подписал более 100 декретов советской власти по различным вопросам народного образования, высшей школы», — такую обобщенную характеристику дала З.Ф. Федотова [2], которая, как и другие авторы, не сомневалась в правомерности и обоснованности «ленинской политики в отношении высшей школы».

В постсоветский период исследователи отмечали, что издание ленинского декрета «О приеме в вузы» 2 августа 1918 года, декрета СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», ряда других актов было проявлением волюнтаризма и популизма [3, с. 191]. В вузы пришли учиться люди без среднего образования, и изучать вузовские дисциплины они не могли. Всем новым студентам было обещано социальное обеспечение, но в условиях начавшейся Гражданской войны новая власть не имела возможности предоставить его. С 1919 года скудные пайки стали получать учащиеся рабочих факультетов, а также студенты из рабочих и крестьян. Для поддержки научно-педагогического состава были созданы Комиссии по улучшению быта ученых, но многие вузовские педагоги до начала их работы не дожили. А при переходе к нэпу в 1921–1922 годах высшая школа страны оказалась в тяжелейшем положении, возникли планы закрытия большинства вузов, которые не были реализованы в силу начавшегося улучшения экономической ситуации в стране.

В 1922–1926 годах жизнь вузов постепенно наладилась. Большая часть старого профессорско-преподавательского состава осталась на своих местах. Была восстановлена плата за обучение в вузах для студентов из семей с хорошими доходами. Постоянно росло число стипендий, в том числе от различных хозяйствующих субъектов.

Финансовая составляющая «революционной перестройки высшей школы» так и не стала предметом специального анализа. В революционную эпоху *ценой* модернизации мало интересовались. Е.В. Чуткерашвили отмечал, что к концу первого десятилетия после 1917 года, в 1927/28 учебном году, бюджет высшего образования достиг 93,1 млн рублей. При этом на заработную плату профессорско-преподавательского состава и обслуживающего персонала приходилось 40,4 млн рублей, на материальное обеспечение студентов — 26,3 млн рублей, ассигнования на новое строительство и оборудование составили 15,8 млн рублей. Бюджет же высшего образования в дореволюционной России (1914) по доходам из всех источников, включая пожертвования частных лиц и организаций, не превышал 30 млн рублей в год [4, с. 68]. К сожалению, отечественная историография не дает представления о том, как в первое послеоктябрьское десятилетие советская власть составляла бюджет, обеспечивающий качественные изменения в работе вузов. Намежений и деклараций было много, а результаты оказались весьма скромными. Самым важным представляется то, что руководство Народного комиссариата просвещения при А.В. Луначарском в отношении системы высшего образования в основном придерживалось требования В.И. Ленина — «поменьше ломать».

Реформирование высшего образования СССР в контексте сталинской модернизации

В 1928–1929 годах партийно-государственное руководство страны, недовольное качеством подготовки специалистов, начало кардинальную перестройку системы высшего образования, которая в своих основных чертах была завершена к концу 1930-х годов.

«Обусловленные социалистической реконструкцией темпы развития высшего образования в нашей стране не имеют равных в истории. Если в дореволюционной России насчитывался лишь 21 центр высшего образования, то в Стране Советов в 1941 году подготовка высококвалифицированных специалистов осуществлялась уже в 156 городах. За годы первых пятилеток были созданы высшие учебные заведения, превратившиеся впоследствии в крупнейшие учебные и научные центры страны... Характерно, что численность обуча-

ющихся, например, в вузах просвещения, культуры и искусства к 1941 году в 5 раз превысила соответствующий показатель 1914 года, в вузах сельского хозяйства — в 13 раз, а в вузах здравоохранения, физической культуры и спорта — более чем в 20 раз», — приводил внушительные данные министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин [5, с. 72–73].

В условиях развернувшейся индустриализации партийно-государственное руководство основное внимание уделяло развертыванию сети высших технических учебных заведений, их материально-техническому обеспечению и способности готовить инженерно-технические кадры высокого уровня. Модернизация высшей технической школы в годы первых пятилеток была проанализирована в солидных трудах В.С. Волкова, М.Е. Главацкого, И.А. Лутохина, А.И. Лутченко, В.В. Микшина, Б.И. Сандина, Г.Г. Халиулина и других ученых [См.: 6]. В конце советского периода авторы стали обращать внимание на такие проблемы, как возникновение множества нежизнеспособных карликовых вузов, на недооценку роли университетского образования, низкий уровень подготовки во многих новых вузах, особенно в отдаленных регионах.

Однако специальных работ, посвященных финансированию системы высшего образования в 1928–1940 годах, нам обнаружить не удалось. В этот период было многое сделано для создания прочного материально-технического потенциала отечественной высшей школы. Были разработаны перспективные программы развития вузов в Москве, Ленинграде, Восточной Сибири, Нижегородском крае, в некоторых других регионах. В 1930 году СНК СССР установил порядок финансирования высших учебных заведений, исчисления оптимального контингента учащихся и норм материального обеспечения студентов, определения объемов и планирования капитальных работ. Каждый технический вуз получил право организовать подсобное промышленное производство для удовлетворения своих внутренних нужд. За 1928–1940 годы государственные ассигнования на высшее образование в целом по СССР возросли в 28 раз. В 1931 году расходы из государственного бюджета на одного студента составляли менее

1 тыс. рублей. В 1940 году они составили почти 4,6 тыс. рублей [5, с. 423–424]. В 1929 году на стипендиальное обеспечение государство выделило 40,5 млн рублей, а в 1939-м — 895,2 млн рублей. По данным на 15 сентября 1938 года, в вузах промышленности и строительства живущие в общежитиях составляли 56,2 % от общего числа студентов, в вузах транспорта и связи — 60 %, в вузах сельского хозяйства — 74 %. К 1941 году общежитиями пользовались около 50 % всех студентов. Очерки истории различных вузов свидетельствуют о возникновении множества лабораторий, оснащении их новейшим оборудованием.

Существенные изменения в 1930-х годах произошли в социально-правовом статусе профессоров и преподавателей высшей школы. Так, Постановлением СНК СССР от 11 ноября 1937 года почасовая оплата профессорско-преподавательского труда была отменена и введена штатно-окладная система, по которой профессору, доценту и преподавателю устанавливалось постоянное ежемесячное вознаграждение. Это позволило не только значительно укрепить профессорско-преподавательский состав университетов и институтов, но и усилить связь преподавателей с учебными заведениями, создало устойчивость в их материальном обеспечении. Месячные оклады, установленные в 1937 году, колебались от 500 рублей для ассистента, не имевшего ученой степени, до 1500 рублей для профессора, заведующего кафедрой, имеющего докторскую степень. Перед Великой Отечественной войной в штате вузов состояло 50 015 человек, в том числе 5353 профессора, 13 105 доцентов и 31 557 ассистентов и преподавателей [4, с. 302].

К концу 1930-х годов, как это можно заключить на основании работ многих авторов, возник феномен советской высшей школы, прошедшей тяжелые испытания в годы Гражданской войны и начавшейся научно-технической революции. Советская высшая школа может рассматриваться как результат модернизации дореволюционной системы высшего образования, осуществленной после 1917 года (впрочем, термин «модернизация» в отечественной историографии применительно к 1920–1930-м годам стал использоваться сравнительно недавно).

Высшая школа России между модернизацией и деградацией

Высшая школа России — СССР внесла большой вклад в развитие страны. Всего за 1918—1985 годы вузы выпустили 20,7 млн специалистов, а средние специальные учебные заведения — 32,8 млн. В высшей школе из 500 тыс. научных и научно-педагогических работников 19 тыс. были докторами, а 200 тыс. — кандидатами наук. В 1985/86 учебном году система подготовки кадров включала в себя 7783 ПТУ, 4495 ссузов и 894 вуза. Но в развитии высшего образования в 1960-80-х годах усиливались диспропорции и противоречия, установилось господство стандартов и валовых показателей.

После 1930-х годов (индустриализация) и в послевоенное десятилетие (создание военно-промышленного комплекса) финансирование высшего образования стало ухудшаться. За 1980—1990-е годы в СССР наметилась тенденция к сокращению численности студентов на 10 тыс. населения: с 202 до 186 (–7,9%). Общие государственные расходы на образование на душу населения уменьшились со 188 до 125 долларов США. А в развитых странах образование оставалось объектом приоритетного внимания со стороны государства, предпринимателей, всех общественных институтов. Все западноевропейские страны, за исключением ФРГ, находились примерно на одном уровне по доле государственных расходов на образование в расходной части бюджета (от 13,8 до 18,8%; в ФРГ — 8,8%), государственное финансирование учреждений высшего образования в этих странах колебалось от 70 до 90%. В США государственное финансирование с федерального, штатного и местного уровней покрывало до 44% общих расходов на высшее образование. В начале 1980-х годов в стране началась вторая волна образовательных реформ в соответствии с принципом, провозглашенным Р. Рейганом: «Будущее Америки — в образовании». В последние десятилетия XX века численность студентов в этой стране выросла в 3 раза, а расходы на высшее образование — в 23 раза [7, с. 14, 17, 21]. Если в 1970 году расходы на высшее образование в США превышали расходы в СССР в 7 раз, то к середине 1980-х годов уже в 16 раз [8, с. 47, 48; 9, с. 398].

После начала рыночных реформ в России система высшего образования оказалась в со-

стоянии острого внутреннего кризиса. С начала 1990-х годов был взят курс на дерегулирование системы высшего образования. Много говорилось о повышении автономности образовательных учреждений, о расширении свободы выбора. Реальностью же стало уменьшение объемов государственного финансирования. С преподаванием в высшей школе распрощались большое число ассистентов и доцентов, молодых педагогов и педагогов среднего возраста, которые не видели для себя карьерной перспективы в стенах высших учебных заведений. Престиж профессии преподавателя университета, вуза упал катастрофически. В 1923—1925 годах, в разгар нэпа, профессора вузов мечтали об окладе машинистки в хозрасчетных трестах, в 1990-х годах средняя зарплата петербургских профессоров была ниже, чем у уборщиц метро.

Бедственное материальное положение вузовских преподавателей привлекло внимание исследователей Л.В. Коховой и Л.Л. Мельниковой. Они провели опрос в Иваново и опубликовали его результаты. Зарплата опрошенных доцентов была меньше необходимого уровня дохода почти в 6 раз. Большая часть их бюджета шла на питание и оплату коммунальных услуг. Лишь 7% опрошенных преподавателей не совмещали свою деятельность с какой-то другой работой. «Жизнь заставляет преподавателей растрчивать свой научный потенциал, физическую, умственную и нервную энергию, лишает возможности восстановить свои творческие силы... Преподаватели в условиях перехода к рыночной экономике оказались одной из наиболее уязвимых социальных групп, нуждающихся во всесторонней социальной защите», — констатировали авторы [10, с. 495].

«В тяжелейшем послевоенном 1948 году правительство одновременно повысило заработную плату преподавателей высшей школы в 5 раз, сделав эту категорию населения одной из наиболее высокооплачиваемых, а сейчас, в 1990-е годы, рейтинг профессора МГУ таков, что стоит он в 5—10 раз дешевле продавца, водителя троллейбуса, уборщицы», — отмечал в своей статье Н.И. Фещенко [11, с. 276]. В 1998 году возник план оставить несколько десятков вузов, а остальные «сбросить с баланса» [12, с. 184].

Главной причиной затяжного кризиса и новых проблем в сфере высшего образования стала утрата приоритетного положения высшего

образования и науки в политике государства. За 1990-е годы финансирование вузовской науки в стране сократилось в 10 раз. «Вузовская школа и наука в ходе реформы оказались на последних местах среди всех направлений бюджетного финансирования. Наука и высшая школа стали выглядеть как бесполезная нагрузка на народное хозяйство в условиях экономического кризиса, как один из источников экономии государственных расходов», – сделал вывод П.П. Фролкин [13, с. 192, 193].

С 2001 года начался очередной период реформирования системы высшего образования. Стало улучшаться финансирование высшего профессионального образования. Были утверждены «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» и «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», утвержденная распоряжением правительства РФ в декабре 2001 года.

По мнению авторов содержательного аналитического обзора [14], в России, как и в других странах, внедряются новые информационно-коммуникационные технологии, опережающими темпами развивается дистанционное обучение; наблюдается университетизация высшей школы, стираются грани между профессионально-ориентированным и классическим университетским секторами высшего образования. Высшая школа России развивается в целом в русле общемировых тенденций.

В 2009 году был проведен конкурсный отбор среди 146 университетов, победителями стали 15 вузов, программы развития которых до 2018 года будут поддерживаться государством. Перед этими университетами поставлены сложные задачи: сформировать эффективные научно-образовательные кластеры инновационной направленности на основе интеграции с академической наукой, малым и средним инновационным бизнесом, стратегическими партнерами в лице крупных корпораций. Вузы, от которых ждут прорыва в топ-100 лучших мировых университетов, получили специальное финансирование. Международный академический рынок оценивается многими экспертами не менее чем в 100 млрд долларов, при этом Россия занимает на нем менее 0,1 % [15, с. 4].

Впервые в российской практике приняты законы, позволяющие университетам форми-

ровать эндаумент (целевой капитал), выступать учредителями фирм малого наукоемкого бизнеса, что существенно активизирует деятельность университетских бизнес-инкубаторов и технопарков. В рамках специальных государственных программ создаются научно-образовательные центры для решения сложнейших проблем [16, с. 11].

Означают ли все перечисленные меры «свет в конце тоннеля» для российской высшей школы? В ряде передовых стран (США, Китае, некоторых европейских и азиатских странах) на повестку дня в качестве национальных стратегических задач ставятся введение всеобщего высшего образования и создание системы образования для взрослых на протяжении всей жизни. По расчетам многих экономистов, для обеспечения функционирования инновационной экономики нижний предел доли людей с высшим образованием должен быть не менее 60 % экономически активного населения. Все это является серьезным вызовом для России, если она претендует на достойное место в мировой экономике. Если деньги для вузов не будут найдены, то будущее российской модернизации может оказаться под большим вопросом.

Самый краткий обзор отечественной историографии истории высшей школы России – СССР – России показывает, что финансовое обеспечение реформ, предпринимавшихся в разное время в системе высшего образования, не стало предметом специального анализа. Как, кем и почему определяется количество денег, необходимых для вузов для качественного улучшения их работы? С помощью каких критериев можно определить эффективность капиталовложений в систему подготовки высококвалифицированных кадров? Каким образом научно-педагогическое сообщество может и должно влиять на принятие решений, которые имеют жизненно важное значение для эффективного функционирования «храмов науки»? Без серьезного анализа прошлого и настоящего российской высшей школы и необходимой корректировки государственной политики в отношении системы высшего образования невозможно ответить на вызовы современной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шилов Л.А. Ленинские декреты и создание органов руководства высшей школой (1917–1921) // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1964. № 1; Бессонова В.И. В.И. Ленин о высшей школе и ее роли в формировании советской интеллигенции // В.И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М., 1973.
2. Федотова З.Ф. В.И. Ленин и реорганизация высшей школы // Партийное руководство высшей школой СССР: сб. науч. тр. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1982. С. 4–5.
3. Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во СПбГУАП, 2010. 191 с.
4. Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки (Специалисты высшей квалификации в СССР и капиталистических странах). М.: Высш. шк., 1968.
5. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма: моногр. М.: Высш. шк., 1980.
6. Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928–1937 гг.). Л., 1975; Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974; Лутохин И.А. Партийное руководство формированием производственно-технической интеллигенции в Сибири. Иркутск, 1984; Лутченко А.И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР (1926–1958 гг.). Мн., 1973.
7. Джусенбаев Ш.Д. Мировые тенденции высшего образования во второй половине XX века: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Бишкек, 1999.
8. Галаган А.И. Университеты в региональных экономических и управленческих структурах США, стран Западной Европы и Японии. М., 1994.
9. Доклад о положении дел в области образования в мире за 1993 год. Париж, 1993.
10. Кохова Л.В., Мельникова Л.Л. Проблемы социально-экономического положения преподавателей высшей школы в современных условиях // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. (Иваново, 24–25 сентября 1996 г.). Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1996. С. 495–496.
11. Фещенко Н.И. Реформы российской высшей школы второй половины XX века. Сравнительный анализ // Интеллигенция России на пороге XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 декабря 1999 г.). В 2 ч. Ч. I. Н. Новгород, 1999.
12. Боев В.М., Горшков А.С., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. Легко ли быть студентом? СПб.: Изд-во ПГУПС, 2002.
13. Фролкин П.П. Развитие вузовской науки и кадрового потенциала высшей школы (середина 1980-х – 1990-е гг.). Саратов, 2000.
14. Анализ мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: аналит. обз. / Е.В. Вашурина, Н.В. Дрантусова, Я.Ш. Евдокимова, А.К. Клюев, И.А. Майбуров (Б-ка журн. «Университетское управление: практика и анализ»). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006.
15. *Alma mater*. Вестник высшей школы. 2013. № 10.
16. Жураковский В.М., Сазонова З.С. Актуальные задачи модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 4–11.

A.K. Pisanova

MODERNIZATION OF THE RUSSIAN HIGHER SCHOOL: FINANCING PROBLEMS (Referring to the question historiography)

PISANOVA Anastasiya K. – *Petersburg State Transport University*.
Moskovskij pr., 9, St. Petersburg, 190031, Russia
e-mail: anpisanova@gmail.com

Abstract

The article presents the results of the historiographical analysis of domestic literature devoted to modernization of the Russian higher school after 1917, in particular, problems of financing of higher education institutions are presented. Discussed is the historical experience of socio-political shocks in our

country of the 1920th and the 1990th when large-scale reforms of the higher technical education were underway, as well as the subsequent progress of the country in the conditions of the scientific and technical revolution. The author provides the historiographical analysis of the main issues of the Russian higher school updating in the aspect of their logistics and stipendies.

Keywords

STATE POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION; FINANCING; MODERNIZATION; HIGH SCHOOL; REFORM; MATERIAL AND TECHNICAL PROVISION; PROVIDE FELLOWSHIP; TEACHERS; STUDENTS.

REFERENCES

1. Shilov L.A. [Lenin's decrees and the establishment of higher education leadership (1917–1921)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*, 1964, no. 1 (In Russ.); Bessonova V.I. V.I. Lenin o vysshej shkole i eyo roli v formirovanii sovetskoj intelligencii [V.I. Lenin on higher education and its role in shaping the Soviet intelligentsia]. *V.I. Lenin i nekotorye voprosy izmeneniya social'noj struktury sovetskogo obshchestva v perekhodnyj period* [Lenin and some problems in the social structure of Soviet society in transition]. Moscow, 1973. (In Russ.)
2. Fedotova Z.F. V.I. Lenin i reorganizaciya vysshej shkoly [Lenin and the reorganization of higher school]. *Partijnoe rukovodstvo vysshej shkoloj SSSR* [Party leadership Graduate School of the USSR]. Leningrad, LGPI im. A.I. Gertsena Publ., 1982. Pp. 4–5. (In Russ.)
3. Ovodenko A.A., Platova Ye.E., Fortunatov V.V. *Istoriya vysshej shkoly Sankt-Peterburga* [History Graduate School of St. Petersburg]. St. Petersburg, SPbGUAP Publ., 2010. 191 p. (In Russ.)
4. Chutkerashvili E.V. *Kadry dlya nauki (Specialisty vysshej kvalifikacii v SSSR i kapitalisticheskikh stranakh)* [Personnel for Science (highly qualified specialists in the USSR and the capitalist countries)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. (In Russ.)
5. Elyutin V.P. *Vysshaya shkola obshchestva razvitogo socializma* [Graduate School of developed socialist society]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. (In Russ.)
6. Volkov V.S. *Kommunisticheskaya partiya i tehniceskaya intelligenciya v period stroitel'stva socializma v SSSR (1928–1937)* [The Communist Party and the technical intelligentsia in the period of socialist construction in the USSR (1928–1937)]. Leningrad, 1975 (In Russ.); Glavackij M.E. *KPSS i formirovanie tehniceskoy intelligencii na Urale* [CPSU and the formation of the technical intelligentsia in the Urals]. Sverdlovsk, 1974 (In Russ.); Lutohin I.A. *Partijnoe rukovodstvo formirovaniem proizvodstvenno-tehniceskoy intelligencii v Sibiri* [Party leadership formation production and technical intelligentsia in Siberia]. Irkutsk, 1984 (In Russ.); Lutchenko A.I. *Sozdanie inzhenerno-tehniceskikh kadrov v gody postroeniya socializma v SSSR (1926–1958)* [Creation of engineering and technical personnel during the construction of socialism in the USSR (1926–1958)]. Minsk, 1973. (In Russ.)
7. Dzhusenbaev Sh.D. *Mirovye tendencii vysshego obrazovaniya vo vtoroj polovine XX veka*. Avtoref. dokt. dis. [Global trends in higher education in the second half of XX century. Abstr. doct. diss.]. Bishkek, 1999. Pp. 14, 17, 21. (In Russ.)
8. Galagan A.I. *Universitety v regional'nykh ekonomicheskikh i upravlencheskikh strukturakh USA, stran Zapadnoj Evropy i Yaponii* [Universities in regional economic and administrative structures of the United States, Western Europe and Japan]. Moscow, 1994. (In Russ.)
9. *Doklad o polozhenii del v oblasti obrazovaniya v mire za 1993 god* [Report on the status of education in the world for 1993]. Paris, 1993.
10. Kohova L.V., Mel'nikova L.L. Problemy social'no-ekonomicheskogo polozheniya prepodavatelej vysshej shkoly v sovremennykh uslovijakh [Problems of socio-economic status of teachers in higher education in modern conditions]. *Intelligenciya, provinciya, Otechestvo: problemy istorii, kul'tury, politiki: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii* [Intelligentsia, province, Fatherland: problems of history, culture, politics. Abstracts interstate scientific-theoretical conf.]. (Ivanovo, 24–25 Sept. 1996). Ivanovo, Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1996. Pp. 495–496. (In Russ.)
11. Feshhenko N.I. Reformy rossijskoj vysshej shkoly vtoroj poloviny XX veka. Sravnitel'nyj analiz [Russian higher education reforms of the second half of XX century. Comparative analysis]. *Intelligenciya Rossii na poroge XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [Russian intelligentsia in the XXI Century: Proc. of the Int. scientific and practical conf. 10–11 Dec. 1999]. In 2 pt. Of pt. I. Nizhniy Novgorod, 1999. (In Russ.)
12. Boer V.M., Gorshkov A.S., Platova Ye.E., Fortunatov V.V. Legko li byt' studentom? [Is it easy to be a student?]. St. Petersburg, PGUPS Publ., 2002. (In Russ.)
13. Frolkin P.P. *Razvitie vuzovskoj nauki i kadrovogo potenciala vysshej shkoly (seredina 1980-h – 1990-e gody)* [Development of university science and human potential of high school (mid 1980s–1990s)]. Saratov, 2000. (In Russ.)

14. Vashurina Ye.V., Drantusova N.V., Yevdokimova Ya.Sh., Klyuev A.K., Majburov I.A. Analiz mirovykh tendencij razvitiya nauchno-obrazovatel'noj deyatel'nosti: analiticheskiy obzor [The analysis of world developments in scientific and educational activities: Analytical rev.]. Ekaterinburg, Ural'skij univ. Publ., 2006. (In Russ.)

15. *Alma mater. Vestnik vysshej shkoly* [Gazette high school], 2013, no. 10. (In Russ.)

16. Zhurakovskij V.M., Sazonova Z.S. [Actual problems of modernization of vocational education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2010, no. 5, pp. 4–11. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

Философские и культурологические исследования

УДК 130.11

А.И. Киселёв

ДУХОВНОСТЬ – СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

КИСЕЛЁВ Анатолий Иванович – профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
e-mail: kaphphil_2005@list.ru

Аннотация

В статье раскрываются системообразующая роль духовности в структуре природы человека и ее основные проявления. В научный оборот вводится ряд новых понятий, позволяющих углубить и конкретизировать понимание индивидуальности. Показаны реальные угрозы антропной идентичности.

Ключевые слова

ЧЕЛОВЕК; ЛИЧНОСТЬ; ДУХОВНОСТЬ; СМЫСЛ ЖИЗНИ; ТВОРЧЕСТВО; ЛЮБОВЬ.

Современный антропологический кризис выражается не только в том, что лавинообразно ускоряются процесс денатурализации человека как биологического существа, процессы десоциализации, сверхсоциализации и деиндивидуализации его как личности, т. е. как продукта социальной среды, но и в бездуховности, которая и является главной причиной крупных негативных событий во всех сферах индивидуальной и общественной жизни людей. Однако в научно-философской литературе до сих пор преобладает трактовка человека как биосоциального феномена, в то время как его душевно-духовная основа остается в тени. Личности, например, важны отношения, определяющие ее статус и место в социальном пространстве возможностей, в системе господства и подчинения. Ведущая цель – быть востребованной, а для этого необходимо отвечать критериям полезности.

Но всё ли определяемо ими? Все ли потенции человека реализуются и непосредственно обусловлены социумом? Исчерпывается ли

полнота бытия им? Нет. Уже по мере смены формаций утрачиваются жесткость и однозначность связи внешнего и внутреннего, случайного и социально запрограммированного. Появляется понимание непожизненного и, увы, преходящего характера положения, собственности, сферы занятости, с одной стороны, и устойчивости внутреннего ядра как субъективной самоидентичности при любых превращениях судьбы, подлинной первоосновы человека, намерения, планы и мечтания которого не всегда осуществляются, – с другой. Выведение субъективного мира человека исключительно из сложившихся условий жизни общества вряд ли состоятельно, так как при этом возникают непреодолимые трудности в объяснении следующих явлений:

1) существенная и динамичная трансформация общественного бытия не сопровождается аналогичным процессом эволюции сознания;

2) калейдоскоп разнообразных и противоречивых событий, в который погружена лич-

ность, не разносит в клочья человеческое «Я», оно остается самождественным себе вопреки потоку бурных перемен, концентрируясь в некую относительно надвременную субстанцию;

3) общие и одинаковые идеологические схемы и санкционированные обществом образцы поведения автоматически не лишают человека самобытности и критического отношения к происходящему;

4) мировосприятие реальности (настоящего) всегда соотносено с его оценками с позиций далекого прошлого и ожидаемого будущего, что предполагает избирательность памяти и проективности субъекта.

То, что происходит со мной, обусловлено во многом моим внутренним началом и зависит только от меня. Значит, личность — это только часть человеческого бытия, которое содержит в себе еще и парадоксальную возможность «взгляда со стороны», способность дистанцироваться как от собственного тела, так и от собственной личности, т. е. некоторую избыточность, коренящуюся в духовности.

Цель данной статьи — обосновать статус духовности не только как одной из сторон природы человека, но как его глубинной сущности, наиболее полно, ярко и зримо проявляющейся в поиске смысла жизни, творчестве и любви. Попробуем исследовать данный сложный феномен в максимально общем понятийном виде, абстрагируясь от всяких национальных особенностей, специфики базовых ценностей и предпочтений людей, а также причин падения или возрождения их духовно-нравственных потенциалов. Это темы отдельных теоретических разработок.

В контексте нашего исследования дух — часть сверхиндивидуальной реальности, принимаемой за несомненное Благо, раскрытие которого в своем «Я» и есть реализация сущности человека. Индивид, стало быть, лишь человекоподобен (не состоялся) в той мере, в какой не пробудил, не сберег, не развил и не воплотил в деятельности свою душевно-духовную экзистенциальность. Дух — упорядоченная разумом, окрыленная верой, укрепленная волей, согретая любовью, высветленная надеждой, нравственно обогащенная устремленность души к идеалу, издавна обозначаемому в истории философии как гармония истины, добра и красоты, идеалу, который, будучи вос-

принятым субъективно, тем не менее, всё ошутимее и отчетливее выкристаллизовывается в форму зова бытия. Духовность как стяжание высших смыслов и ценностей, конечно, противостоит рутинной инерции повседневности и обыденности, но лишь для того, чтобы внести светлые созидательные и преобразующие начала во все сегменты устоявшейся действительности. Но если сам дух осознается как нечто ниспосланное (а не выработанное внутренним опытом) и не произрастает органично из душевной основы, он может быть распят чрезмерной рациональностью и вырождаться в фанатизм. Поэтому будет явной недоовоплощенностью и самоутверждение человека вне духа или души, и самоутверждение в ущерб личности, телесности и природе. Только целостность человека — оптимальный путь к его совершенствованию, что отнюдь не исключает, а предполагает иерархическую соподчиненность. Главное — «не принять свинью в себе за Бога» (Л.Н. Толстой).

Не будучи отражением, инстинктом, продуктом интеллекта, *духовное* (как особое и высшее состояние души) — это то, что:

- в чувствах, сознании и поведении воссоздает утраченное единство людей, преодолевая этнические, национальные, конфессиональные, социальные и иные различия между людьми;
- возвышает достоинство индивида;
- реализует внутренние спонтанные порывы ставить себя на место другого и следовать нравственному категорическому императиву, чутко прислушиваясь к голосу собственной совести;
- вносит смысл и ценности, ради которых стоит жить и умереть;
- способствует принятию своих несовершенств и их преодолению через самотворчество как движение к подлинности;
- стимулирует рост бескорыстного благорасположения к людям и миру;
- придает человеку стойкость и твердость в жизненных испытаниях;
- окрыляет и увеличивает полноту жизни;
- предполагает волю как решимость следовать однажды избранному пути и гарантирует сохранение человеческого в человеке в любых пограничных ситуациях;
- детерминирует собой настоящее, так как формирует стратегическую установку, целостный образ должного;

- открывается человеку как транссубъективная реальность, требование, первозамысел, задание, призвание, миссия;

- являет себя как искание абсолютного в относительном, безусловного в условном, бесконечного в конечном, устойчивого в текуче-изменчивом, всеединого в отдельном. Отрицание же такой исходной фундаментальной системы отсчета превращает общественную и интимно-экзистенциальную жизнь в бессвязный конгломерат хаотичных явлений, где всё случайно, зыбко, непредсказуемо, допустимо и морально нейтрально, ибо исчезают грани между добром и злом, нормой и патологией, истинной и ложью, прогрессом и регрессом.

Если природа человека есть становящееся и органическое (в пределе) единство биологического, социального и духовного начал, то какова его сущность? Социал-дарвинизм, ницшеанство, фрейдизм и социобиология усматривают ее в биологическом базисе, марксизм — в совокупности общественных отношений, персонализм — в духовности.

Да, сущностью человека выступает духовное, ибо только посредством него реализуется *свобода выбора, самоосуществление, свой путь и своя ответственность*, ориентация не на внешнее «надо», а на внутреннее личное решение. Природное и социальное — исходные предпосылки, от которых нельзя уйти. Но они только средство и материал для возведения «архитектурного ансамбля» человеческой жизни, контуры которого таятся в духовных недрах человека-творца. Индивид как самоосновное духовное существо деятелен и независим от наличных обстоятельств (не абсолютно, конечно), так как способен видоизменять и тело, и личность сообразно собственным представлениям, замыслам и мировоззренческим установкам. Расстояние между сокровенной жизнью и выполняемой социальной ролью или обязанностью, устанавливаемое духом, позволяет человеку оставаться собой, в чем-то принимая «правила игры», в чем-то отвергая их, т. е. самоидентифицироваться, свободно самоопределяться не извне (как объект), а изнутри (как субъект). Индивид всегда живет «здесь и сейчас» как социально-биологическая единица, но духовно он всегда потенциально неограничен. Духовное можно истолковывать не только как нечто трансцендентное или дарованное, но и

как плотно спрессованную в индивидуальной душе человека культуру и предшествующих поколений, и своих современников, т. е. как плод совместных и индивидуальных усилий, впитывающий в себя нравственные подвиги лучших представителей человечества.

Духовная работа — нацеленность «Я» не только в глубь себя, но и вовне — подготовка к совершению Поступка. Значимыми ее результатами становятся индивидуальность, уникальность, неповторимость индивида, образующиеся из особенностей развития и функционирования организма и личности при определяющем значении духовности — самоотворяющей деятельности. Если две первые составляющие как бы наследуются, то третью формируют саморефлексирующие, ищущие достойного выбора из множества альтернативных вариантов субъекты. Добровольное служение общечеловеческим ценностям и идеалам в свое время, в условиях своего исторического периода — это и есть духовное дело и попытка усовершенствовать действительность, упорядочить быстротечность событий, встать над ними и выстоять вопреки им, что возможно при условии, что сам дух обладает свободой. Однако диалектика внутренней и внешней свободы не проста: если духовно несвободному человеку предоставить внешнюю свободу, он воспримет ее как бремя или вседозволенность; с другой стороны, индивидуальность утрачивается под влиянием тоталитарных режимов, подавляющих репрессивными методами всякое инакомыслие и инакодействие. Антиподом индивидуальности является толпа, мещанство как усредненная посредственность. Индивидуальность имеет два уровня: данность и обретение. Как *данность*, и в этом нет особой заслуги (вины) человека, индивид уникален в качестве социально-биологического существа. *Обретение* же осуществляется посредством собственных, порой титанических напряжений и эволюций, поражений и подвигов духа. Следовательно, каждый индивид — индивидуальность, но не каждый индивидуален в подлинной, духовной ипостаси.

Духовный рост и развитие человека концентрируются и максимально выражаются в поиске смысла жизни, творчестве и любви. Сама проблема предназначения человека — единственная, которая до последних глубин и основ затрагивает ум и сердце человека, всё существо

без остатка. И чем раньше о ней задумываются, тем адекватнее возможный ответ. Уже одно рассуждение о смысле жизни свидетельствует о большой внутренней работе индивида и является фактором его духовного становления. Этим стимулируются открытие своего настоящего «Я», самосозерцательная сосредоточенность, серьезность, формирование чувства самодостаточности и образование идеалов, непреложно значимых для человека. Посредством данного вопроса определяется отношение к существующему, соотнесение его с системой базовых ценностей и предпочтений. Каждому человеку важно обрести смысл и тем самым обосновать свое значение в бытии не в призрачно-отдаленной, а именно в настоящей, сегодняшней жизни. Для чего? Чтобы осуществить его, внося свой неповторимый вклад, оставляя свой след, впечатывая себя в контекст исторической реальности.

Но уместен ли сам вопрос? Ведь бытие наполнено несправедливостью, несбывшимися надеждами и ожиданиями, разочарованиями, нелепыми случайностями и превратностями судьбы, преобладанием страданий и жестокой игрой природно-социальных процессов, которым необходимо подчиняться. Космос, биосфера, социум внутренне противоречивы в своих тенденциях. И всё же жизнь не бессмысленна, так как:

- допущение нашим разумом абсурдности эмпирической реальности предполагает наличие именно смысла как эталонной меры, с которой ее и сравнивают. Да и как тогда из всеобщей бессмыслицы мог возникнуть сам этот вопрос?

- человеческую жизнь нельзя рассматривать в отрыве от космической и земной эволюции, высшей и закономерной фазой которой она и является. Обесмысленность жизни тогда опрокидывает и превращает в ничто всё предыдущее поступательное развитие неорганической и органической природы, общества в его культурно-цивилизационном разнообразии;

- человек не только интеллектом осознает неустроенность бытия, но и душой своей переживает неудовлетворенность жизнью. Значит, мы не полностью захвачены этой реальностью, но, ощущая ее пределы, стараемся перестроить мир под себя, влекомые чем-то более высоким и привлекательным. Само же чувство беспри-

чинной тревоги и тоски — показатель не только диссонанса и дистанции, но и сопричастности с *должным*;

- стремление к иному качеству и уровню бытия при отсутствии совершенства в эмпирической данности приводит к утверждению, что искомое уже есть. Где? Вне человека? Нет, в глубинах человеческой души. В самом деле, индивид оценивает, изучает, изменяет, обустроивает действительность, относясь к миру строго определенным образом, и это отношение во многом обусловлено не только социальными или телесными потребностями, а самим сознанием, имеющим, стало быть, постепенно разворачивающиеся фундаментальные установки (простые, самоочевидные, непреложные требования, достоверно усматриваемые внутренним оком как преданные ценности, от которых не удастся отступить и которые определяют позицию и стратегию самой жизни), сориентированные на безусловное благо.

Как же решался вопрос о предназначении и смысле жизни в истории философии? Древнегреческая этическая концепция *гедонизма* основным движущим мотивом поведения объявляла чувственные наслаждения. *Эвдемонизм* же ведущую ценность жизни усматривал не в достижении скоротечных утех и удовольствий, а в состоянии внутренней гармонии и покоя (атараксии), что предполагало уже умение силой воли обуздывать и преодолевать темные страсти. Для *стоицизма* только высоконравственная и добродетельная жизнь, т. е. осуществляемая сообразно логосу (мировому разуму), достойна человека. Индивиду жизнь дается, а какой она будет, зависит от него самого. Необходимо стойко и мужественно переносить удары судьбы и не терять бесстрастия (апатии), творя добро максимально большему числу людей. *Кинизм* человеческий удел сводил к реализации минимума простейших естественных потребностей и желаний, что обеспечивало бы предельно возможную независимость от природной и социальной среды, столь нужную для получения истинного знания. А *утилитаризм* за критерий осмысленности жизни принимал расчет, выгоду и полезность (по мнению И. Бентама, например, никто для другого не пошевелит и пальцем, если не увидит в том своего интереса).

Но как сочетать общий и частный интерес? Можно ли принудить кого-либо поступиться личным ради общественного? Возможно ли в

принципе бескорыстие? Без любви к себе нет ни одного человека, но *себялюбие* как субъективная форма переживания собственной жизни весьма многолико и дифференцируется на несколько основных типов. Так, *эгоистическое* себялюбие означает принятие себя в качестве единственной и высшей во всех отношениях ценности, заботу о собственном благополучии, совсем не связанную с интересами других людей, которые используются как подручное средство для достижения личных целей. *Эгоцентрическое* – любование собой, но не любым и не всегда, а находящимся на виду и в фокусе общественного внимания. Такому человеку присуще желание быть на переднем плане, быть замеченным любой ценой (одеждой, манерой поведения, маркой автомашины и т. п.). *Альтруистическое* (встречаемое значительно реже) – также своеобразная форма самоуважения, иногда доходящее до уничтожения собственной свободы, до беззаветного отдания себя другому. Такое слияние чревато растворением личности в ином, вплоть до утраты индивидуальности. *Со-бытийное* себялюбие есть добровольное вовлечение личности в многообразные соотношения с миром людей, природных стихий, культурных артефактов. Со-бытийность основывается на глубинном резонировании, чувствовании и узнавании родственных уз. Посредством такого диалога и общения возникает искренняя солидарность, происходит спонтанное «соприкосновение душ, не преследующих никаких выгод» (М. Монтень).

Из предыдущего изложения вполне ясно, что за субъективно-общим стремлением к минимизации страданий и максимально возможному удовольствию объективно скрывается совершенно разная «начинка». В этом ли состоит смысл жизни, надо ли искать его в том, что имеет начало и конец, т. е. в самой жизни? А если вне ее, то она превращается в нечто производное, не так ли? Всё дело, однако, в том, что наряду с объективной и субъективной реальностями есть и трансцендентная – всеобъемлющее единство «Я» и «не-Я», присутствующее изначально в недрах человеческой души, пребывающее и неотторгаемое от нее, а также и вне нас находящееся как надындивидуальная духовная субстанция, «золотое светоносное сечение», пронизывающее собой всю ткань человеческого бытия. Оно-то и есть единственно незыблемое,

воспринимаемое в форме неслиянного единства добра, истины, красоты и свободы. Это не что иное, как религиозное отношение к миру, которое отнюдь не равнозначно догматически-институциональному признанию Бога-творца через веру, откровение, авторитет или церковь как социальное учреждение. Оно допускает и другой – нетрадиционный – вариант глубинной взаимосвязи с непредикативной реальностью, являющейся как нечто святое и таинственное. Само трансцендентное может быть обозначено весьма различными терминами (Космос, Бог, Мировая душа, София, Бесконечность, Гармония и т. д.), а суть одна: оно обладает статусом безусловного.

Но трансцендентное не фатально предопределяет путь человека, оно лишь сверхцель, указывающая на предпочтительную возможность выхода за свои наличные пределы, чтобы сделаться собой – настоящим – через отклик на главное в каждом – дух. Движение к нему, служение ему – вот подлинный смысл человеческой жизни. Иными словами, если этот мир развился, поднялся до человека, то он, осознав данное, обязан продвинуть эволюцию вперед, не уклоняясь от познания, управления, переустройства и, может быть, спасения биосферы и социума. Таково призвание человека. И если он в условиях НТП окажется духовно пустым, то материальным эквивалентом этого явится новое варварство, которого еще не было в истории человечества. «Стань тем, кто ты есть» – этот призыв означает направленность к ко-эволюционному преобразению всего, с чем связан человек по происхождению и смыслу своего бытия. Благоговение перед жизнью, ее сохранение, укрепление и совершенствование требуют больших трудов и сопровождаются целой гаммой чувств. Счастье тогда есть способ оптимального самораскрытия сущностных сил индивида. Из всех видов себялюбия только со-бытийное наиболее полно выражает обращенность к высшему началу, что переживается как радость, восторг и вдохновение. *Счастье* – быть детерминированным не чем-то (кем-то) внешним, а собой, но не собственной иррациональностью, а собственной экзистенцией. И тогда приобретаются максимальная свобода, твердая опора и способность преодолевать все препоны и невзгоды сообразно ответственности и умению самоограничивать свою волящую природу.

Так как сущность человека в его духовности, то всякое самоутверждение, не затрагивающее тончайшие пласты его существования, т. е. экзистенцию, не может быть признано полным и достойным индивида, так как это будет усеченное, фрагментарное, частичное воплощение неглавного в нем. Существование минус сущность (удовлетворение разных потребностей человека только как биосоциального существа) – псевдосчастье, ему не достает окрыленности и основательности. Существование плюс сущность составляют полнокровное счастье, ибо, служа великому делу, умножая благо, человек не опустошается, а наполняется; не теряет, а находит; не неволится, а освобождается; не изолируется, а становится сопричастным всему; не нисходит, а возвышается; не на чужбине мыкается, а не суетно благоденствует в своем отечестве. Счастье, следовательно, есть процесс и состояние предельно возможной полноты реализации телесных и личностных потребностей и запросов человека, ищущего, нашедшего или уже воплощающего смысл собственной жизни.

Коренные изменения в общественно-экономической и культурной жизни, перестройка всего комплекса международных и внутренних отношений, утверждение нового политического мышления и появление глобальных угроз планетарному социуму – всё это формирует острую потребность в осознании чрезвычайно динамичных и противоречивых тенденций современности, что вряд ли возможно без нестандартного – творческого – видения вскрывшихся проблем. Что же такое творчество? *Творчество* есть внесение гармонии в хаотическое разнообразие стихийных сил и факторов; негэнтропийный процесс, так как увеличивает степень организованности и сложности явлений; борьба и преодоление смерти, ибо продолжается существование культурно-духовных и материально-информационных артефактов в смене поколений; форма проявления сущности человека; адекватное выражение собственной свободы и самобытности; мост, переброшенный из скрытых недр «Я» к другим людям (и современникам и потомкам); способ самоутверждения посредством изменения действительности; создание чего-то качественно нового, имеющего индивидуально-социальную значимость и ценность, хотя масштаб и уровень новаций может быть совершенно разным.

Человек, будучи по природе своей открыт, «распахнут» всему миру, соотносится не с узким спектром реальности, а с универсумом. Значит, поле его творчества потенциально неограниченно. Однако творчество приобретает опасное направление, когда выходит за рамки нравственных предписаний, порождая деформации и деструкции бытия человека. Сама по себе свобода творчества, не соотношенная с принципом гуманизма, вне ответственности за последствия воплощения дерзновенных проектов познающего разума, притязающего на роль единственного арбитра в делах жизни, становится зоной повышенного риска по мере возрастания научно-технического потенциала общества.

Творчество творчеству рознь. Художественное, техническое, научное – его основные формы. Для художественного восприятия (исторически и онтогенетически первичного) характерны: интимность, образность, живость, конкретность, индивидуализация; для научно-технического – рассудочность, дискурсивность, доказательность, абстрактность, понятийность. Если искусство ориентировано на гармонизацию связи человека с самим собой, «ближними» и «дальними», на спасение души, обретение радости, уверенности и смысла, то научно-техническое творчество направлено на поиск и освоение объективной информации (познание) для дальнейшего использования ее в процессе практического переустройства природных систем в интересах общества. Одно дополняет другое. Способность к творчеству можно утратить или усовершенствовать, но не приобрести, так как она запрограммирована в геноме человека. Это не значит, что спонтанная одаренность при любых условиях неизбежно пробьет себе дорогу. Требуется еще кропотливая работа и обучение, чтобы сделаться мастером и виртуозом своего дела. Но при отсутствии таковой не удастся, например, научить сочинять стихи, даже при самом искреннем желании обучаемого и педагога. Сам талант не всегда пробуждается в раннем возрасте. Так, многих знаменитостей в школьные годы считали совершенно безнадежными. В их числе Уатт, Свифт, Гаусс, Ньютон, Гельмгольц, Скотт, Линней. И только значительно позже произошел «взрыв» творческой активности. Но если бы не их воля, сосредоточенность, упорство и вера в себя, то не «проклюнулся» бы и дремлющий до поры дар.

Способности человека, конечно, имеют разные уровни развития – от посредственных до гениальных. Гений не вступает в «преступную связь с вещами», не подвластен им, не одержим честолюбием и меркантильными соображениями. Ему присущи высочайшая требовательность и строгость к себе, свобода, всегда соотносимая с ответственностью, и страдание, обусловленное страстным желанием успеть воплотить вечное во временном.

Творческим людям знакомо такое состояние, как вдохновение, когда внутренним светом вдруг озаряется суть исследуемой проблемы и находится ее решение, происходит отрешение от всего суетного и внешнего, как бы исчезает время, работает легко и раскованно, всё получается само собой. Нарастающая радость переходит в экстаз, имеют место необычные ощущения и видения. Такие психические эффекты неоднократно испытывало большинство выдающихся ученых и деятелей культуры. Но вдохновение – весьма краткий миг, подготовленный всей предшествующей умственной деятельностью. Цена ему чрезвычайно велика. Труд ученых, согласно мнению экспертов, на 99 % – непрерывная изнурительная деятельность, которая лишь на 1 % успешна. Подобное напряжение, сопровождаемое бессонницей, сомнениями, разочарованиями, тревогами, резкими перепадами психофизиологических нагрузок и настроений, выдерживает не каждый. Творчество нуждается в оптимальных социальных и ментальных условиях. Если фон отрицательных факторов (бытовая неустроенность, материальная необеспеченность, навязчиво-агрессивная среда, невостробованность и т. п.) чрезмерно расширяется и уплотняется, то реакция может быть двойной: или перевозбуждение ставит человека на грань психических срывов, или он впадает в состояние безразличия и эмоциональной тупости. Во всяком случае, рост неприкаянности особенно снижает именно творческий потенциал личности. Иногда необратимо! Поэтому защита целостности человека – защита творчества.

Первичность социальной детерминации творческих процессов по содержанию и направленности, однако, предполагает необходимость учета влияния на них и природных факторов. Анализ художественного и научно-технического творчества показывает, что общение с природой:

- развивает воображение, фантазию, интуицию и чувство прекрасного, побуждает к интеллектуальной работе и стимулирует самосозерцание;

- ускоряет созревание и актуализацию внутреннего содержания предшествующего духовного труда личности. Без этой непосредственной сопричастности с природой такой процесс мог бы и не реализоваться;

- формирует основу человеческой чувственности, которая вплетена во все виды деятельности (производство, познание, выработка эстетических и этических ценностей и т. д.). Сужение и обеднение этой взаимосвязи значительно деформирует и опустошает культуру чувств, что снижает уровень жизненного тонуса и его продуктивность во всевозможных формах индивидуального и социального бытия человека. Искусственный окружающий мир, вытесняя естественный, не может компенсировать данную утрату, если не создается по законам красоты и гармонии и не вписан целостно и органично в структуру земной биосферы;

- укрепляет творческие возможности человека, так как приводит организм в состояние оптимального функционирования при отражении им природных ритмов, лежащих в фундаменте физико-химической упорядоченности физиологических и психоэмоциональных систем, которые, в свою очередь, образуют биологические основы творчества. Рассогласование естественных ритмов под воздействием антропогенных причин ведет к сбоям нервно-психических процессов, изменениям биоритмов самым неожиданным образом и чаще всего ухудшает тонус, жизнестойкость и творческую отдачу личности.

Для современного периода, увы, характерны разрушение привычной среды обитания и ее тотальное загрязнение, сокращение диапазона контакта с первозданной природой, отчуждение и потребительское к ней отношение, исчезновение красоты. Всестороннее же и существенное оздоровление экологической обстановки – это не только условие выживания человечества, но также дополнительный, мощный и незаменимый ничем резерв творческой активности.

И творчество, и попытки найти смысл собственной жизни предполагают существование любви как сокровенного и верного пути к другому. Любить и быть любимым (любимой) –

разве не об этом мечтает каждый человек? Разве гениальные творения не были вызваны этим поистине неистребимым желанием? Разве не это чувство воспламеняло воина, зодчего, поэта? Но Эрос многолик. Исходя из платоновского понимания, целесообразно выделить несколько его уровней:

1) плотское, чувственно-телесное вождение, направленное на физическое обладание и стремящееся продлить линию биологического развития посредством акта размножения;

2) творчество вообще как преображение, окультуривание среды;

3) умудренная созерцательность, опирающаяся на лучшие достижения культуры;

4) экстаз, транс, переживание встречи с Абсолютным.

Уже всякая влюбленность выходит за пределы обычной сексуальности и воспринимает ее как профанацию истинного чувства, которое намного шире объекта и распространяется на весь мир. Следует не подавлять силы пола, что сопряжено с невротами, психозами и другими болезненными явлениями, не высвободить сексуальную энергию произвольно (это животность), а трансформировать их. Фрейдизм изучал лишь феномены обыденной жизни, но может быть открыта и высшая — сакральная реальность, если научиться управлять своей сексуальной энергией. В тантризме, например, соитие рассматривается как связь на тонком плане бытия, а на физическом мужчине настоятельно рекомендуется в точке кульминации воздерживаться от семяизвержения ради сохранения и приумножения жизненных сил, так как излитое семя приближает упадок и смерть. Соединяясь не только телесно, но и духовно, партнеры словно растворяются друг в друге и, осуществляя совместный прорыв к сверхчувственному, обретают нефизическое «созвучие», которое недоступно в лоне плотской сексуальности.

Человек потому и человек, что никогда не удовлетворялся «моралью скотного двора», хотя в современных социально-информационных условиях спектр допустимого значительно расширился. Но естественное становится противоестественным, когда претендует занять неподобающее (чужое) место, т. е. если биологическое (как низшее) «ниспровергает» социальное, а оно — духовное (как высшее и

системообразующее), то нарушается иерархия и гармония человеческого существования. Секс — обычное биологическое явление, детерминированное врожденными инстинктами. В порнографии всё внимание сосредоточено на половом акте как таковом и во всех возможных ракурсах и перспективах оцениваются и демонстрируются гениталии. В обществе потребления порнотопия — воплощение ненасытного вождения, где женщина — первая жертва. Здесь преобладают садомазохистские «сюжеты» и анонимность партнеров (до и после совокупления они, будучи изначально отчужденными, не интересуются друг другом, никогда не обнимаются, и их связь только контакт гениталий). Порнография являет собой негативную, темную сторону Эроса. Она лишает человека тайны, ощущения уникальности, редуцирует чувства к физиологическим процессам, всячески смакуя патологии и извращения разного рода. А пресловутая «сексуальная революция» ускорила ослабление самой страсти и остроты переживаний, а также либидозного напряжения, что значительно сократило разнообразие видов сублимации и ее проявлений в творчестве. В условиях гедонизации, плюрализации, либерализации, патологизация сексуального поведения люди стали более одинокими и опустошенными. Что касается эротики, то она, будучи порождением уже социокультурного и цивилизационного развития, является своеобразной огранкой сексуального «самородка» и включает в себя ритуал, игру, экспериментирование, учет неких социально значимых правил, которым надо следовать, чтобы быть признанным на уровне современных стандартов.

Уместно напомнить: эволюция земной жизни шла таким образом, что размножение без всякой половой любви постепенно сменялось половой любовью без обязательного деторождения. И юношеская игра сексуальных сил — поверхностная метаморфоза подспудного безличного «Оно». Поэтому телесная связь — это только псевдоразрешение противоречия между человеком как свободной индивидуальностью и его биологической природой. Только любовь в состоянии преодолеть данный разрыв. Любовь — не любая связь, а связь двух индивидов как желанных и единственных во всем, она самый поздний «ребенок» истории. Смысл любви

вовсе не в отрицании плоти, а в ее преображении и возвышении. *Любовь* — это:

- преодоление эгоизма и признание другого человека как безусловной ценности;
- восполнение собственной односторонности и изолированности;
- открытие родственного начала вне себя;
- волнующий диалог равных, но разных;
- образование из двух ранее разделенных индивидуальностей единой и единственной «монады-вселенной»;
- способ выражения самого чистого, светлого, благородного, что есть у человека;
- путь к себе через сердце другого, испытание себя другим на состоятельность;
- подлинная свобода (заставить любить невозможно);
- выход за рамки профанного бытия и встреча с сакральным;
- нравственный подвиг противостояния материально-преходящему и способность отдать жизнь ради другого.

А теперь спросим себя: можно ли заниматься любовью (как всем остальным)? Да чем угодно, но не ею! Любовь слишком глубока и серьезна. Не любивший всего лишь человекообразен, так как не сумел реализовать свой

духовный потенциал. Любовь, конечно, имеет много оттенков и форм: любовь к Богу, родителям, жене (мужу), друзьям, отечеству, своей профессии, природе. Ее эманациями являются страсть, нежность, сострадание, милосердие, жалость. Любовь как сердечная привязанность, будучи обращенной к другому, всегда содержит в себе благодарность за саму возможность такой встречи. Кому? Чему? Жизни? Судьбе? Случаю или предустановленной гармонии? Ответы разные, но общее в том, что межличностные любовные отношения переносятся на все иные способы связи человека с миром, который становится объектом сублимации и заботы, без чего само существование человека является всё более неполноценным.

Всё ранее высказанное предопределяет главный вывод: ослабевший, поработанный, сломленный, угасший, соблазненный или помраченный дух — путь к расчеловечиванию человека и его распаду на индивидуальном уровне, а в масштабах нации, надо полагать, погружает народ в состояние тотально необратимой утраты культурно-цивилизационной самобытности и превращает его из субъекта исторической деятельности в пассивный объект ассимиляции и поглощения. Но верно и прямо противоположное!

A.I. Kiselyov

SPIRITUALITY AS FUNDAMENTAL HUMAN NATURE

KISELYOV Anatoliy I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kaphphil_2005@list.ru

Abstract

In this article the backbone role of spirituality in the structure of the human nature and its main manifestations are revealed. A number of new concepts contributing to deeper and more concrete understanding of individuality are brought into scientific use, the real threats to anthropoidity being also shown.

Keywords

MAN; PERSON; SPIRITUALITY; MEANING OF LIFE; CREATIVITY; LOVE.

УДК 316.27

А.В. Малинов

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского)*

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук.

Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Аннотация

В статье на основе рукописи академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского «Научные основы социологии в их историческом развитии» (1911) рассмотрено психологическое направление в социологии XIX – начала XX в., в частности оценка ученым «социальной психологии» Г. Тарда, «психологии народов» и ряда других учений, являющихся разновидностями позитивистской социологии.

Ключевые слова

СОЦИОЛОГИЯ; ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ; СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ; ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ; ПОЗИТИВИЗМ.

Позитивистский проект новой науки об обществе – социологии – был подхвачен русскими мыслителями последней трети XIX в. Некоторые из них занялись популяризацией социологического знания, другие старались предложить оригинальную трактовку социологических проблем. Так возникла «субъективная школа», долгое время воспринимавшаяся в качестве «русской социологической школы». К началу XX в. в российской социологии доминировали три направления: позитивистское, неокантианское и марксистское.

Позитивизм исходил из убеждения в единстве природного и социального миров, полагая, что в обществе действуют те же законы, что и в природе, или социальные законы должны быть подобны естественным. Позитивистская социология предлагала различные варианты редукционистской методологии, намереваясь объяснять общество, исходя из условий природно-клима-

тической среды в географическом детерминизме, природы физического мира (прежде всего механики) у О. Конта, биологической природы (в органицизме) или психической природы человека. Поиск аналогий и заимствование методологии естествознания часто приводили к потере специфики социально-исторических явлений. История и социальная жизнь воспринимались как продолжение действия стихийных сил природы. Общество возникало и развивалось не само по себе, а в результате приложения асоциальных или даже антисоциальных сил.

В XIX в. заметных успехов добилась психология, постепенно преодолевающая картезианский дуализм *res cogitans* и *res extensa*. Причем суверенитет *res cogitans* постоянно сокращался пропорционально успехам экспериментальной психологии. Казалось, что еще немного, и тайники души будут выведены на свет тем самым *cogito*, которое своими достижениями опровергает собственное существование. На волне успехов психологии возник соблазн выводить из психической (чувственно-волевой, инстинктивной) природы человека и его

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 13-03-00301).

социальное поведение. Так появилась психологическая социология.

Психологическая социология, казалось, интернализировала социальную причинность и закономерность. Здесь общество повиновалось уже не безличной внешней необходимости, а следовало изводам человеческой души, ее желаниям, чувствам, волеиям или инстинктам, т. е. тому, что непосредственно дано человеку, непосредственно ему знакомо. Однако это знакомство, эта кажущаяся очевидность в скором времени обернулась прорывом еще менее известной и понятной силы. Зов природы оказался голосом иррационального.

К началу XX в. социология вошла в круг социальных наук на правах полноправного члена, не лишеного, впрочем, притязаний на интегрирование и обобщение достижений всех этих наук. В 1908 г. в России открылась первая кафедра социологии, а в 1916 г. было создано Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, первым председателем которого стал академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) [4]. Разнообразие направлений в социологии и пройденный ею путь становления позволяют взглянуть на эту науку не только с познавательным, но уже и с историческим интересом. Одну из первых таких попыток предпринял А.С. Лаппо-Данилевский.

Как профессиональный историк, теоретик и методолог исторической науки он принадлежал к неокантианскому направлению, хотя и испытал сильное влияние позитивизма. В достаточно широкий круг научных интересов Лаппо-Данилевского социология входила не в качестве простого дополнения к историческим исследованиям. Русский ученый ставил перед собой задачу сформулировать «теорию обществоведения», которая во многом совпадала с разработкой гносеологических проблем социологии. Лаппо-Данилевскому принадлежат и одни из первых опытов чтения лекций по истории социологии. Рукопись одного из таких курсов – «Научные основы социологии в их историческом развитии» (1911) – находится в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [2]. Исследователь не намеревался публиковать свои лекции, поэтому архивные записи представляют собой лишь наброски, фрагменты лекций, выписки из книг и другой подобный «рабочий» и «подготовительный»

материал, опубликовать который в виде отдельного издания невозможно.

Лекции Лаппо-Данилевский читал в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. В объявлении курса были указаны основные темы лекций:

«1. *Возникновение социологических учений под влиянием французского просвещения XVIII в.* Понятие о законосообразности явлений общественной жизни и ее развития. Учение о “социальной организации” и его социологическое значение.

2. *Основание социологии.* Положение социологии в системе наук. Социальная статика и социальная динамика; главнейшие их законы.

3. *Биологическое направление в социологии.* Биосоциологическое учение об обществе как об организме; теория эволюции и приложение ее законов в социологии.

4. *Психологическое направление в социологии.* Социальная психология и законы подражания. Коллективная психология и законы образования коллективного сознания. Этология и народная психология, законы образования народного характера и его продуктов.

5. *Очередные задачи собственно социологического построения.* Абстрактная социология и ее законы. Приложения ее обобщений к историческому изучению общества» [2, л. 1].

В своем курсе Лаппо-Данилевский рассчитывал затронуть и психологическое направление в социологии. К сожалению, в рукописных материалах курса этот раздел – один из самых кратких. Большинство тем и сюжетов, которые ученый рассматривал в лекциях по истории социологии, вошли в переработанную им в конце жизни «Методологию истории». Она была опубликована уже после смерти ученого. Первое посмертное издание «Методологии истории» (1923) во многом дополняет лекции ученого по истории социологии 1911 г. Однако материалы, посвященные психологическому направлению, в ней практически отсутствуют. Это вызвано, по-видимому, тем, что Лаппо-Данилевский не завершил работу над новой редакцией своего главного историко-теоретического и философского труда. «Методология истории» (1923) фактически представляет собой историческое введение в теорию исторических и социальных наук. Исследователь успел рассмотреть в ней только историю «номотетического направ-

ления». Насколько полным был такой взгляд, сказать трудно именно в силу незавершенности самого труда. Тем ценнее являются те немногочисленные записи лекций 1911 г., в которых ученый анализировал психологическое направление в социологии.

Надо заметить, что в те годы, когда Лаппо-Данилевский работал над своими лекциями и «Методологией истории», психологическое направление переживало «второе дыхание». Вызвано это было успехами бихевиоризма. Уже вскоре и социологическая наука взяла на вооружение достижения «рефлексологии». Все это не могло пройти мимо ученого. Достаточно сказать, что крупнейший представитель бихевиористской социологии в России в те годы — П.А. Сорокин был секретарем и активным деятелем возглавляемого Лаппо-Данилевским Русского социологического общества. Правда, в 1911 г., когда Лаппо-Данилевский готовил свои лекции, Сорокин еще не заявил о себе в социальной науке. Лаппо-Данилевский же в это время завершал работу над своим главным историко-теоретическим и философским трудом — «Методологией истории». В основе ее тоже лежал трехгодичный курс, читавшийся Лаппо-Данилевским в Санкт-Петербургском университете. В 1909 г. этот курс был издан литографским способом, в 1910 г. вышла первая часть новой редакции «Методологии истории» и ученый готовил вторую часть (вышла в 1913 г.). Тексты «Методологии истории» издания 1909, 1910–1913 и 1923 гг. настолько отличаются друг от друга, что фактически это разные книги, объединенные лишь общим авторством и заглавием, а также отчасти тематикой.

Психологическое направление в социологии, полагал Лаппо-Данилевский, было альтернативой контовскому физикализму и спенсеровскому органицизму в рамках самого позитивизма. И хотя основоположник социологии пренебрегал психологией, отказывая ей в праве называться наукой, развитие социологической мысли реабилитировало психологию. Это был первый шаг возвращения науки об обществе от физикализма, органицизма и географического детерминизма к человеку.

Лаппо-Данилевский писал:

«1) Конт *упразднил* из своей системы наук психологию, что повело к *вторжению биологии* в область социологии и, вопреки пониманию са-

мого Конта, грозило лишить последнюю ее *самостоятельного* значения. Но быстрое *развитие психологии*, в особенности благодаря *Гербарту* и *Миллю* (Games Mill), с 1820-х гг., а затем *Спенсеру* (1855) и мн[огим] др[угим], уже не позволяло исключить ее из системы наук: *Бенеке*, *Вундт* и др[угие] указывали на значение психологии и для социальных наук.

Вскоре *сами представители органической школы* (Спенсер, Шэффле) стали изменять ему и признали *существенное значение психологии для социологии*.

2) Вместе с тем социологи стали интересоваться простейшими, наиболее элементарными социальными явлениями:

а) *явлениями психического взаимодействия* между двумя или несколькими индивидуумами,

б) *явлениями коллективного сознания* более или менее значительных социальных групп и соответствующих *реакций*,

с) *законами образования* народного характера и находящимися в зависимости от „народного духа” — *продуктами его культуры*.

Хотя указанные направления развивались *не совсем в той последовательности*, в какой они перечислены здесь, однако, придерживаясь ее, всего удобнее выяснить их характерные особенности и взаимоотношение» [2, л. 144, 146.].

Свои рассуждения Лаппо-Данилевский подкреплял выводами Л. Уорда о психологии и ее значении для социологии, ссылаясь, в частности, на его «Динамическую социологию» и «Чистую социологию». «Человек, — отмечал он, — не только живет, но имеет *сознание своей жизни*, обладает способностью *делать выбор* между мотивами своих действий; его воля (в психологическом смысле, как сумма всех потребностей человека) — *главная социальная сила*; психические силы или психические факторы объясняют социальный процесс и двигают цивилизацию» [Там же. Л. 145].

Рассматривая психологическое направление, Лаппо-Данилевский остановился лишь на двух учениях, выросших на почве психологизма: «социальной психологии» и «психологии народов». Ища опору в психической природе человека, социология сначала обратилась к коллективной психологии, социологии массовых явлений. Самым типичным представителем «социальной психологии» Лаппо-Данилевский считал Г. Тарда. Он кратко остановился

на его биографии, указав на влияние учения Лейбница (через А.О. Курно) о монадах и теории А. Шопенгауэра на взгляды французского социолога и криминалиста. «Тард, — отмечал ученый, — *исходил* из учения Лейбница о монадах и, считая его достаточно обоснованным, полагает, что *атом или молекула наделены способностью сознательной инициативы* и что той же сознательной инициативой отличается *индивид, что-либо открывающий* в области знания и практического опыта <...>; отсюда — связь между *учением о монадах* и *теорией изобретения*. Под влиянием *Шопенгауэра* Тард развил учение о веровании и желании (ср[авни] волю Шопенгауэра); а между тем они являются основными факторами изобретений» [2, л. 148].

Работы А.О. Курно, с которыми Тард познакомился еще в молодости, задали направление всему его умственному развитию. Не случайно свой главный труд он посвятил А.О. Курно, хотя лично с ним знаком не был. Лаппо-Данилевский пояснял: «Возражая против органической теории Курно, Тард указывает на то, что для понимания явлений общественности гораздо полезнее было бы обратиться к изучению таких фактов, как *мелкие изобретения* (напр[имер], изобретение слов, обычая), „увлекающие“ людей, и распространение их; такое увлечение (entrainment) находится в связи с „*инстинктом подражания*“ и „естественным чувством аналогии“ между двумя случаями, благодаря которому в новом случае подражают тому, что делалось в предшествующем» [Там же].

Надо заметить, что, остановившись на взглядах Тарда, Лаппо-Данилевский ограничился лишь его теорией изобретений, не коснувшись других аспектов анализа Тардом массовых явлений (и соответственно оставив без внимания другие аналогичные учения: Г. Лебона, Н.К. Михайловского). По крайней мере, в рукописях это не отражено. Десятилетие спустя теория изобретения Тарда послужила одной из основ для историософии и философии культуры заявившего о себе евразийства. Именно на нее опирался Н.С. Трубецкой в первом опыте евразийской (или предъевразийской) доктрины — брошюре «Европа и человечество» (София, 1920). Правда, говоря о «культурной ценности», Трубецкой придавал тардовскому учению несколько неокантианский оттенок.

Далее Лаппо-Данилевский привел выписки из сочинений Г. Тарда и работ Б. Вормса о Тарде по различным темам: понятие о социологии; статика, теории изобретения и подражания, случайность изобретения, сущность изобретения, механизм изобретения, борьба изобретений и их согласование, результат столкновения или согласования изобретений — новое изобретение; теория подражания, социальный индивидуум; социальная группа; законы подражания, подражание низших «высшему»; теория приспособления; динамика с точки зрения учения об изобретении и с точки зрения учения о подражании; значение личности (индивидуализм, а не социализм). Ученый отмечал, что одно время Тард отождествлял социологию с коллективной психологией. Это означало, что «[таким] о[бразом] весь механизм общественной жизни сводится к процессу *взаимодействий между изобретением и подражанием*. Такая схема — *сильное упрощение* действ[ительности], что Тард часто забывает, желая *всё* объяснить ими» [Там же. Л. 158].

К психологической социологии Лаппо-Данилевский также относил Д.М. Болдуина, Ф.Г. Гиддингса, Ж. Сигема, Э.О. Росси и Л. Орда, но их взгляды не рассматривал. Он лишь указал на «законы образования коллективного сознания»:

1) сознание рода;

2) средний уровень коллективного сознания ниже среднего уровня отдельного индив[идуального] созн[ания], по крайней мере в умственном, если не в нравственном отношении;

3) телеологическое единство;

4) прагматическое единство [Там же. Л. 182].

Следующим учением в рамках психологического направления, которое разбирал Лаппо-Данилевский, была «психология народов». Истоки этого учения следует искать в Германии, где после освободительных войн 1812–1815 гг. усилился интерес к народной жизни, «народному духу». О «народной психологии» как самостоятельном научном направлении стало возможно говорить после публикации работ М. Лацаруса, Х. Штейнтала, В. Вундта и И.Ф. Гербарта. В качестве самостоятельного учения «психология народов» существовала в 1850–1870 гг. Лаппо-Данилевский пояснял, что Герbart учил «о представлениях как своего рода центрах сил.

Каждое *представление* — *атом* психической жизни. *Механика представлений*, независимо от их отношения к сознанию субъекта» [2, л. 185]. Тут же он привел цитату из Гербарта: «В целом обществе люди относятся друг к другу так, как представления в душе отдельного человека» [Цит. по: 2, л. 187]. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский упоминал, что «народно-психологические очерки Лазаруса», наравне с другими концепциями, получили более или менее удачное приложение «в области исторических обобщений» [1, с. 65]. Перед «психологией народов» стояла задача выявить простейшие социальные отношения, а затем уже изучать более сложные. Все же в «психологии народов» слышались отголоски романтической эпохи. В ней было больше немецкой метафизики, чем позитивизма.

В своем курсе Лаппо-Данилевский коснулся учения Х. Штейнталя, который «много рассуждал о психологии языка, его происхождении и развитии; он также изучал характерные особенности „мифологической апперцепции” и всего менее касался последнего из главных проявлений народного духа — нравов, служивших предметом дальнейших исследований со стороны одного из его преемников» [2, л. 215]. Он также привел критику современников, звучавшую в адрес «психологии народов». «Правомерность народно-психологических построений, — писал ученый, — вызвала некоторые возражения, например со стороны Брэннера и Пауля, который считал самое понятие о “народной душе” довольно сомнительным и указывал на то, что народной психологии не удалось установить ее законы; в своем ответе на возражения Пауля Вундт заметил, что народная психология, в сущности, задается другой целью: она стремится дать психологическое истолкование законов развития языка, мифа и нравов, обнаруживающихся в действительности» [Там же. Л. 219]. «Психология народов» не столько проясняла явления социальной жизни, сколько их отчасти упрощала, а отчасти и затемняла. Социальная метафизика под влиянием вульгарно истолковываемого сциентизма вырождалась в «народную психологию».

В материалах к лекциям Лаппо-Данилевского в разделе о «психологии народов» содержатся также выписки о Г. де Греефе [Там же. Л. 223], Е.В. де Роберти (в основном из статьи

М.М. Ковалевского в «Вестнике Европы». 1915. № 5) [Л. 224–233], по-французски о Я.А. Новикове [Л. 234] и о «passions» [Л. 235–236].

Отчасти дополнением к лекциям может служить последняя редакция «Методологии истории», в которой достаточно подробно рассмотрено учение В. Вундта [1, с. 163–167]. Лаппо-Данилевский ставил Вундта в один ряд с Шопенгауэром как представителя волюнтаризма [Там же. С. 165]. Он полагал, что после Гегеля и Фейербаха «дальнейшее сближение между философией и наукой» произошло именно благодаря Вундту [Там же. С. 163]. «Вообще Вундт характеризует явления духовного порядка с волюнтаристической точки зрения, а именно: оценкой, целеполаганием и волевой деятельностью, и приходит к заключению, что общая наука о духе, т. е. психология, изучающая качественную зависимость между вышеуказанными душевными явлениями, с ее принципами и методами должна лежать в основе остальных наук о духе» [Там же. С. 164]. Вундт называл историю «прикладной психологией», настаивая, что «наиболее общие законы истории не что иное, как законы самой психологии» [Там же. С. 165]. Вундт «дает понятие о том коллективном сознании, которое состоит в актуальном единстве психических процессов, возникающих во взаимодействии индивидуальных сознаний, и следит за его обнаружениями в главнейших социально-психических проявлениях человеческой культуры, т. е. в языке, „мифе” и „обычае”» [Там же. С. 166]. Лаппо-Данилевский был не согласен с таким утверждением и приводил разностороннюю критику волюнтаризма, в том числе и в случае его приложения к истории. Так, он считал, что Вундт давал поверхностное описание методов исторического изучения, в частности «психофизического и описательно-сравнительного метода изучения психических переживаний в области народно-психологических исследований, и в особенности народно-психологического истолкования продуктов культуры» [Там же].

Раздел о психологическом направлении в социологии — один из самых кратких в рукописи Лаппо-Данилевского «Научные основы социологии в их историческом развитии». По сравнению с другими разделами он в большей степени состоит из выписок и цитат, чем из собственных оценок и характеристик автора.

Психологизм, полагал ученый, существенно дополнял позитивистскую социологию, раскрывая перед ней новые возможности. Во времена Лаппо-Данилевского научный потенциал психологического направления еще не был до конца исчерпан. Да в целом и интеллектуальный настрой эпохи благоприятствовал или даже потворствовал проявлению чувственных сторон культуры [5, с. 89; 6]. Правда, в своих теоретических построениях Лаппо-Данилевский ограничивался в основном рассуждениями о значении для социально-исторических

дисциплин решения проблемы чужой душевной жизни, «чужого я», активно обсуждавшейся в русском кантианстве в конце XIX в. с подачи А.И. Введенского [3]. В обращении к психологизму Лаппо-Данилевский видел перспективу развития материалистического направления в историографии и социологии, в частности трансформации марксизма от догматической его формы к более гуманистической, чему были посвящены заключительные страницы первого посмертного издания «Методологии истории».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923.
2. Он же. Научные основы социологии в их историческом развитии // Санкт-Петербург. филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344.
3. Малинов А.В. «Психофизический закон» А.И. Введенского и его критики // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 73–128.
4. Он же. А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 3. С. 8–16.
5. Трофимова Е.А. Космизм Серебряного века: проект модерна // Мысль (Журн. Петерб. филос. об-ва). 2012. Вып. 12. С. 88–103.
6. Она же. Космизм в русской культуре Серебряного века. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012.

A. V. Malinov

PSYCHOLOGICAL TREND IN SOCIOLOGY (From the lectures of academician A.S. Lappo-Danilevsky)

MALINOV Alexey V. – *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Grazhdanskiy pr., 28, St. Petersburg, 195220, Russia
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Abstract

The article presents the psychological trend in sociology of XIX – early XX century on the basis of “Scientific bases of sociology in their historical development”, a manuscript by Academician Aleksandr Sergeyeovich Lappo-Danilevsky (1863–1919). Namely, provided is assessment of G. Tarde’s “social psychology”, “psychology of peoples” and a number of other doctrines of the positivist sociology paradigm.

Keywords

SOCIOLOGY; LAPPO-DANILEVSKY; SOCIAL PSYCHOLOGY; PSYCHOLOGY OF NATIONS; POSITIVISM.

REFERENCES

1. Lappo-Danilevskij A.S. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Petrograd, 1923. (In Russ.)
2. Lappo-Danilevskij A.S. *Nauchnye osnovy sociologii v ikh istoricheskom razviti* [Scientific bases of sociology in their historical development]. St. Petersburg Branch of RAS archive (SPF ARAN). F. 113. Descript. 1. Item 344.
3. Malinov A.V. [“Psychophysical law” of A.I. Vvedensky and his critics]. *Aleksandr Ivanovich Vvedenskij i ego filosofskaya epoha* [Alexander Vvedensky and his philosophical epoch]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2006. Pp. 73–128. (In Russ.)
4. Malinov A.V. [A.S. Lappo-Danilevsky – the first chairman of the Russian Sociological Society named after M.M. Kovalevsky]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [J. of Sociology and Social Anthropology], 2013, vol. XVI, no. 3, pp. 8–16. (In Russ.)
5. Trofimova E.A. [Cosmizm of Silver century: modernist project]. *Mysl' (Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva)* [J. Petersburg Philosophical Society], 2012, pt. 12, pp. 88–103. (In Russ.)
6. Trofimova E.A. *Kosmizm v russkoj kul'ture Serebryanogo veka* [Cosmizm in Russian culture of the Silver Age]. St. Petersburg, SPbGIEU Publ., 2012. (In Russ.)

УДК 725 (480) + 72.007

М.К. Кабакчи

СЕВЕРНЫЙ КЛАССИЦИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛАРСА СОНКА

КАБАКЧИ Маргарита Константиновна – доцент Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат педагогических наук.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: Mkabakchy@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена специфике развития архитектуры в Финляндии в первой трети XX века. Проанализированы изменения, которые происходили в творчестве выдающегося мастера, представителя национального романтизма в Финляндии и одного из основателей финской архитектурной школы Ларса Сонка (1870–1956) в период перехода от модерна к неоклассицизму и затем к функционализму. Возврат к осевой симметрии, использованию колоннады и монохромной отделке фасадов сочетался в проектах финского зодчего с дальнейшим использованием элементов национального романтизма рубежа веков. Неоклассицизм Л. Сонка носил региональный характер в варианте Северного классицизма.

Ключевые слова

ЛАРС СОНК; АРХИТЕКТУРА ФИНЛЯНДИИ; НАЦИОНАЛЬНЫЙ РОМАНТИЗМ; СЕВЕРНЫЙ КЛАССИЦИЗМ; ФИНСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА.

Выдающийся финский архитектор Ларс Сонк, сохранив своеобразие и национальные корни в своих произведениях, отразил в творческой деятельности на протяжении почти сорока лет все стилистические изменения в архитектуре начала XX века – от национального романтизма до модернизма. Рассмотрим период творчества архитектора, в котором происходил отход от национального романтизма к неоклассицизму в его региональном варианте Северного классицизма, попытаемся объяснить внутренние причины происходивших изменений и проследить эволюцию стилей в архитектуре Финляндии первой трети XX века на примере работ Л. Сонка. Актуальность исследования творчества Сонка обусловлена слабой освещенностью финской архитектуры начала XX века в отечественном искусствоведении.

Ларс Сонк (Lars Eliel Sonck) (1870–1956) – один из основателей и выдающихся представителей финской архитектурной школы, чья профессиональная карьера началась в 1890-х годах и достигла наивысшего расцвета в 1910–1930-х годах. Именно благодаря художественному та-

ланту молодых финских архитекторов, в том числе и Л. Сонка, архитектура Финляндии получила международное признание и заняла достойное место в истории европейской архитектуры. Начало XX века – самый интересный и самый плодотворный период в истории культуры и архитектуры Финляндии. Этому периоду посвящены работы отечественных исследователей А.В. Иконникова, В.С. Горюнова [2], Ю.И. Курбатова [4], М.П. Тубли [2] и зарубежных авторов: Р. Конна [5], П. Корвенмяя, П. Кивинен, Р. Никулы [8].

Рубеж XIX и XX веков был отмечен в Финляндии небывалым подъемом национального самосознания, и в первую очередь это было связано с развитием движения в защиту автономии, которая сохранялась за Великим княжеством Финляндским, но находилась под постоянной угрозой со стороны российского правительства. В области архитектуры одним из проявлений этих настроений стало течение, известное как национальный романтизм, основанное группой молодых архитекторов, получивших образование в Политехническом

институте Хельсинки [3, 6, 7]. Обращение к традициям финского и карельского зодчества, стремление художественно осмыслить своеобразие финской природы, использовать ее специфические ресурсы в области строительных материалов придали новому течению самостоятельность и выделили его среди европейской архитектуры эпохи модерна.

Однако уже в 1910-х годах стиль модерн не являлся доминирующим – в проектах финских мастеров проявлялся интерес к исторической архитектуре, преимущественно к архитектуре классицизма. Речь не идет о копировании или слепом подражании классицизму, хотя в Хельсинки сохранилось немало ордерных сооружений, построенных Л. Энгелем; кроме того, Санкт-Петербург, столица империи, предоставлял широкие возможности для изучения архитектуры классицизма. Зодчие обратились к интерпретации классицистических методов и приемов на новом этапе развития архитектуры и с опорой на национальные корни – так появился Северный классицизм.

Северный классицизм как региональный вариант неоклассицизма доминировал в архитектуре стран Северной Европы – Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии в период 1910–1930-х годов и явился своеобразным синтезом региональной архитектуры в каждой стране с элементами, типичными для европейского неоклассицизма в целом [9].

Анализируя сооружения Сонка в крупных городах Финляндии в 1910–1920-х годах, необходимо помнить о растущей урбанизации и разделении сфер производственной деятельности, в результате которых выдвигались новые требования к городскому планированию и строительству, в том числе и в общественном секторе. Также нельзя забывать и о появившейся в конце XIX века в Финляндии практике проведения архитектурных конкурсов, которые поощряли индивидуальную творческую деятельность. И наконец, развитие строительного рынка, финансируемого частными инвесторами и, следовательно, все больше выходящего из-под государственного контроля, привлекало заказчика нового типа, который был заинтересован в современном и новаторском дизайне, подчеркивающим его собственную индивидуальность. Не удивительно, что такое удачное сочетание спроса и предложения на фоне происходящих

перемен было наиболее интенсивным в Хельсинки, столице государства и центре деловой активности [6, 7].

При проектировании банковских и офисных зданий ордерная архитектура оказалась особенно популярной, так как ассоциировалась с монументальностью и надежностью. Ценности классической архитектуры, таким образом, обрели новую жизнь, ускорив закат модерна и обеспечив переход к модернизму.

Ряд спроектированных Сонком для центра Хельсинки банковских зданий, который начинается с реконструированного Приватбанка (*Privatenbank*), может быть продолжен **зданием Ипотечной ассоциации Финляндии** (*Suomen Hypoteekkiyhdistys*) (1907–1909), располагающимся, так же как и Приватбанк, на Эспланаде. Проект предполагал строительство нового четырехэтажного дома, который отвечал бы потребностям клиентов и нескольких арендаторов. Таким образом, главный офис Ипотечной ассоциации Финляндии (ИАФ) продолжил программу строительства на деньги банков и страховых компаний на расширяющемся рынке столицы, в результате реализации которой уже появились впечатляющие здания Васа Банка (*Wasa Banken*) и страховой компании Похьола (*Pohjola*), а в течение еще нескольких лет должны были быть завершены здания Фондовой биржи (об этом будет сказано ниже) и страховых компаний «Kaleva», «Suomi» и «Salama» в центре Хельсинки. При проектировании ИАФ Сонк создавал здание общественного характера на частные деньги.

Деятельность ИАФ, основанной в 1861 году, отличалась от деятельности коммерческих банков, и поэтому у нее не было необходимости привлекать клиентов помещением внушительного вида с роскошными интерьерами. Благоприятный экономический климат и желание приобретать постоянное собственное жилье сделали строительный проект жизнеспособной альтернативой в начале XX столетия. На этот раз конкурса проектов не было. Совет директоров банка сразу выбрал Сонка для выполнения поставленных задач. Причины этого, вероятно, объясняются составом совета: в 1906 году управляющим директором Ипотечной ассоциации был избран Э. Шибергсон. Будучи директором Приватбанка, именно он поручил реконструкцию здания финскому мастеру. Прекрасный

результат и дружеские отношения заказчика и архитектора сделали Сонка известным «архитектором частного капитала» в Хельсинки именно тогда, когда в деловом центре города велось интенсивное строительство.

Одновременно с работой по новому заказу Сонк готовил чертежи для второго этапа конкурса на строительство церкви Каллио (*Kallio*). В обоих проектах осевая симметрия была особенностью композиции, а для арочных конструкций планировалось применить железобетон. Таким образом, новые технологии в архитектуре реализовались в творчестве Л. Сонка уже в начале XX века. В целом проект и строительство здания ИАФ по времени практически совпадают со строительством церкви Каллио, и проблемы, с которыми архитектор сталкивался при проектировании банковского здания, возможно, имели значение для принятия решений в процессе строительства здания церковного. Несмотря на различия между эти-

ми двумя заказами, одновременное планирование двух облицованных камнем общественных зданий привело к аналогичным решениям в том, что касалось формы и строительных материалов. Новизна состояла в том, чтобы в центре столицы построить здание, помещения которого могли бы использоваться для различных видов коммерческой деятельности, в том числе и банковской. Помимо создания многофункционального помещения представительского характера, заказчики также стремились продемонстрировать на уровне городского ландшафта финансовое благосостояние их клиентов и культурные цели проекта [7].

Изменения в объемно-пространственной структуре, которые вносились в проект, практически не затронули фасад. На предварительной стадии проекта архитектор сконцентрировался на материалах, особенностях конструкций и деталях. Тектонически фасад был продолжением тем, реализованных в композициях Телефон-

Здание Ипотечной ассоциации Финляндии, общий вид (Хельсинки, ул. Южная Эспланада, 16). 1907

ной ассоциации и запланированных при строительстве церкви Каллио. Классицистический характер фасада достигается подчеркнутыми контурами форм, горизонталями листелей и вертикалями колонн и пилястр. Композиция фасада выполнена в камне — светло-серый гранит был предоставлен фирмой «Suomen Kiviteollisuus». Поверхность камня отполирована, а монохромная отделка была осуществлена тем же способом и тем же основным материалом, что и при строительстве церкви Каллио.

Фасад здания ИАФ лучше всего просматривается со стороны парка Эспланады. Выступы фасада смотрятся как отдельные элементы, при этом центральная часть его тоже воспринимается обособленно. Система павильонов, разграничивающая сквер перед зданием, визуальнo проецируется на верхние этажи выступов фасада. Такая композиция фасада перекликается с классическими зданиями Хельсинки. Фасад здания обработан лизенами с декором с неглубоким рельефом. Третий ярус разработан сплошной рустовкой и сильно модернизированными пилястрами. Фасад здания ИАФ был предметом и широкого обсуждения, и значительных капиталовложений, а результат превзошел все ожидания. В остальном же проект регулировался соображениями эффективного использования офисного помещения, и желаемый результат был достигнут благодаря использованию новейших технологий того времени.

Бетон диктовал формирование объемов интерьеров, а на собственно архитектурные решения явно влиял инженер-строитель. Планировка первого этажа отличалась от планировки трех верхних этажей. Декор помещений банка ИАФ выдержан в нейтральной светлой цветовой гамме, которая перекликается с монохромным декором фасада.

Влияние проекта Приватбанка и лично Э. Шибергсона как щедрого спонсора Сонка не могло остаться незамеченным: в своем обзоре интерьера здания Г. Стренгел писал, что «денежно-кредитные учреждения были главными спонсорами современных направлений в архитектуре с самого момента ее зарождения, подобно флорентийским банкирам эпохи Ренессанса» [Цит. по: 6, с. 92]. Он подчеркивал связь между быстро развивающейся экономикой и целями современной эпохи — это реализация крупных проектов, которые были выгодны

всем. В этом смысле сотрудничество Сонка с ИАФ оказалось, без сомнения, успешным: здание произвело положительное впечатление и на старшее поколение архитекторов, и на более молодых мастеров, оно было высоко оценено за своевременность и современность. Это, в свою очередь, расценивалось как отражение нового подхода к строительству и партнерских отношений заказчика и исполнителя.

Здание ИАФ — один из эталонных памятников Северного классицизма, где ордерная логика нарушена, так как ордерная композиция пропущена через приемы монументально-декоративного убранства, характерного для архитектуры национального романтизма.

Яркий пример неоклассицизма в варианте Северного классицизма и самый крупный заказ Л. Сонка, который он когда-либо получал от частного клиента, — **здание Фондовой биржи** Хельсинки, спроектированное в 1901-м и законченное в 1912 году. Здание, с его особыми требованиями к организации пространства и специфическими функциями, должно было быть расположено в центральной, деловой части Хельсинки на ул. Фабианинкату — между Эспланадой и центральной ул. Александеринкату. Несмотря на то что Сонк уже мог положиться на свой опыт при строительстве ИАФ, здание Фондовой биржи было совершенно новым типом проекта и для него лично, и для финской архитектуры в целом.

Быстрые темпы развития экономики страны ускорили реализацию предыдущих проектов Сонка, а также отразились на инвестициях и активной торговле акциями и ценными бумагами. Эта область экономической деятельности в Финляндии была еще довольно плохо организована в начале XX века, что тормозило ведение бизнеса на общенациональном и европейском уровне. В 1907 году группа крупнейших бизнесменов Хельсинки во главе с Д. Тальбергом купила участок земли на ул. Фабианинкату, 14 под строительство здания Фондовой биржи, а в марте 1910 года они основали компанию Фондовой биржи (*Aktiebolaget Börs*) Хельсинки.

Хотя мнение Д. Тальберга было решающим на начальных стадиях обсуждения проекта и его любимым архитектором был Э. Сааринен, являвшийся членом-учредителем Клуба Фондовой биржи, заказ проекта был отдан Л. Сонку. Главные чертежи были одобрены в апре-

ле, строительство началось весной 1910 года. К июню следующего года часть здания была закончена, и арендаторы помещений смогли въехать в него в июле. Интерьеры здания Фондовой биржи, клуба и ресторана были закончены к зиме 1912 года.

Ведущим принципом планировки явилось симметричное расположение помещений вдоль продольной оси, что создавало эффект зеркального отражения. В этом проекте Сонк максимально развил идею осевой симметрии, разработанную им для церкви Каллио и здания ИАФ. В здании использованы две системы сообщения – круговая и осевая.

Фасад здания Фондовой биржи представляет собой несущую кирпичную стену, облицованную гранитом. На композицию фасада не повлияла ни новая техника использования бетона, примененная в корпусе здания, ни комбинация стали и стекла, использованная в системе освещения. Пилоны кажутся независимыми элементами конструкции из-за неоправданно развитых капителей.

Главные чертежи и окончательная версия фасада мало отличаются от первоначальных эскизов. Центральнo-осевая симметрия связывает всю композицию, которая разделена на три части по горизонтали и по вертикали с помощью прямых углов и арок. Прямые углы были также использованы при создании границы с

острыми краями между различными уровнями рельефа, и соответственно колонны были заменены пилястрами. Трехчастное разделение по горизонтали, основанное на подчеркнутых кордонах, состоит из центрального объема и выступов, в то время как боковые части фасада имеют меньшее значение. Светло-серый одноцветный гранит фасада подчеркивает разные композиционные приемы, использованные при строительстве. Рустовка первого этажа, заимствованная из классицизма, отличается от рустовки двух верхних ярусов, пришедшей из приемов архитектуры национального романтизма. Орнамент в форме венков с гирляндами напоминает мотивы венского сецессиона. Растительный орнамент, как бы вытягивающий вверх пилоны, очевидно, пришел из приемов декоративного убранства, характерного для стилистики финского модерна.

В то время как фасад биржи должен был стать частью городского ландшафта, внутренний двор был предназначен для тех, кто собственно пользовался зданием. Помимо обеспечения естественного освещения этажей, он также предоставлял доступ непосредственно к помещениям внутри здания благодаря двум главным лестницам и одной открытой лестнице, ведущей на третий этаж через дверь, расположенную уровнем ниже. Так же как и фасад, внутренний двор разделен на три зоны,

Здание Фондовой биржи, фасад (Хельсинки, ул. Фабианинкату, 14). 1911

украшенные полихромными материалами с отделкой разных цветов. Прямоугольные темы внешнего облика соответствуют перпендикулярным плоскостям во внутреннем дворе. Эта особенность была лучше всего видна в эскизах, напоминающих заключительные версии церкви Каллио: в них сдвоенная лестница внутреннего двора имела изогнутую форму, и низкие ряды куполов были предназначены для проходов на разные этажи. В окончательной версии тема арки повторяется, например, в дизайне дверей, балконов, аркады и в планах лестниц.

В 1912 году, когда открылась Фондовая биржа и уже была освящена церковь Каллио, Л. Сонку было около сорока лет, а за плечами почти два десятилетия опыта работы в качестве успешного архитектора с обширной частной практикой. Он строил не только здания общественного назначения, но и жилые дома, внешний облик которых также отражал изменения в архитектуре Финляндии первой четверти XX века. Сонк был известен в Европе. Современники считали его основателем нового стиля в архитектуре Финляндии, и в этом смысле здание Фондовой биржи было кульминацией его карьеры. Эта постройка также знаменовала начало замедления многочисленных и порой весьма продуктивных инноваций. В том же 1912 году швед А. Бруниус в своей статье в журнале «Arkitekten» так охарактеризовал роль Сонка в скандинавской архитектуре: «Здание Фондовой биржи... самое суровое, самое вы-

держанное <в стиле> и самое чистое произведение из всего, что построило новое поколение...» [Цит. по: 6, с. 102].

В осуществленных проектах Сонка, таких как здание отеля «Grand Marina», неоштукатуренная кирпичная кладка начала постепенно заменять естественный камень. Кирпич доминировал в его постройках в середине 1890-х годов, главным образом в связи с историческими формами, уходящими корнями в Балтийский регион, что позже обусловило возвращение к этому материалу, однако отправные точки находились теперь в современной скандинавской кирпичной архитектуре – в работах таких мастеров, как М. Нироп, Р. Остберг, А. Розен и др. Например, неоштукатуренный красный кирпич использовался во внутреннем дворе здания Копенгагенского муниципалитета с окном в крыше и полукруглыми арками. Планирование здания Стокгольмского муниципалитета, важного памятника скандинавской архитектуры, началось в 1901 году и первоначально предполагало гранитную облицовку, но Остберг в конце концов решил на красную кирпичную кладку различных форм. Вопросы, касающиеся достоинств кирпича и камня, были хорошо знакомы Сонку – он обсуждал их в переписке со своим другом Остбергом.

Неудивительно, что около 1910-х годов скандинавская кирпичная архитектура стала примером для финских архитекторов, так как в отличие от Финляндии в Швеции и Дании

Отель «Grand Marina» (бывший портовый склад)
(Хельсинки, ул. Канавакату, 8). 1912, 1927–1928

она имела историческое и региональное значение [9]. С этой точки зрения кирпичные постройки Сонка начала 1910-х годов не опирались на финскую традицию, в них все меньше использовались исторические и метафорические элементы, и они все дальше уходили от стилистики национального романтизма. От необработанного камня Сонк также отказался, но уже по причинам экономии: каменные фасады были очень дороги, как показало строительство здания ИАФ. Таким образом, здание Фондовой биржи обозначило переходный период в творчестве Сонка в отношении выбора материалов. На смену последнему гранитному фасаду общественного здания, Фондовой биржи, пришел неоштукатуренный красный кирпич, который будет доминировать в фасадах более поздних построек мастера. Так, кирпич оказался включенным в композиции ордерной архитектуры, развивая стилистику Северного классицизма.

В журнале «Arkitekten» в 1904 году Сонк писал о том, что Финляндия не имеет «старой архитектуры», поэтому финским зодчим «нет необходимости сражаться с консервативными мнениями», и прорыв новых идей поэтому оказался относительно легким... «к сожалению, возможно, слишком легким» [11].

Сооружением, иллюстрирующим постепенную эволюцию творчества Л. Сонка и дальнейшее развитие идей Северного классицизма в его постройках, была **церковь Каллио**.

Церковь с высокой башней-колокольной стоит на вершине холма и доминирует не только над всем районом Каллио — она видна со всех открытых пространств районов Тёёлё и Клууви и своей вертикалью завершает самую протяженную прямую магистраль в центре города — ул. Силтасааренкату.

Идея прямоугольника, завершающегося колокольной на одном конце, была не нова для мастера — он использовал ее при строительстве церкви Св. Михаила в Турку в 1890-х годах. Система базилики в оформлении интерьера заставляет вспомнить средневековую архитектуру, и эта ассоциация еще больше подкрепляется ребрами сводов и эркеров. Осевая симметрия и объемно-пространственная композиция церкви явно свидетельствуют об использовании классицистических приемов, в то время как башня, являющаяся городской доминантой,

словно предвосхищает появление американских небоскребов 1920-1930-х годов.

С точки зрения градостроительной функции церкви можно выделить два уровня. Если смотреть с близкого расстояния с площади и прилегающих улиц, церковь выглядит как отдельно стоящее здание, независимое от окружающей застройки, как и хотел Сонк. Если же смотреть из центра Хельсинки, это кульминационная точка на оси север — юг: шпиль высотой 94 метра над уровнем моря возвышается над северной частью Хельсинки.

Этот проект позволил Сонку опробовать целый ряд новых идей, и церковь Каллио явилась поворотным моментом в его деятельности: произошел полный разрыв с традицией и

Церковь Каллио, южный фасад
(Хельсинки, ул. Итиянен Папинкату, 2). 1908–1912

начался «переход от ордерной системы конструктивно-тектонического типа к модернизированным ордерным системам пластического и структурно-конструктивного типа» [1, с. 73].

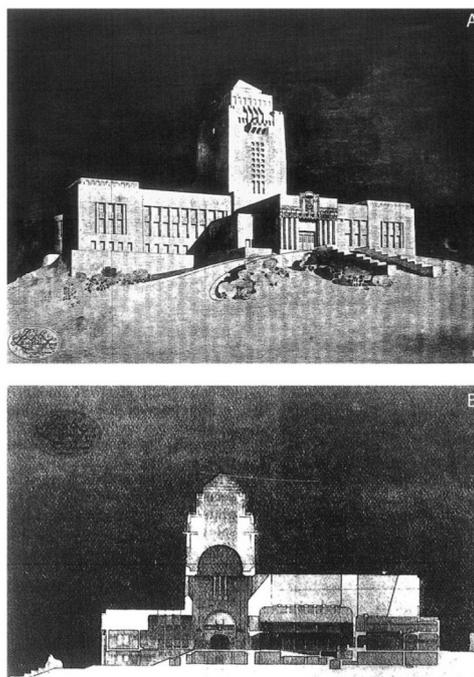
Проект и строительство церкви Каллио возобновили «роман с камнем» финского мастера, и если бы церковь была построена согласно его первоначальному плану, она стала бы апофеозом многолетнего эксперимента архитектора с природным материалом. В результате же в этом проекте камень был использован даже меньше, чем в соборе Тампере. Однако это не означало возврата к несущим стенам из кирпича, а знаменовало широкое применение нового типа конструкций из железобетона. С. Рингбом, исследовавший использование природного камня в архитектуре северных стран в конце XIX – начале XX века, отмечал, что это было символом отказа от неоготической традиции и подражанием новым интернациональным веяниям: использование камня было своего рода синтезом исторического прошлого и современности [10]. В результате модернизированные формы церкви Каллио отличаются повышенной притягательностью, вниманием к фактурам, текстурам и цвету материалов, что свидетельствует о том, что ордерная композиция прошла сквозь опыт эпохи модерна и возродилась в формах Северного классицизма.

В процессе подготовки проекта церкви Каллио, начатой летом 1907 года, Л. Сонк принял участие в архитектурном конкурсе на строительство здания Парламента в Хельсинки. Программа конкурса, завершившегося в начале зимы 1908 года, предусматривала возведение здания для нового однопалатного Парламента Великого княжества Финляндского, который был создан в результате реформ 1906 года. В конкурсе приняли участие практически все известные архитекторы Финляндии. Первую премию получил Э. Сааринен, проект Л. Сонка занял лишь 4-е место. Однако ни один из конкурсных проектов так и не был реализован в начале XX века. Только после получения Финляндией независимости в 1917 году здание Парламента было возведено (1924–1931, проект Й. Сирена).

Согласно проекту Л. Сонка, здание планировалось построить на холме, оно должно было доминировать над южной частью Хельсинки и хорошо просматриваться из центра города

и со стороны моря. Особый акцент делался на ассамблейном зале, залах для заседаний выборных комитетов, просторных вестибюлях и лестницах. Большинство поданных проектов характеризовались осевой симметрией, использованием мотива башни и подчеркнутым оформлением центрального входа.

Сонк участвовал в конкурсе совместно с М. Фреландером, их проект назывался «Plenum». В соответствии с этим проектом главный вход в здание располагался на оси ул. Юнионикату, поэтажный план был абсолютно симметричен, с двумя крыльями по обе стороны от центральной оси и большой конусообразной башней над пересечением продольной и поперечной осей. Эта башня своей вертикалью как бы перебивала горизонталь проекта. Главный элемент интерьера – величественная лестница, ведущая к перекрытому стеклянным куполом центральному залу, расположенному под башней, и далее к ассамблейному залу. Практически крестообразный в плане зал, имеющий узкие галереи, напоминал

Здание Парламента Финляндии, рисунок главного фасада (А) и продольный разрез по центральной оси здания (В). Проект «Plenum». 1908 (Arkitekten. 1908. № 2)

неф церкви Каллио. К проекту предъявлялся ряд важных требований: оптимальное расположение мест для участников заседаний, хорошее освещение, акустика и обзор происходящего в зале. При сравнении проектов Парламента и церкви Каллио видно, что местоположение трибуны в ассамблейном зале соответствует местонахождению алтаря в церкви.

Компактные части объема с плоским потолочным перекрытием представляют собой кубы и прямоугольники. Гладкие поверхности фасадов украшены простым сочетанием вертикалей, а самой интересной пластической деталью внешнего декора здания является колоннада, поддерживающая аттик над центральным входом. Фасады здания предполагалось отделать квадратными плитами розового гранита.

Все вышеперечисленные технические особенности и приемы, связанные с осевой симметрией, были использованы Л. Сонком при проектировании церкви Каллио (сходство особенно очевидно при сравнении рисунков фасадов и перспектив). Аналогична компоновка северного (главного) фасада, а главный портал, украшенный колоннадой, перекликается с апсидой церкви (то же самое можно сказать о южном фасаде здания Парламента и северном фасаде церкви).

Если взглянуть на боковую проекцию, последовательность объемов, сформированная портиком, башней, павильонами и залом заседаний, повторяет апсиду, башню, павильоны и неф церкви Каллио. Окна, обеспечивающие освещение стеклянного купола, перекликаются с оконными проемами на церковной башне-колокольне. Т-образный объем, который, согласно проекту, был виден только снизу, закрывает от обзора задние части здания. Таким образом, очевидно, что именно архитектурно-пространственная композиция, разработанная Л. Сонком в проекте церкви Каллио, претерпев ряд изменений, легла в основу проекта здания Парламента. Общим у обоих проектов был также значительный размер строения, общественный характер постройки и ее градостроительная функция.

Жюри конкурса высоко оценило проект, особо отметив башню и внешний облик здания, который, по мнению его членов, прекрасно отражал характер здания и имел еще ряд положительных моментов. К сожалению, практически

все чертежи конкурсного проекта Сонка и Фреландера утеряны, поэтому составить полное представление о проектировавшемся здании не представляется возможным.

Проектируя здания Парламента и церкви Каллио, Сонк получил потенциальную возможность расположить эти два монументальных здания по двум концам оси — ул. Юнионинкату — таким образом, что линия улицы продолжалась бы в продольных осях зданий. Стремление архитектора использовать классицистические элементы в проекте здания Парламента вполне соответствовало традиционной архитектуре парламентских зданий. Проект «Plenum» ярко продемонстрировал, как инженерно-архитектурные решения объема, поверхностей и исторических ассоциаций в проекте церковного здания могли получить дальнейшее развитие и соответственно использоваться для решения иных задач. В нем ясно прослеживается дальнейшее развитие принципов осевой симметрии и доминирующей башни, предложенных Сонком при строительстве церкви Каллио, а также очевидная опора на классические принципы, удачно сочетающиеся с традицией при строительстве подобных зданий. Проект здания Парламента как нельзя лучше показывает последовательный отход архитектора от принципов национального романтизма.

Подводя итоги, можно сказать, что новые веяния в финской архитектуре начала XX века были связаны в основном с одним городом — Хельсинки, где работали молодые архитекторы, строительство велось быстро, а конкурсы стимулировали возникновение новых идей. В этой ситуации Ларс Сонк был законодателем стиля, и его положение на архитектурном поприще было очень стабильно. Изменения, которые имели место в деятельности финского мастера, могут быть отнесены и ко всей финской архитектуре того периода. Сонк не всегда был первым, кто предлагал новые идеи, но он часто развивал их, далеко уходя от первоначального замысла. Например, симметричный дизайн здания ИАФ напомнил о декоративных и эстетических возможностях мощной колоннады, которая вновь появилась в центре Хельсинки после многолетнего перерыва. Таким образом, Л. Сонк индивидуализировал и модифицировал идеи своего времени, сочетая их с вечными темами, а также с его собственным

видением мира, оставаясь при этом патриотом своей страны и ревностным хранителем национально-романтических воззрений. В результате появлялись здания, которые и сейчас, сто лет спустя, мы можем смело назвать шедеврами архитектуры.

В подходах к построению объемно-пространственной композиции и приемах декора, разработанных Л. Сонком, нашли отражение

важные этапы развития европейской архитектуры рубежа XIX и XX веков, начала XX века, когда обозначились переходы от эклектики к модерну, затем к неоклассике и ар-деко, а позже — к функционализму. Северный классицизм в сооружениях Сонка, как вариант неоклассицизма, отличается региональным своеобразием и является значительным вкладом в развитие архитектурной школы Финляндии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Блинова Е.К.** Ордер как архитектурно-художественная система. Историография и методологические аспекты: моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011.
2. **Горюнов В.С., Тубли М.П.** Архитектура эпохи модерна. Концепции. Направления. Мастера. СПб.: Стройиздат, 1992.
3. **Иконников А.В.** Новая архитектура Финляндии. М.: Стройиздат, 1972.
4. **Курбатов Ю.И.** Турку. История и архитектурный портрет города. СПб.: Европейский дом, 2004.
5. **Connah R.** Finland. Modern Architectures in History. L.: Reaktion Books Ltd., 2005.
6. **Korvenmaa P.** Innovation versus Tradition — the Architect Lars Sonck. Works and Projects 1900–1910. Ekenäs, 1991.
7. **Lars Sonck**, 1870–1956, arkkitehti = Lars Sonck, 1870–1956, Architect (In Finnish and English) / Suomen rakennustaiteen museo. Helsinki, 1982.
8. **Nikula R.** Yhtenäinen kaupunkikuva 1900–1930. Suomalaisen kaupunkirakentamisen ihanteista ja päämääristä, esimerkkeinä Helsingin Etu-Töölö ja Uusi Valila. Helsinki, 1981.
9. **Nordisk** klassicism 1910–1930 = Nordic classicism, 1910–1930 (In Swedish and English) / Suomen rakennustaiteen museo Helsingfors. Helsinki, 1982.
10. **Ringbom S.** Granitrörelsen i vår sekelskiftsarkitektur: Förutsättningar-förhistoria-förebilder. Taidehistoriallisiä tutkimuksia 4. Helsinki, 1978.
11. **Sonck L.** En arkitektonisk fråga, behandlad på kyrkostämman i Åbo // Arkitekten. 1904. II. P. 17–20.

M.K. Kabakchi

NORDIC CLASSICISM IN LARS SONCK'S CREATIVE WORK

KABAKCHI Margarita K. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: Mkabakchy@mail.ru

Abstract

The article deals with specific features of Finnish architecture in the 1920-s. The author has analyzed the changes that took place in work of Lars Sonck (1870–1956) — an outstanding master, a representative of the national romantic trend and one of the founders of the Finnish school of architecture during the transition period from Art Nouveau to Neo-classicism and further to Functionalism. The projects of the Finnish architect combined the return to the principles of axial symmetry, the use of columns and the monochrome facade decoration with the further application of the elements typical of national romanticism of the turn of the century. L. Sonck's Neo-classicism was definitely of the regional character and can be referred to as Nordic Classicism.

Keywords

LARS SONCK; FINNISH ARCHITECTURE; NATIONAL ROMANTICISM; NORDIC CLASSICISM; FINNISH SCHOOL OF ARCHITECTURE.

REFERENCES

1. Blinova E.K. *Order kak arkhitekturno-khudozhestvennaya sistema. Istoriografiya i metodologicheskie aspekty* [Architectural order as architectural and artistic system. Historical and methodological aspects]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2011. (In Russ.)
2. Gorjunov V.S., Tubli M.P. *Arkhitektura epokhi moderna. Konceptii. Napravleniya. Mastera* [Art nouveau architecture. Concepts. Trends. Masters]. St. Petersburg, Strojizdat Publ., 1992. (In Russ.)
3. Ikonnikov A.V. *Novaya arkhitektura Finlyandii* [New architecture of Finland]. Moscow, Strojizdat Publ., 1972. (In Russ.)
4. Kurbatov Yu.I. *Turku. Istoriya i arhitekturnyj portret goroda* [Turku. History and architectural portrait of the city]. St. Petersburg, Evropejskij dom Publ., 2004. (In Russ.)
5. Connah R. *Finland. Modern Architectures in History*. London, Reaktion Books Ltd. Publ., 2005.
6. Korvenmaa P. Innovation versus Tradition – the Architect Lars Sonck. Works and Projects 1900–1910. Ekenäs, 1991.
7. Lars Sonck, 1870–1956, arkkitehti = Lars Sonck, 1870–1956, Architect (In Finnish and English). Suomen rakennustaiteen museo. Helsinki, 1982.
8. Nikula R. *Yhtenäinen kaupunkikuva 1900–1930*. Suomalaisen kaupunkirakentamisen ihanteista ja päämääristä, esimerkkeinä Helsingin Etu-Töölö ja Uusi Valtila. Helsinki, 1981.
9. Nordisk klassicism 1910–1930 = Nordic classicism, 1910–1930 (In Swedish and English). Suomen rakennustaiteen museo Helsingfors. Helsinki, 1982.
10. Ringbom S. *Granitrörelsen i vår sekelskiftsarkitektur: Förutsättningar-förhistoria-förebilder*. Taidehistoriallisia tutkimuksia 4. Helsinki, 1978.
11. Sonck L. En arkitektonisk fråga, behandlad på kyrkostämman i Åbo. *Arkitekten*, 1904, II, pp. 17–20.

УДК 371.212.1

З.В. Шардыко

ИНСТРУМЕНТЫ ОТБОРА СТУДЕНТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

ШАРДЫКО Зоя Владимировна – ассистент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: zoya997@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам формирования контингента студентов британских университетов. Рассмотрены основные инструменты отбора потенциальных студентов для обучения по программам высшего образования университетского сектора, в том числе оценка предыдущего уровня образования, вступительные экзамены и собеседование. Выделены и систематизированы академические и неакадемические вступительные требования, дана их характеристика. Результаты проведенного анализа позволили сделать выводы о целесообразности применения некоторых способов отбора абитуриентов в российские вузы на современном этапе, а также стали основой для разработки рекомендаций по приему учащихся из стран с английской моделью системы образования.

Ключевые слова

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ; ОТБОР; ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ; СОБЕСЕДОВАНИЕ; ПОСТУПЛЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТ.

Система образования Соединенного Королевства всегда привлекала отечественных компаративистов в качестве предмета исследования как одна из старейших в мире. Об этом свидетельствуют многочисленные научные работы [1–5]. Страна с многовековой историей и традициями, Великобритания неохотно вносит изменения в структуру системы образования, придерживаясь во многом консервативных позиций. В свою очередь, десятки стран, образовавшихся после распада Британской империи, получили в наследство британскую модель перехода «школа – вуз». Необходимо отметить, что за последние годы стабильно 16–17 % иностранных студентов, приезжающих для обучения в российских вузах, представляют именно англофонный регион [6].

По данному показателю страны с английской моделью системы образования занимают 2-е место после стран СНГ и Балтии.

Политика Российской Федерации направлена на расширение приема на обучение в отечественных вузах иностранных граждан, в том числе и из стран с английской моделью системы образования. Не случайно в новом тысячелетии разработаны уже два целевых документа, посвященные данному вопросу, – Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (одобрена Президентом РФ 18.10.2002 г.) и Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. Однако отбор и прием

представителей иностранных государств в российские вузы невозможен без знания особенностей приема в вузы в их родных странах.

Системы образования принято разделять на централизованные (функционируют в соответствии с едиными правилами и стандартами, заданными государством) и децентрализованные (роль государственных органов в принятии решений в области образования сведена к минимуму). Британская система образования относится к децентрализованным, о чем свидетельствует полная автономия вузов в части установления методов и критериев отбора абитуриентов [3, 7, 8]. Наряду с этим для Великобритании традиционно характерна высокая степень селективности при отборе кандидатов на обучение в вузе.

По заказу Департамента образования в Соединенном Королевстве в 2004 г. было проведено исследование, посвященное вопросам справедливости отбора в высшие учебные заведения страны. В опубликованном по его итогам отчете [9] впервые были сформулированы принципы, координирующие вопросы поступления в вузы:

- процедура зачисления должна быть прозрачной;
- система отбора, опираясь на представленные достижения и потенциал абитуриентов, должна выявлять способных освоить избранную программу обучения;
- система отбора должна стремиться использовать надежные и веские методы;
- необходимо минимизировать барьеры;
- необходимо быть профессиональным во всех отношениях.

В 2006 г. тема отбора была поднята и в документах Агентства по обеспечению качества высшего образования. Десятый раздел Кодекса хорошей практики по обеспечению качества и стандартов высшего образования посвящен процедурам зачисления на программы высшего образования [10]. Следует отметить два положения данного акта, заслуживающие внимания:

- политика и процедуры отбора должны быть ясные, и им надо следовать беспристрастно, почтительно, неизменно и оперативно. Для обоснования принятых решений в процессе отбора кандидатов на обучение необходимо использовать прозрачные вступительные требования, как академические, так и неакадемические;

- образовательные организации должны вести собственный отборочный процесс квалифицированно, эффективно и почтительно в соответствии с полностью задокументированными операционными процедурами, которые доступны для ознакомления всем вовлеченным в отборочный процесс участникам как в рамках учреждения, так и за его пределами, абитуриентам и их советникам.

В Великобритании на предвузовском этапе существует широкий спектр академических и профессионально-технических курсов и программ. Абитуриенты при подаче заявления на поступление в вуз собирают своего рода портфолио из тех официальных квалификаций¹ и профессионального опыта, который они успели приобрести. Более 50 % студентов дополнительно к основным результатам экзаменов по окончании школьной программы представляют квалификации и сертификаты [11].

Обязательное образование в Великобритании составляет 11 классов (с 5 до 16 лет) и завершается сдачей экзаменов на общий сертификат о среднем образовании (GCSE). Большинство вузов включают результаты данных экзаменов по английскому языку и математике в требования к поступающим в качестве дополнительного критерия при отборе кандидатов с равнозначными результатами экзаменов за курс старшей школы. Необходимым условием для всех соискателей места в университете является оценка не ниже C^2 за экзамены по этим двум предметам.

К академической траектории поступления в британский вуз относится двухлетняя программа по подготовке и сдаче минимум двух (как правило, студенты выбирают три-четыре предмета) экзаменов на углубленном уровне (далее — A-level) в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии. В Шотландии необходим набор из четырех предметов (чаще изучается пять-шесть предметов) на высшем уровне (Highers) по окончании однолетней программы, с возможностью доучиться еще один год и сдать экзамены на продвинутом высшем уровне (Advanced

¹ Под квалификацией в данном случае понимается любой документ о завершенном периоде обучения.

² Шкала оценок на уровне GCSE: A^* , A , B , C , D , E , F , G , где A — наивысшая оценка, G — минимальная проходная отметка; неудовлетворительный результат (U) в сертификате не указывается.

Highers). Плановая длительность подготовки школьника по предмету A-level в Великобритании составляет 360 аудиторных часов [12], в то время как в России эта цифра может варьироваться от 70 до 420 часов в зависимости от предмета и уровня его изучения (базовый, профильный) [13]. Учебная нагрузка отражает глубину проработки каждого из трех-четырех избранных предметов A-level. Этот показатель оказывается выше, чем в российской школе по аналогичным предметам базового цикла в 10-х и 11-х классах старшей средней школы и сопоставим лишь с профильными предметами.

В течение двухлетней программы обучения на A-level школьники по окончании определенных учебным планом модулей проходят промежуточные тестирования и выполняют отчетные работы. Выпускной экзамен представляет собой многочасовое тестирование, проходящее несколько дней [14]. Данные экзамены – классический пример тестов по итогам обучения (или тестов знаний), основной задачей которых является проверка усвоения изученного за два года учебного материала.

Профессионально-техническое обучение в Великобритании осуществляется в различных институтах и колледжах. Вузы самостоятельно определяют возможность поступления на конкретные программы абитуриентов с профессионально-техническим дипломом. Традиционные исследовательские университеты рассматривают такого рода дипломы только в качестве дополнительной квалификации, помимо основных результатов A-level, в то время как новые университеты, образованные на базе бывшего неуниверситетского сектора, предлагающие практико-ориентированные программы высшего образования, наоборот, приветствуют абитуриентов с профессионально-технической подготовкой и зачастую дают им право поступления на второй или более высокий курс.

Организация UCAS предоставляет всем желающим сервис для поиска доступных программ и курсов высшего образования, а также вступительных требований к ним. Вузы ответственны за заполнение карточки образовательной программы с указанием всех подробностей относительно требуемого уровня проходного балла, наличия вступительных тестов, собеседования или иных условий. Абитуриенты

могут выбрать пять курсов (за исключением подачи заявлений в Оксфорд, Кембридж и на медицинские специальности). Последний срок подачи заявлений для большинства программ – 15 января. Поскольку на момент подачи документов результаты экзаменов A-level еще неизвестны, в заявлении вместо реально полученных оценок представители школы или колледжа, в котором обучается абитуриент, выставляют предполагаемые оценки. По статистике примерно половина всех выставленных оценок подтверждается [15].

В разделе подачи заявления абитуриенты заполняют следующие пункты:

- персональные данные,
- дополнительная информация,
- финансовое обеспечение,
- выбранные программы (до пяти),
- образование (в том числе предполагаемые оценки A-level),
- опыт работы,
- мотивационное письмо (одно для всех пяти избранных программ),
- рекомендательные письма.

Все данные направляются в вуз, который, в свою очередь, извещает абитуриента о готовности его принять и после успешной сдачи экзаменов A-level подтверждает его зачисление. В редких случаях университет может предложить абитуриенту место независимо от результатов выпускных экзаменов. Процесс отбора кандидатов на обучение в вузе представлен на схеме (см. рисунок). Некоторые этапы могут быть пропущены в зависимости от вступительных требований конкретной программы обучения.

Критерии отбора, которыми руководствуются сотрудники британских университетов, можно разделить на академические (непосредственно связаны с учебным процессом и его результатами) и неакадемические. К первым относятся официальные результаты экзаменов A-level или их эквивалентов. Академические требования складываются:

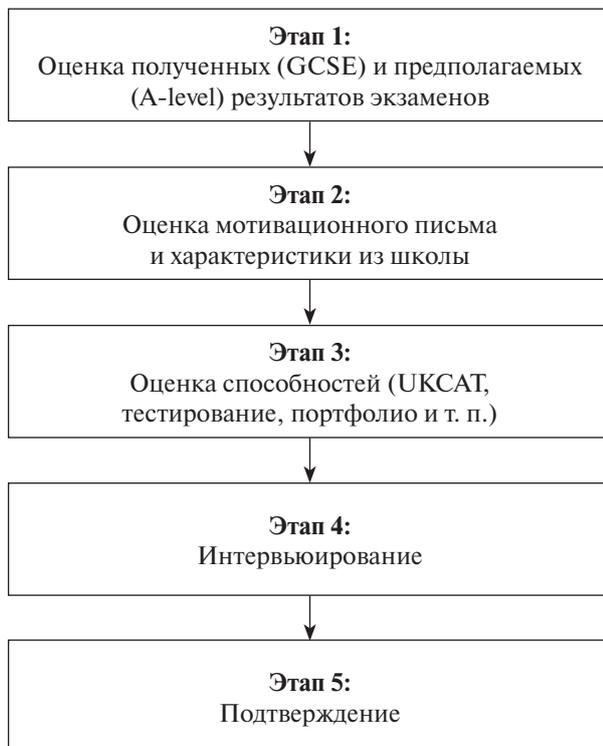
- из суммарного проходного балла за два-три экзамена A-level (например, *AAA* или *AAB*, или *BBB*);
- предметных требований (необходимость сдачи экзамена A-level по определенному предмету или предметам);
- требования к проходной оценке по определенному предмету.

Пример академических вступительных требований представлен в таблице.

Академические вступительные требования, действующие в Университете Св. Эндрюса [16]

Специальность	Общий балл (шотл.)	Общий балл (A-level)	Межд. бакалавриат	Предметные требования
Информатика	AAAB	AAB	35	Математика
История Средних веков	AAAB	AAA	36	—
Экономика и статистика	AAAB	AAA	38	A по математике

В отличие от российских британские вузы могут применять к поступающим не все возможные академические требования. Как видно из примера, в университет Св. Эндрюса на специальность «История Средних веков» может быть зачислен абитуриент, который сдал

Процесс отбора кандидатов на обучение в вузе

любые три экзамена A-level на соответствующие оценки, в то время как для обучения по специальностям «Информатика» и «Экономика и статистика» необходимо сдать именно математику на углубленном уровне. Но если для «Информатики» допускается сдать математику на A или B, то для «Экономики и статистики» требуется только оценка A, при этом оставшиеся два предмета на обе специальности не регламентированы, и это могут быть любые дисциплины из перечня доступных для изучения на уровне A-level. Существующая в России форма приема в вузы в виде Единого государственного экзамена позволяет внести соответствующие изменения для реализации более гибкого подхода и большей свободы как для вузов, так и для абитуриентов при определении набора предметов, необходимых для поступления в аккредитованные российские образовательные организации.

К неакадемическим критериям отбора относится широкий круг различных факторов, включающий:

- оценку способностей абитуриента к словесно-логическому, математическому и абстрактному мышлению, необходимых для обучения по программам высшего образования (через вступительные тестирования);
- оценку мотивации и потенциала абитуриента (мотивационное письмо, характеристика из школы, собеседование);
- проверку в полиции на отсутствие судимости (обязательна для поступающих на специальности, связанные с медициной, педагогикой и социальной работой);
- оценку сопутствующей информации (показатели региона проживания, семьи и школы);
- наличие опыта работы по специальности.

В последних исследованиях, посвященных процедурам отбора кандидатов на обучение [2, 7, 17], подчеркиваются различия в значении, которое вузы придают неакадемическим критериям. Также отмечается важность взвешенного оценивания, например, мотивационного письма и характеристики из школы, в том смысле, что должны быть четко определены их роль и значение в принятии решения о зачислении того или иного абитуриента [17]. Нам пока не удалось обнаружить опубликованных примеров шкалирования или критериев оценки этих двух инструментов отбора.

Наиболее важными среди неакадемических критериев отбора выступают результаты вступительных тестирований: 89 вузов и колледжей (26 %) в 2013 г. при отборе абитуриентов учитывали результаты вступительных тестирований, проведенных самостоятельно или сторонними организациями; программы, для которых в качестве вступительных требований выступают результаты приемных экзаменов, составляют всего 1,4 % [18]. Несмотря на столь незначительные цифры, проведение вступительных тестирований имеет тенденцию к увеличению. В одном из докладов [19] даже высказывалось предложение о введении национального экзамена для оценки способностей к высшему образованию.

Сегодня лидерами среди специальностей, требующих прохождения дополнительных вступительных экзаменов, являются медицина (49 вузов из 89) и юриспруденция (11 вузов из 89).

Оксфордский университет – единственный из университетов, который применяет предметные вступительные тесты по следующим дисциплинам: классические языки, английская литература, история, математика, современные языки, восточные языки, физика. Из данного перечня только тесты по математике и физике являются глубоко предметными по содержанию, остальные тесты сконцентрированы на проверке словесно-логических способностей в виде закрытых вопросов и письменных заданий-эссе.

Большая часть вступительных тестов не проверяет знания абитуриентов по конкретным предметам, а предназначена для оценки словесно-логического и математического мышления, аналитических способностей и навыков письменного изложения мыслей. Таким образом, дублирующего тестирования по школьным предметам мы не наблюдаем. Данный элемент отбора лишь дополняет целостную картину будущего студента. Также важно отметить, что академической подготовки данные тесты не требуют, так как они оценивают способности абитуриента, а не его знания или навыки.

Мотивационное письмо и характеристика из школы являются обязательными составляющими при подаче заявления на поступление в вуз. Британские школьники в мотивационном письме излагают причины выбора будущей специальности и описывают свой потенциал для ее освоения. Поскольку данное письмо-эс-

се готовится заранее, то не исключено, что для его написания абитуриент мог воспользоваться сторонней помощью (родителей, друзей, учителей и т. д.), в связи с чем его ценность при оценке кандидата на поступление в вуз несколько занижена. Применение подобного рода инструмента – это скорее дань традиции, нежели реальный механизм отбора, и его вряд ли целесообразно применять в России.

Британские вузы имеют многолетний опыт использования такого инструмента отбора, как собеседование. Оно позволяет составить целостное представление о потенциальном студенте. Практика применения интервьюирования в вузах сильно варьируется: где-то оно применяется для отсеивания абитуриентов, претендующих на программы с высоким конкурсом (селекционные интервью), а где-то выступает как элемент «профессионального отбора», т. е. выявления тех способностей, которые необходимы для освоения программы и не могут быть выявлены путем изучения личного дела. Какие-то вузы (практически все в Шотландии) не применяют собеседование, опираясь при отборе только на данные, представленные в досье абитуриента. Специальности творческой направленности, связанные с искусством и дизайном, обязательно предполагают проведение собеседования (прослушивания) и/или оценку портфолио.

С целью обеспечения равных возможностей в доступе к высшему образованию в качестве дополнительного критерия отбора все чаще используется сопутствующая информация. Университет Манчестера опубликовал данные о применении данного механизма в своем селекционном процессе [20]. Используются четыре индикатора:

- территориальный: абитуриент проживает в регионе, недостаточно представленном по количеству студентов в вузах;
- социальный: абитуриент какое-то время находился под опекой или уходом до подачи заявления на обучение;
- 1-й школьный: процент выпускников школы, сдавших GCSE на оценки A* – C;
- 2-й школьный: процентное соотношение успеваемости выпускников школы на экзаменах A-level.

Считается, что выпускники школ, которые смогли достичь сопоставимых результатов в «суровых» условиях, проявили выдающиеся

способности по сравнению со своими сверстниками, имеющими аналогичные оценки.

Нами были рассмотрены основные инструменты отбора, применяемые британскими вузами при формировании контингента студентов. Основной упор при отборе по-прежнему делается на результаты экзаменов A-level, что, с одной стороны, говорит о налаженной связи школа – вуз и доверии к результатам независимых школьных экзаменов, а с другой стороны, ставит процесс отбора кандидатов в зависимость от тестов по итогам обучения (тестов знаний), которые не выявляют напрямую способности абитуриентов к обучению в вузе. Использование целого спектра дополнительных инструментов отбора (мотивационное письмо, характеристика из школы, вступительные тесты, собеседование) позволяет нивелировать данный недостаток. Нарастающая тенденция к использованию вступительных тестов на словесно-логическое мышление свидетельствует о сдвиге в парадигме системы отбора абитуриентов от оценки фактологических знаний и стандартных умений к оценке способностей к умственному труду.

Таким образом, доступ к высшему образованию в Великобритании обусловлен наличием

сертификатов о сдаче экзаменов на уровень A-level или сопоставимых квалификаций, а доступ к конкретной программе складывается из требований, устанавливаемых факультетами вузов, и определяется в процессе длительной процедуры отбора, которая включает в себя дополнительные письменные работы, интервьюирование, прослушивание и т. п. Особенность допуска к высшему образованию в Великобритании заключается в автономности вуза и его структурных подразделений в принятии окончательного решения о приеме того или иного кандидата на обучение, что проистекает из децентрализованного характера британской системы образования в целом.

Изучение системы отбора абитуриентов в британские вузы позволяет выявить основные инструменты формирования их контингента и пролонгировать полученные данные на системы образования государств, возникших после распада Британской империи. В свою очередь, знание механизмов отбора абитуриентов в зарубежных странах с английской моделью системы образования необходимо для составления рекомендаций по приему абитуриентов из таких стран в российские вузы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Цейкович К.Н.** Система образования в Великобритании // Проблемы зарубежной высшей школы. 1989. Вып. 2. С. 3–63.
2. **Вольфберг Д.М., Гальфанович И.Л.** Система медицинского образования в Великобритании и США. СПб.: Изд-во СПбМАПО, 2003. 12 с.
3. **Корф Д.В.** Образовательное право и образовательная система Великобритании // Ежегодник российского образовательного законодательства. Т. 1. 2006. С. 188–216. URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/?16.html> (accessed 23.04.2014).
4. **Вульфсон Б.Л.** Сравнительная педагогика. История и современные проблемы. М: Изд-во УРАО, 2003. 231 с.
5. **Джуринский А.Н.** Сравнительная педагогика: учеб. для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 440 с.
6. **Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.** Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: стат. сб. Вып. 9. М.: Изд-во РУДН, 2012. 176 с.
7. **Прахов И.А.** Обзор основных моделей перехода «школа – вуз» в западноевропейских странах и США // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 108–120.
8. **Estermann T., Nokkala T., Steinel M.** University Autonomy in Europe II. The Scorecard. URL: http://www.eua.be/Libraries/Publications/University_Autonomy_in_Europe_II_-_The_Scorecard.sflb.ashx (accessed 23.04.2014).
9. **Fair admissions to higher education: recommendations of good practice.** URL: <http://www.admissions-review.org.uk/downloads/finalreport.pdf/> (accessed 23.04.2014).
10. **Code of practice for the assurance of academic quality and standards in higher education.** Section 10: Admissions to higher education. September 2006. URL: <http://www.qaa.ac.uk/Publications/InformationAndGuidance/Documents/RecruitmentandAdmissions.pdf/> (accessed 23.04.2014).
11. **UCAS.** 2013 Application Cycle: End of Cycle Report. URL: <http://www.ucas.com/sites/default/files/ucas-2013-end-of-cycle-report.pdf> (accessed 23.04.2014).
12. **Cambridge International A&AS Level Mathematics Syllabus.** URL: <http://www.cie.org.uk/images/92081-2013-syllabus.pdf> (accessed 23.04.2014).
13. **Федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих про-**

граммы общего образования. URL: www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/rub/standart/bup/ (accessed 23.04.2014).

14. **Ковалева Г.С.** Особенности национальных экзаменов в ряде стран мира // Школьные технологии. 1998. № 5. С. 166–172.

15. **Estimating the Reliability of Predicted Grades.** URL: http://www.ucasresearch.com/documents/Predicted_Grades_2005.pdf (accessed 23.04.2014).

16. **Programmes, Degrees and their Entry Requirements for 2014.** URL: <http://www.st-andrews.ac.uk/media/admissions/prospectus/2013-2014/Degrees%20and%20their%20Entry%20Requirements%20for%202014.pdf> (accessed 23.04.2014).

17. **Boland J., Mulrenen M.** Application, selection and admission to higher education: a review of

international practice. URL: http://www.transition.ie/files/1352_HEA_Application_%20Selection_02.pdf (accessed 23.04.2014).

18. **Supporting Professionalism in Admissions.** URL: <http://www.spa.ac.uk/information/admissionstests/> (accessed 23.04.2014).

19. **Fair admissions to higher education: the review of the implementation of the Schwartz report principles three years on: Report 1 – Executive Summary and Conclusions.** URL: http://www.spa.ac.uk/documents/SchwartzReview/Schwartz_Report_Review_Report_1_Final10.12.08.pdf (accessed 23.04.2014).

20. **The University of Manchester.** URL: <http://documents.manchester.ac.uk/display.aspx?DocID=8128> (accessed 23.04.2014).

Z. V. Shardyko

TOOLS FOR THE SELECTION OF PROSPECTIVE STUDENTS IN BRITISH UNIVERSITIES

SHARDYKO Zoya V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: zoya997@mail.ru

Abstract

Treated are the issues of the student recruitment into British universities. Considered are the main instruments of selection of prospective students to be educated by university programs, including the prior education evaluation, entrance examinations and interviews. Defined and systematized are academic and non-academic entry requirements, their specifics presented. The conducted analyses led to the conclusions about the viability of using some of the tools for the student selection into Russian higher education institutions nowadays, and also formed the basis for development of recommendations for admission of foreign students from the countries with Anglo-Saxon model of the educational system.

Keywords

BRITISH SYSTEM OF EDUCATION; SELECTION; ENTRANCE EXAMINATIONS; INTERVIEW; ADMISSION TO UNIVERSITY.

REFERENCES

1. Tseykovich K.N. [The Educational System of the Great Britain]. *Problemy zarubezhnoy vysshey shkoly* [Issues of the Foreign Higher Education], 1989, vol. 2, pp. 3–63. (In Russ.)

2. Volfberg D.M., Galfanovich I.L. *Sistema meditsinskogo obrazovaniya v Velikobritanii i USA* [The System of Medical Education in The Great Britain and USA]. St. Petersburg, SPbMAPO Publ., 2003. 12 p. (In Russ.)

3. Korf D.V. [Educational Legislation and Educational System of the Great Britain]. *Ezhegodnik rossiys-*

skogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva [Year-Book the Russian Educational Legislation], 2006, vol. 1, pp. 188–216. Available at: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/?16.html> (accessed 23.04.2014). (In Russ.)

4. Vulfson B.L. *Sravnitel'naya pedagogika. Istoriya i sovremennyye problemy* [Comparative Education. History and Current Issues]. Moscow, URAO Publ., 2003. 231 p. (In Russ.)

5. Dzhurinskiy A.N. *Sravnitel'naya pedagogika: uchebnik dlya magistrrov* [Comparative Education: man-

ual for magistrs]. Moscow, Yurayt Publ., 2013. 440 p. (In Russ.)

6. Arefyev A.L., Sheregi F.E. *Obucheniye inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiyskoy Federatsii* [Foreign students in higher educational institutions of Russian Federation: a statistical digest]. Iss. 9. Moscow, RUDN Publ., 2012. 176 p. (In Russ.)

7. Prakhov I.A. [Survey of Principal Models of the Transition from School to College in West Europe and USA]. *Voprosy obrazovaniya* [J. of Educational Studies]. 2009, no. 2, pp. 108–120. (In Russ.)

8. Estermann T., Nokkala T., Steinel M. University Autonomy in Europe II. The Scorecard. Available at: http://www.eua.be/Libraries/Publications/University_Autonomy_in_Europe_II_-_The_Scorecard.sflb.ashx (accessed 23.04.2014).

9. Fair admissions to higher education: recommendations of good practice. Available at: <http://www.admissions-review.org.uk/downloads/finalreport.pdf/> (accessed 23.04.2014).

10. Code of practice for the assurance of academic quality and standards in higher education. Section 10: Admissions to higher education. September 2006. Available at: <http://www.qaa.ac.uk/Publications/InformationAndGuidance/Documents/RecruitmentandAdmissions.pdf/> (accessed 23.04.2014).

11. UCAS. 2013 Application Cycle: End of Cycle Report. Available at: <http://www.ucas.com/sites/default/files/ucas-2013-end-of-cycle-report.pdf> (accessed 23.04.2014).

12. Cambridge International A&AS Level Mathematics Syllabus. Available at: <http://www.cie.org.uk/images/92081-2013-syllabus.pdf> (accessed 23.04.2014).

13. *Federalnyy bazisnyy uchebnyy plan i primernyye uchebnyye plany dlya obrazovatelnykh uchrezhdeniy*

Rossiyskoy Federatsii, realizuyushchikh programmy obshchego obrazovaniya [Federal Basic Curriculum and Exemplary Curriculum for Educational Institutions Conducted General Educational Programs]. Available at: www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/rub/standart/bup/ (accessed 23.04.2014). (In Russ.)

14. Kovaleva G.S. [The Peculiarities of National Examinations in Some Countries]. *Shkol'nye tekhnologii* [School Technologies], 1998, no. 5, pp. 166–172. (In Russ.)

15. Estimating the Reliability of Predicted Grades. Available at: http://www.ucasresearch.com/documents/Predicted_Grades_2005.pdf (accessed 23.04.2014).

16. Programmes, Degrees and their Entry Requirements for 2014. Available at: <http://www.st-andrews.ac.uk/media/admissions/prospectus/2013-2014/Degrees%20and%20their%20Entry%20Requirements%20for%202014.pdf> (accessed 23.04.2014).

17. Boland J., Mulrenen M. Application, selection and admission to higher education: a review of international practice. Available at: http://www.transition.ie/files/1352_HEA_Application_%20Selection_02.pdf (accessed 23.04.2014).

18. Supporting Professionalism in Admissions. Available at: <http://www.spa.ac.uk/information/admissionstests/> (accessed 23.04.2014).

19. Fair admissions to higher education: the review of the implementation of the Schwartz report principles three years on: Report 1 – Executive Summary and Conclusions. Available at: http://www.spa.ac.uk/documents/SchwartzReview/Schwartz_Report_Review_Report_1_Final10.12.08.pdf (accessed 23.04.2014).

20. The University of Manchester. Available at: <http://documents.manchester.ac.uk/display.aspx?DocID=8128> (accessed 23.04.2014).

УДК 37.004.12

С.И. Назарова, В.А. Мелехин

ПРОФЕССИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАЧЕСТВА ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

НАЗАРОВА Светлана Ивановна — главный научный сотрудник лаборатории профессиональных исследований педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых РАО.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Черняховского, 2
e-mail: nazarowa@mail.ru

МЕЛЕХИН Виталий Авенирович — заведующий лабораторией профессиональных исследований педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых РАО.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Черняховского, 2
e-mail: melech@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам профессиональной экспертизы качества педагогического образования, которую авторы рассматривают через призму оценки качества педагогической деятельности в учебных заведениях общего и профессионального образования. Приведены современные методы и технологии профессиональной экспертизы, позволяющие оценить профессиональные качества личности педагогов, профессиональную ориентацию, содержание и управление в целом процессом образования в учебных заведениях. Представлены наиболее характерные взгляды ученых и специалистов на данную проблему, предложен ряд мер, нацеленных на повышение качества подготовки студентов, получающих педагогическое образование.

Ключевые слова

КАЧЕСТВО; КРИТЕРИИ; ПОКАЗАТЕЛИ; ОЦЕНКА КАЧЕСТВА; ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОФЕССИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА; КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ; МОДЕЛЬ; СИСТЕМА ОЦЕНКИ; ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Профессиональная экспертиза качества педагогического образования — это комплексная интегрированная оценка качества профессионального образования, ориентации и качества личности педагогов, содержания и управления в целом процессом образования в учебных заведениях.

Разрабатывая критерии оценки профессиональной деятельности работников образования, важно рассматривать педагогическую профессию в динамике ее развития и с учетом научно-практических достижений профессиональной педагогики. Сущность «профессионального знания» связана с *профессиологией* (лат. *professio* от *profiteor* — объявляю своим делом; нем.

Beruf — профессия — призвание; греч. *logos* — учение) — учением о профессии, областью научного познания о профессиональной жизни человека. Профессиология относится к одной из отраслей научного знания профессиональной педагогики. Генезис существования профессиональной педагогики на эмпирическом уровне уходит в далекое прошлое и сочетается одновременно с развитием всех исторических стадий профессионального образования. Показатели оценки педагогической деятельности необходимо рассматривать через конкретные педагогические профессии. Это обусловлено тем, что педагогический труд весьма дифференцирован по своему содержанию. На различных этапах раз-

вития философии, праксиологии, социологии, экономики, педагогики, психологии ученые обращались к корням профессионального анализа деятельности профессий, профессионально-квалификационного структурирования, к понятийному аппарату проблемы, что позволило обосновать и уточнить понятия и их дефиниции, определяющие в современных условиях профессиональные признаки познания [1].

Одной из первых в России в своих исследованиях обратила внимание на важность профессиональной академик РАО А.П. Беляева. Опираясь на основные идеи и базовые понятия в ее исследованиях, можно представить современное понятие «профессионализм» как научное направление, интегрирующее комплекс наук о профессиональном образовании, ориентации, качествах личности, самоопределении, а также феноменах таланта, одаренности и т. п. Профессионализм изучает профессии как вид деятельности в соответствии с уровнем образованности, воспитанности и культурного развития. Профессионализм педагогического образования, как раздел профессиональной педагогики, исследует педагогические профессии. При этом категория «педагогическое образование» рассматривается не только как часть профессионального образования, но и как состояние, функционирование и развитие педагогических профессий и специальностей [2].

Функции деятельности педагога ввиду их интегративного междисциплинарного характера и многокомпонентности часто соединяют с видами профессиональной деятельности. Каждая функция может быть совокупностью нескольких видов деятельности педагога, действий, процессов. Обычно выделяют следующие общезначимые функции педагогической деятельности: организаторскую, коммуникативную, информационную, исследовательскую, методическую, контролирующую и прогностическую. Функции выбраны с учетом материалов новых педагогических стандартов. Подчеркнем, что это не единственно возможное выделение функций. Оценка профессиональной деятельности педагогов и работников образования осуществляется также по группам деятельности либо по группам компетентностей, что подкрепляется системной зависимо-

стью компетентностей от видов деятельности. Так как функции объединяют многие виды деятельности, процесс оценивания профессиональной деятельности педагогов целесообразно проводить по функциям деятельности, а при решении вопросов о карьерном росте педагогических кадров, повышении их квалификации пользоваться оцениванием видов деятельности через их группы [1].

В настоящее время оценку профессиональной деятельности принято производить через компетентность работника. Компетенции должны соответствовать видам деятельности, так как они определяют качества действий работника, обеспечивающие выполнение профессиональных задач и готовность нести ответственность за свои действия. Для полноты оценивания профессиональной деятельности педагога необходимо оценивать его психофизиологические качества, так как они характеризуют всепроникающий процесс общения в деятельности педагога. Согласно психологической картине сложного, многоуровневого феномена – общения, в своем исследовании по психологии профессионального образования Э.Ф. Зеер выделяет три его взаимосвязанные стороны: перцептивную, интерактивную и коммуникативную. Для осуществления профессиональной деятельности педагога важны все эти стороны [3].

Перцептивная сторона общения педагога и обучаемых определяется через оценивание восприятия внешних признаков субъекта, их соотношение с особенностями личности, интерпретацию и прогнозирование ее деятельности и поведения. Результаты оценки перцептивной стороны общения педагога возможно получить через оценивание основных функций межличностной перцепции: познание педагога, познание обучаемого (обучаемых), оценивание процесса и результатов совместной деятельности, установление комфортных эмоциональных отношений. В последнем случае важным средством комфортных эмоциональных отношений является использование в общении компьютерных технологий, новейших средств информационно-коммуникативных технологий.

Интерактивная сторона общения, которая связана с взаимодействием субъектов обучения и воспитания и непосредственной организацией их совместной деятельности, определяется

через мотивы межличностного взаимодействия (мотивы кооперации, индивидуализма, конкурентности, альтруизма, агрессии, равенства) и стратегии межличностного взаимодействия (сотрудничество, соперничество, компромисс, уступчивость, избегание).

Коммуникативная сторона общения проявляется в обмене информацией, трансляции, презентации субъектами общения своих отношений, установок, ценностных ориентаций, эмоциональных переживаний. С этих позиций в общении, когда оно происходит с помощью компьютерных и иных электронных технологий, важно выяснение того факта, как точно они воспроизводят проявления коммуникативной стороны, не вредят ли они здоровью субъектов общения. Коммуникация преподавателя и обучаемого проявляется в обратной психологической связи, поскольку объем информации при общении удваивается и помимо передачи информации происходит оценка деятельности и поведения субъектов. Эффективность коммуникации зависит также от наличия коммуникативных барьеров (психологические препятствия, которые затрудняют адекватную передачу информации: невыразительная или фонетически неправильная речь, погрешности в логике ее построения, социокультурные и этнические различия, внешний вид, манера поведения и др.), наличия различных способов передачи информации (вербального и невербального). Отсюда актуальным для критериального оценивания профессиональной деятельности педагога является оценивание не только самого факта передачи информации, но и ее качественных и количественных показателей, т. е. как она воспринята и понята другими [3].

Изучение научных источников профессиографического исследования Н.М. Александровой, А.П. Беляевой, Э.Ф. Зеера, Р.Д. Кавериной, Е.А. Климова и других ученых показало, что критериальное оценивание профессиональной деятельности педагогов происходит по следующим блокам деятельности: управленческому (управленческая функция), организационному (организационная функция), диагностическому (диагностическая функция), методическому (методическая функция), контролирующему (контролирующая функция). Существенным при этом является то, что оцениваются и функции, и компетентности [1–6].

Необходимо учитывать следующее: объем, характер и регулярность информации, поступающей педагогу; преобладающие виды сигналов; загрузка сенсорных каналов; особенности восприятия педагогом; характеристики его умственной деятельности; особенности наблюдения, памяти, представлений, мышления, внимания и речи; наличие или отсутствие нервно-психической напряженности в работе; интегральные качества личности педагога, которые имеют существенное значение для успеха в работе (например, помехоустойчивость, выносливость, быстродействие, уравновешенность, волевые качества, коммуникативность, гуманность, интеллектуальные качества). Эти характеристики важны при выборе педагогической профессии [3].

Известный педагог и ученый Г.А. Бордовский считает, что современная традиционная моноуровневая система подготовки специалистов в области образования не соответствует сегодняшним требованиям. Выход видится в развитии гибкой многоуровневой системы подготовки педагогических кадров, в основе которой лежит компетентностная парадигма. Компетентность означает, что человек хорошо видит решаемую задачу, знает, где и какую информацию надо найти для ее решения, способен исправить ошибки и в конечном итоге сделать то, что требуется для конкретных обстоятельств. Полученное в вузе образование является только базой для саморазвития, успешной миграции в широком пространстве профессиональной деятельности. В связи с резким ускорением научно-технического прогресса в педагогике быстро меняются цели, содержание, функции и роли субъектов обучения. Стремительный рост объемов современного знания не дает возможность педагогу передать ученику весь объем знаний, а ученику – овладеть ими, и поэтому меняются роли разных субъектов обучения в процессе их взаимодействия (школьник уже становится не учеником, а делателем самого себя, учитель из главного источника знаний превращается в навигатора в море знаний и т. д.) [7].

Деятельность вуза по подготовке специалистов-педагогов представляет собой сложный динамический, развивающийся процесс. Исходя из этого, на этапе структуризации выделяются все структурные элементы системы

управления качеством образовательного процесса и определяются связи между ними. Качественное и количественное описание свойств объектов управления и процедур их измерения представляет собой, по существу, задание соответствующей системы оценки частных показателей качества и определение правила их агрегирования в интегральный показатель качества образовательного процесса. Стадия регламентации завершает этот переход. На этом этапе разрабатывается технология управления качеством образовательного процесса, определяются основные этапы цикла управления, их конкретное содержание и средства реализации. В системе управления качеством образовательного процесса необходимо учитывать несколько уровней управления: первый уровень – конкретная личность; второй – подразделения вуза (учебное или научное подразделение, кафедра, факультет, отдел, служба и т. д.); третий – образовательный процесс в целом [8].

Проблемам экспертизы качества педагогического образования посвящен ряд работ лаборатории методологии и прогностики развития педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых РАО под руководством профессора И.И. Соколовой, в которых подчеркнуто, что под «объектом» профессиональной экспертизы качества педагогического образования следует понимать собственно педагогический процесс, осуществляемый педагогом в рамках выбранной им на рынке труда образовательной системы. «Предметом» же такого оценивания должно являться в общем виде отношение к результатам этого процесса со стороны всех субъектов образовательного взаимодействия. При этом качество педагогического образования как гармоничное соответствие совокупности свойств и характеристик различных видов деятельности установленным потребностям, целям, требованиям и нормам (стандартам) всех потребителей определяется работодателями, отдельными гражданами, предприятиями и организациями, обществом и государством в целом. Например, для оценки системы качества педагогического образования (ВПО) выделяются пять групп моделей:

1) по приоритетности государственного или общественного влияния на процедуру оценки (централизованный, либеральный);

2) по нормативным моделям (модель системы менеджмента качества по международному стандарту ISO, модель Европейского фонда по менеджменту качества); по моделям, являющимся основанием для проведения международных и региональных конкурсов (на получение премий Эдвардса Деминга, Европейской премии по качеству, премии Правительства РФ в области качества и др.); по моделям, являющимся основанием для проведения процедуры как внешней оценки, так и самооценки качества образовательного учреждения (модель Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании ENQA, типовая модель системы качества образовательного учреждения СПбГЭТУ и др.);

3) по параметрам оценки качества образовательного учреждения (репутационный, рейтинговый или статусный тип, который использует экспертный механизм для оценки качества профессиональных образовательных программ и образовательных учреждений в целом; результативный тип, основанный на измерении количественных показателей деятельности вуза; общий тип, базирующийся на принципах «всеобщего управления качеством»);

4) по использованию внешних и внутренних ресурсов организации процедуры оценки («английская» модель, в основе которой заложена идея организации внутренней самооценки профессиональным педагогическим сообществом; «французская» модель, ориентированная на внешнюю оценку образовательного учреждения с точки зрения его ответственности перед обществом и государством; «американская» модель, которая представляет собой сочетание идей «английской» и «французской» моделей, а также их различные комбинации);

5) по статусу собственно самих органов аккредитации, в качестве которых могут выступать: государственная организация; организация, уполномоченная государством; добровольные ассоциации. Кроме того, аккредитующими организациями в различных странах могут являться: конференции ректоров, межинституциональная сеть, профессиональные организации и т. д. [9].

Проблемы построения и реализации мониторинга качества педагогического образования изучались в ходе специально организованного исследования в РГПУ им. А.И. Герцена.

Объектами мониторинга могут быть: санитарно-гигиенические условия осуществления образовательной деятельности, насыщенность образовательного процесса компьютерами, квалификация профессорско-преподавательского состава, процент отсева студентов из вуза и др. Предметом мониторинга качества педагогического образования могут выступать: образованность выпускников, образовательная среда, условия образовательной деятельности, воздействие образования на процессы изменения и развития в обществе и др. Субъектами мониторинга являются носители мониторинговых функций – конкретные специалисты и организации [10].

Введение ряда новых процедур с очерченным правовым статусом (в том числе самообследования образовательных учреждений по качеству образования; сертификации системы менеджмента качества образовательного учреждения; ежегодного контроля выполнения аккредитационных показателей; проведения конкурсов в области качества для образовательных учреждений с применением критериев и показателей, предлагаемых бизнес-структурами, общественными организациями; применения современных информационных и телекоммуникационных технологий в управлении образовательными системами) повлияет на интегральную характеристику оценки качества педагогического образования [Там же].

Важнейшим ресурсом повышения качества общего образования является качество педагогического образования. В представленной М.Д. Матюшкиной модели оценки качества постдипломного педагогического образования система критериев качества опирается на существующие взаимосвязи между школьным образованием, педагогическим образованием и образованием постдипломным [11].

Качество педагогического образования зависит от форм государственно-общественного управления образованием в новых социально-экономических условиях, глобальных тенденций, которые находятся в постоянно меняющихся взаимоотношениях и противоречиях друг с другом (стратификация российского общества, появление предпринимателей, безработных, маргиналов; региональная и местная фрагментация населения – этническая, профессиональная, ценностно-электоральная; ди-

версификация образования и т. д.), а также от сложившейся системы управления внутри образовательного учреждения. Механизм управления качеством педагогического образования в системе непрерывной уровневой подготовки кадров в региональном учебно-научном образовательном педагогическом комплексе состоит: в непрерывности и интеграции содержания программ профессионального образования различного уровня; во взаимодействии субъектов управления на основе общих подходов к целеполаганию и проектированию в управленческой деятельности; в конкретизации критериев и показателей качества подготовки специалистов на различных уровнях; в принципах построения учебного процесса и осуществления лонгитюдного мониторинга качества образования специалистов с ориентацией на образовательный стандарт, индивидуальную траекторию обучения, социально-образовательные запросы региона [12].

По определению профессора Л.Л. Редько, понятие «качество педагогического образования» есть совокупный результат личностных, профессиональных и деятельностно-стилевых характеристик личности, обусловленных механизмом взаимодействия всех компонентов педагогического процесса в системе непрерывного и уровневого образования. Качество подготовки специалистов в педагогическом вузе в первую очередь зависит от содержания профессиональной подготовки. Оно представляет собой, с одной стороны, систему непрерывно нарастающих психолого-педагогических категорий, понятий, законов, обуславливающих воссоздание целостной картины будущей педагогической деятельности, с другой – целостную и вариативную модель предоставляемых образовательных программ для удовлетворения профессиональных потребностей студентов. Содержательный аспект образовательного процесса построен в контексте фундаментальности, культуросообразности, гуманитарности, социообразности, региональности и интеграции. Фундаментальность педагогического образования обуславливает все ступени и уровни педагогического образования по всем учебным дисциплинам. Культурологический контекст содержания обеспечивает взаимосвязь всех содержательных блоков образования через усвоение основных культурных, личностных и

профессиональных ценностей. Гуманитарный контекст образования позволяет систематизировать профессиональные знания и развивать целостное видение своей будущей профессиональной деятельности. Социокультурный и региональный компонент образования обеспечивает востребованность специалистов в данной социокультурной, экономической и образовательной среде и усиливает развивающий эффект. Принцип интеграции обуславливает взаимозависимость всех компонентов профессионально-педагогического образования и содержания научно-понятийного аппарата как инструментария педагогической деятельности. Интеграция этих контекстов в содержании профессионального образования обуславливает и его качество, и качество уровня развития выпускников, выраженное в базовых ценностях, в личностном и профессиональном имидже, в индивидуальном стиле педагогической деятельности [12].

Большое значение для институциональных реформ современного педагогического образования и повышения его качества имеют процессы: создания конкурентной среды, ротации педагогических кадров; устранения уже имеющейся значительной дифференциации педагогических работников по уровню профессионализма; управления кадровой динамикой, обеспечения профессиональной мобильности; повышения роли саморегулирования со стороны профессионально-педагогической общности; совершенствования системы материального вознаграждения (повышение заработной платы, программы грантов для молодых учителей), системы социальных гарантий и преференций для учителей (льготная ипотека, служебная жилая площадь, служебный автомобиль). В работе доктора педагогических наук В.П. Панасюка «Реформы и качество педагогического образования» [13] подчеркивается, что если ставится задача подготовки учителя как творца будущего, носителя инновационного знания, обеспечивающего максимальную эффективность выполнения самых высоких требований со стороны государства и общества, то неизбежно должны ставиться и решаться следующие вопросы:

- диверсификация и придание вариативности формам, подходам, моделям, реализуемым в системе подготовки, отбора, аттестации,

профессионального использования педагогических кадров (многообразие механизмов вхождения в педагогическую профессию, гибкие образовательные траектории подготовки педагогов, персонифицированные формы повышения квалификации и обновления профессиональных компетенций и др.);

- разработка научно обоснованных прогностических моделей обеспечения потребностей сферы общего и профессионального образования в педагогических работниках; изучение и анализ новых сложных процессов в профессионально-педагогической среде с целью выработки эффективных решений и подходов в условиях новых вызовов и проблем;

- принятие семейства взаимосвязанных стандартов качества, имеющих отношение к педагогической профессии, профессиональной деятельности педагога, в том числе, наряду с государственными стандартами, стандартов общественно-профессиональных (профессиональный стандарт педагога и др.);

- разработка и введение системы присвоения профессиональных степеней педагогическим работникам и механизма их подтверждения; переход на систему эффективного контракта;

- придание стратегического, надинституционального, межведомственного статуса проблеме повышения качества и эффективности педагогического образования, решение которой определяет конкурентоспособность отечественной системы образования и экономики, безопасность и суверенитет страны, развитие человеческого капитала.

В современных условиях особое значение приобретает поиск новых подходов к оценке качества педагогического образования, включая подходы, основанные на профессионалистском подходе. Один из таких подходов исследователь С.С. Ахтамова видит в организации контроля, обеспечивающего на всех этапах и во всех точках предметной среды оценку качества педагогической подготовки специалистов. Новая педагогическая структура системы контроля качества образования должна представлять собой комфортную образовательную среду, позволяющую раскрыть потенциальные возможности личности будущего специалиста и помочь ему реализоваться в профессиональной деятельности. Она должна основываться: на использовании современных способов

организации (тестирования, смотров знаний, структурирования, решения индивидуального набора задач и др.), самоорганизации и личной вовлеченности в активную познавательную и личностно-преобразующую деятельность; разработке специальной измерительной технологии для эффективной организации оценочной деятельности преподавателей и самоконтроля учебной деятельности обучающихся [14].

Для полноты анализа проблемы профессиональной экспертизы качества педагогической деятельности важными представляются не только ретроспективный взгляд на историю вопроса и учет мнений ведущих ученых и специалистов-практиков, но и разработанный проект Концепции поддержки развития педагогического образования. В данном проекте предложен ряд мер, нацеленных на повышение качества подготовки студентов, получающих педагогическое образование, а именно: отказ от линейной траектории обучения и создание условий для свободного «входа» в программы педагогической подготовки для разных категорий обучающихся (студентов и выпускников бакалавриата, действующих учителей и специалистов других профессий); изменение содержания программ педагогической подготовки и технологий обучения в целях обеспечения реализации нового профессионального стандарта педагога и новых стандартов школьного образования; практическая подготовка, усиление связи всех компонентов содержания подготовки (предметных, психолого-педагогических, информационно-технических) с практическими профессиональными задачами педагога; разработка и апробация системы независимой профессиональной сертификации педагогов, получивших педагогическое образование в разных программах подготовки, с целью обеспечения системы сопровождения выпускников и развития карьеры учителя; создание общественно-профессиональной системы оценки качества педагогических программ [15].

Мы представили наиболее характерные взгляды ученых и специалистов на проблему профессиональной экспертизы качества общего и профессионального педагогического образования. Проблема анализа существующих методик и технологий профессиональной экспертизы качества педагогического образования достаточно сложна и многопланова, что

объясняется, в частности, сложностью и многоаспектностью предмета экспертизы – педагогического образования. Эта сложность связана с тем, что указанный анализ включает не одну, а ряд экспертиз: экспертизу содержания образовательного процесса в педагогических учебных заведениях; экспертизу профессионально-педагогической деятельности педагогических работников и деятельности обучающихся (студентов); экспертизу самого учебного заведения и его отдельных подразделений (отделений, факультетов, кафедр и др.); экспертизу учебно-программного и научно-методического обеспечения образовательного процесса; экспертизу нормативно-правовой документации и ряд других не менее значимых видов экспертиз.

Профессиональную экспертизу качества системы педагогического образования мы рассматриваем через призму оценки качества педагогической деятельности в учебных заведениях общего и профессионального образования. Профессиональная деятельность педагога представляет собой особый вид социальной творческой деятельности, направленной на передачу культуры и социального опыта, а также на создание условий для личностного роста и развития будущих поколений. Оценка профессиональной деятельности педагога в настоящее время проводится на основе требований квалификационных характеристик к должностям работников образования, а также руководящих документов в сфере образования (закон «Об образовании в Российской Федерации», стандартов общего и профессионального образования, Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и др.). Каждое оценивание деятельности преследует определенные цели и задачи. Изучение вопроса об оценивании профессиональной деятельности педагогов позволило нам заключить, что оценку должны проводить специалисты, подготовленные для экспертной оценки работы педагогов и учебного заведения в целом.

Не претендуя на полноту анализа всех критериев и показателей педагогической деятельности, отметим важность взаимосвязанной системы зависимости критериев и показателей оценивания педагогической деятельности от профессиональных компетентностей, видов профессиональной деятельности и профессио-

нальных функций преподавателя. Профессии и должности, которые занимают педагоги, имеют очень конкретное поле деятельности, поэтому виды профессиональной деятельности и профессиональные функции будут различны, так же как и набор компетентностей педагога. Поэтому критерии и показатели оценки деятельности педагога многочисленны, но они будут зависеть от компетентностей, видов профессиональной деятельности и выполняемых профессиональных функций.

Профессиологический подход к разработке критериев оценки деятельности педагогов предполагает применение интегративного подхода как ведущего подхода в системном осмыслении критериального построения. Именно система критериев и их показателей наиболее полно и универсально позволяет оценить деятельность педагогов. Под механизмом

выявления критериев и показателей оценки деятельности педагогов мы понимаем процедуры выявления специфических особенностей педагогической деятельности. Педагогические профессии относятся к системе отношений «человек — человек». Обязательны такие критерии и их показатели, которые выявляют особо профессионально и общественно значимые особенности деятельности педагогов и их личностные качества. Различные критерии и различные показатели должны оценивать духовные способности педагога, его волевые качества и психические состояния. Все это обеспечивает понимание личности педагога с позиций его профессиональной пригодности для работы в системе «человек — человек», и именно поэтому особое значение приобретают процессы критериальной оценки коммуникативной профессиональной деятельности педагога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александрова Н.М.** Теория профессиологии педагогического образования: моногр. / под науч. ред Н.М. Александровой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 230 с.
2. **Беляева А.П.** Интегративно-модульная педагогическая система профессионального образования. СПб.: Изд-во Ин-та профтехобраз. РАО, 1997. 225 с.
3. **Зеер Э.Ф.** Психология профессий: учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2003. 336 с.
4. **Он же.** Компетентностный подход как методологическая позиция обновления профессионального образования // Вестн. учеб.-метод. об-ния по проф. образ. 2005. № 1 (37). С. 5—12.
5. **Информационно-поисковая система «профессиография»** / О.И. Галкина, Р.Д. Каверина, Е.А. Климов [и др.]. Л.: Изд-во ВНИИПТО, 1973. 298 с.
6. **Климов Е.А.** Психология профессионала: избр. психол. тр. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 456 с.
7. **Бордовский Г.А.** Вызовы современной системы образования школьному учителю // Проф. образ. в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 6—10.
8. **Бордовский Г.А., Нестеров А.А., Трапещин С.Ю.** Управление качеством образовательного процесса: моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 359 с.
9. **Мониторинг** качества педагогического образования: отчет о НИР (промежуточ. за 2010 г.) / Ин-т пед. образ. и образ. взрослых РАО; рук. Соколова И.И. СПб., 2010. 89 с. № ГР 0120.08070010. Инв. № 02201100468.
10. **Граничина О.А.** Основы мониторинга качества педагогического образования в контексте гуманитарных технологий. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-monitoringa-kachestva-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-kontekste-gumanitarnyh-tehnologiy>.
11. **Матюшкина М.Д.** Проспективная оценка качества постдипломного педагогического образования. URL: <http://iporao.org.ru/wp-content/uploads/phd-theses/2013-matyushkina-theses.pdf>.
12. **Редько Л.Л.** Управление качеством непрерывного уровневого педагогического образования в условиях формирования региональных образовательных систем: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. Ростов н/Д, 2001. 210 с.
13. **Панасюк В.П.** Реформы и качество педагогического образования // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2013. № 7. С. 3—7.
14. **Ахтамова С.С.** Оценка качества педагогического образования как условие его совершенствования. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/ocenka-kachestva-pedagogicheskogo-obrazovaniya-kak-uslovie-ego-sovershenstvovaniya.html>.
15. **Проект** Концепции поддержки развития педагогического образования. URL: <http://bda-expert.com/2014/01/koncepciya-modernizaciya-razvitie-pedagogicheskogo-obrazovaniya-proekt/>.

S.I. Nazarova, V.A. Melekhin

PROFESSIOLOGICAL EXAMINATION OF THE TEACHER EDUCATION QUALITY

NAZAROVA Svetlana I. – *Institute for Pedagogical and Adult Education, Russian Academy of Education.*

Ul. Cherniakhovskogo, 2, St. Petersburg, 191119, Russia
e-mail: nazarowa@mail.ru

MELEKHIN Vitaliy A. – *Institute for Pedagogical and Adult Education, Russian Academy of Education.*

Ul. Cherniakhovskogo, 2, St. Petersburg, 191119, Russia
e-mail: melech@mail.ru

Abstract

The article deals with the professiological examination quality of teacher education, which is considered in terms of assessing the quality of educational activities in schools of general and vocational education. Presented are modern methods and technologies of professiological expertise instrumental in assessing individual professional qualities of teachers, their professional commitment, the way in which the whole process of education in schools is maintained and managed. Presented are the most typical views of scientists and experts on the issue, proposed are a number of measures aimed at improving the quality of teacher education.

Keywords

QUALITY; CRITERIA; INDICATORS; QUALITY ASSESSMENT; TEACHING ACTIVITIES; PROFESSIOLOGICAL EXPERTISE; PERSONALITY TRAITS; MODEL; ASSESSMENT SYSTEM; TEACHER EDUCATION.

REFERENCES

1. Aleksandrova N.M. *Teoriya professiologii pedagogicheskogo obrazovaniya* [Theory professiology teacher education]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2013. 230 p. (In Russ.)
2. Belyaeva A.P. *Integrativno-modul'naya pedagogicheskaya sistema professional'nogo obrazovaniya* [Integrative modular educational system of vocational education]. St. Petersburg, Institut proftehbrazovaniya RAO Publ., 1997. 225 p. (In Russ.)
3. Zeyer E.F. *Psikhologiya professij* [Psychology of professions: textbook allowance for stud. Univ.]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2003. 336 p. (In Russ.)
4. Zeyer E.F. [Competence-based approach as a methodological position update vocational education]. *Vestnik uchebno-metodologicheskogo ob'edineniya po professional'nomu obrazovaniyu*, 2005, no. 1 (37), pp. 5–12. (In Russ.)
5. Galkina O.I., Kaverina R.D., Klimov E.A. et al. *Informacionno-poiskovaya sistema "Professiografiya"* [Information Retrieval System "Professiography"]. Leningrad, VNIIPTO Publ., 1973. 298 p. (In Russ.)
6. Klimov E.A. *Psikhologiya professionala* [Psychology of Professional]. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institut Publ.; Voronezh, NPO "MODEK" Publ., 2003. 456 p. (In Russ.)
7. Bordovskij G.A. [Challenges of the modern education system schoolteacher]. *Professional'noe obrazovanie Rossii i sa rubezhom*, 2012, no. 2, pp. 6–10. (In Russ.)
8. Bordovskij G.A., Nesterov A.A., Trapiciyn S.Yu. *Upravlenie kachestvom obrazovatel'nogo processa* [Quality control of the educational process: monograph.]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2001. 359 p. (In Russ.)
9. *Monitoring kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya* [Monitoring the quality of teacher education: scientific. research report] (2010). IPOOV RAO, head I.I. Sokolova. St. Petersburg, 2010. 89 p. No. GR 0120.08070010. Inv. no. 02201100468. (In Russ.)
10. Granichina O.A. *Osnovy monitoringa kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya v kontekste gumanitarnyh tehnologij* [Basis for monitoring the quality of teacher education in the context of humanitarian technologies]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovy->

monitoringa-kachestva-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-kontekste-gumanitarnyh-tehnologiy.

11. Matyushkina M.D. *Prospektivnaya ocenka kachestva postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Prospective evaluation of the quality of post-graduate teacher education]. Available at: <http://iporao.org.ru/wp-content/uploads/phd-theses/2013-matyushkina-theses.pdf>.

12. Red'ko L.L. *Upravlenie kachestvom nepreryvno-go urovnevo-pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyah formirovaniya regional'nyh obrazovatel'nyh sistem: Dokt. dis. 13.00.08* [Continuous quality control of level of teacher education in the conditions of regional educational systems. Doct. Diss.]. Rostov na Donu, 2001. 210 p. (In Russ.)

13. Panasyuk V.P. [Reforms and the quality of teacher education]. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya*, 2013, no. 7, pp. 3–7. (In Russ.)

14. Ahtamova S.S. *Ocenka kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya kak uslovie ego sovershenstvovaniya* [Assessment of the quality of teacher education as a condition of its improvement]. Available at: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/ocenka-kachestva-pedagogicheskogo-obrazovaniya-kak-uslovie-ego-sovershenstvovaniya.html>.

15. *Proekt Konceptii podderzhki razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya* [Draft Concept support of the teacher education]. Available at: <http://bda-expert.com/2014/01/konceptiya-modernizaciya-razvitiya-pedagogicheskogo-obrazovaniya-proekt/>.

УДК 37.001.8

С.И. Назарова, В.А. Мелехин, В.И. Ключикин

МЕТОДОЛОГИЯ ДИАГНОСТИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМАХ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

НАЗАРОВА Светлана Ивановна — главный научный сотрудник лаборатории профессиологических и социологических исследований педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых РАО.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Черняховского, 2
e-mail: nazarowa@mail.ru

МЕЛЕХИН Виталий Авенирович — заведующий лабораторией профессиологических и социологических исследований педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых РАО.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Черняховского, 2
e-mail: melech@mail.ru

КЛЮШКИН Валентин Игоревич — старший научный сотрудник лаборатории профессиологических и социологических исследований педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых РАО.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Черняховского, 2
e-mail: klyushkin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема технологии профессиологической диагностики и мониторинга педагогической деятельности как основы разработки профессиональных стандартов работников педагогического образования. Анализируется теоретическая база разработки инструментария диагностики педагогической деятельности.

Ключевые слова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ; ТЕХНОЛОГИИ ДИАГНОСТИКИ И МОНИТОРИНГА; ПРОФЕССИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА; ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДИАГНОСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ.

Диагностика профессионально-педагогической деятельности педагогов системно взаимосвязана с проблемой разработки профессиональных стандартов. Эта проблема в последнее время становится актуальной в связи с выходом Постановления Правительства РФ № 23 от 22 января 2013 г. «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» [1].

При разработке инструментария диагностики профессиональной деятельности педагогов как средства получения эмпирической базы для разработки новых образовательных стандартов и квалификационных требований

к педагогическим работникам основой являются государственные документы: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования», утвержденный приказом Минздравсоцразвития РФ от 26 августа 2010 г. № 761н, Федеральные государственные образовательные стандарты, Национальная доктрина образования РФ до 2025 г., приказ Минтруда РФ № 544н от 18 октября 2013 г. об утверждении профессиональ-

ного стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» и другие государственные документы, определяющие стратегию и основные направления модернизации отечественного образования и регламентирующие педагогическую деятельность общего и профессионального образования в современных условиях [2–7].

Педагогическая профессия по своей сущности выступает социокультурным феноменом. Она требует от человека высокой гражданственности, чувства и осознания своей ответственности за результаты своего труда перед обществом. Главный смысл педагогической деятельности заключается в передаче молодому поколению достижений национальной и общечеловеческой культуры. Это требует от педагога постоянного обогащения и повышения уровня общей культуры. Общая культура педагога выступает фундаментом профессиональной культуры педагога. Наряду с этим от педагога требуется хорошее знание своего предмета, умение ясно, доходчиво излагать учебный материал, обладать высокой культурой речи, быть доброжелательным и уважать обучающихся, мотивировать их потребность к обучению, организовывать их совместную учебно-познавательную деятельность с учетом индивидуальных особенностей каждого. Педагог должен хорошо владеть современными педагогическими технологиями и техническими средствами обучения и воспитания. Педагогическая деятельность требует от человека: хорошего знания психологии людей, умения устанавливать и поддерживать деловые и межличностные контакты, умения сотрудничать и координировать свою профессиональную деятельность с другими педагогами, осуществлять необходимое взаимодействие со своими коллегами. Эти вопросы рассматривает и изучает наука *профессиология* [3, 8].

Профессиологическое исследование педагогической деятельности чрезвычайно сложно. Среди всего многообразия изменяющихся характеристик педагогической деятельности необходимо выявить те, которые, наиболее динамично развиваясь, определяют основные направления развития деятельности педагогов общего и профессионального образования в современных условиях. *Профессиологическая*

диагностика педагогической деятельности — это оценочная технология, направленная на изучение социально-психологических характеристик и индивидуальных особенностей педагогической деятельности с целью оценки ее качества и продуктивности. Это путь выявления степени соответствия деятельности педагогов, а также их профессиональной компетентности общественно установленным требованиям.

Профессиологическая диагностика (далее — диагностика) педагогической деятельности многофункциональна. Для оценивания педагогической деятельности выделим наиболее значимые функции и рассмотрим их характеристики. К таким функциям относятся *информационная, прогностическая, оценочная, развивающая, конструктивная, функция самоизучения и саморазвития*:

- *информационная* — получение информации об участниках педагогического процесса, выявление уровня развития участника, его индивидуальности, а также уровня развития личностных качеств педагога, профессионализма его педагогической деятельности и др.;

- *прогностическая* — выявление потенциальных возможностей развития педагогической деятельности;

- *оценочная* — выявление качества и результативности педагогической деятельности;

- *развивающая* — создание условий для развития личности, индивидуальности, воспитание различных свойств и качеств личности;

- *конструктивная* — повышение эффективности педагогического процесса, педагогического взаимодействия, педагогической деятельности;

- *самоизучения и саморазвития* — познание себя, своих возможностей, создание условий саморазвития через различные методы диагностики [9–10].

Основу концепции создания инструментария диагностики профессионально-педагогической деятельности педагогических работников системы общего и профессионального образования составляют: идея частичной формализации, метризуемости, многомерности педагогической деятельности как системного, социокультурного феномена; идея адекватности оценочного инструментария и сложности объекта оценки; идея педагогической рефлексии; идея многообразия применяемых средств и шкал оценки [11].

Теоретическую базу разработки инструментария диагностики педагогической деятельности составляют: *системный подход*, необходимый для изучения и анализа такого сложного, многофакторного феномена, каким выступает педагогическая деятельность; *компетентностный подход*, необходимый для профессионального выявления компетентности педагогов; *социокультурный подход* как соответствующий социокультурной сущности и закономерностям педагогической деятельности.

Педагогическая профессия по своим целям и задачам, структуре и содержанию, зависимости от самых разных факторов и условий (социальных, экономических, политических духовно-культурных, психологических и др.) представляет собой одну из наиболее сложных профессий. Поэтому диагностика профессиональной деятельности педагогов должна осуществляться с позиций системного подхода.

В качестве системообразующих факторов и условий профессиональной педагогической деятельности выступают социально-экономические и духовно-культурные факторы, которые могут наиболее полно учитываться при социокультурном подходе к разработке инструментария диагностики профессионально-педагогической деятельности педагогических работников системы общего и профессионального образования.

В практике профессиональной диагностики педагогической деятельности накоплен значительный методический арсенал. К наиболее часто используемым методам профессиональной диагностики относятся: беседа, интервью, собеседование, анализ учебной и отчетной документации, наблюдение и др. Цель существующей системы диагностики деятельности педагогических работников — квалификационная аттестация педагогов, аккредитация и лицензирование образовательных учреждений в основном по количественным показателям результатов работы педагогов: по успеваемости, учебной дисциплине учащихся, экзаменационным оценкам, достижениям учащихся на олимпиадах и конкурсах, по числу внеурочных воспитательных мероприятий и т. д. [12].

Результаты экспертизы показывают в основном количественные показатели диагностики педагогической деятельности, а субъектной характеристики профессиональной

деятельности педагогов не выявляют. Возможность оценить социокультурные и профессиональные установки, интересы, предпочтения, мотивы труда и проблемы в работе педагогов восполняется посредством *социологического опроса*. Поэтому авторы особо выделяют и наиболее детально раскрывают метод социологического опроса, показывая, что данный метод значительно усиливает оценочную и прогностическую функции технологии диагностики и мониторинга деятельности педагогических работников системы общего и профессионального образования.

Социологический опрос — это один из методов диагностики педагогической деятельности, требующий от педагогических работников специальных знаний и умений, необходимых для его проведения, поэтому на практике применяется довольно редко. Метод социологического опроса, его технология заключается в том, что педагогам как респондентам предлагается комплекс специально разработанных вопросов. Ответы на них позволяют экспертам получить необходимую информацию, на основе которой можно с достаточной степенью объективности оценивать качество педагогической деятельности. Особенностью опроса является то, что он позволяет оценивать педагогическую деятельность как отдельного педагога, так и большого числа педагогических работников. Социологический опрос значительного числа педагогов позволяет оперативно и с относительно небольшими затратами получить массив эмпирических фактов, характеризующих качество педагогической деятельности. Многократное периодическое проведение социологического опроса однотипной выборки респондентов и по одной и той же анкете является *мониторингом* педагогической деятельности, который позволяет установить корреляционные связи между различными характеристиками педагогической деятельности, а также выявить определенные тенденции ее развития [13, 14].

Таким образом, социологический опрос как средство диагностики педагогической деятельности обеспечивает надежную эмпирическую основу теоретической разработки профессиональных стандартов.

Исследуя проблему технологии диагностики и мониторинга профессионально-педагогической деятельности как основу разработки про-

фессиональных стандартов работников педагогического образования, обычно рассматривают методы анализа учебно-методической и отчетной документации образовательных учреждений, результаты наблюдения, тестирования, бесед, социологического опроса как инструментария диагностики педагогической деятельности. Это позволяет получить масштабную эмпирическую базу данных для создания новых образовательных стандартов и квалификационных требований к педагогическим работникам.

Организационный аспект технологии диагностики педагогической деятельности включает в себя следующие компоненты:

- постановку целей и задач диагностики педагогической деятельности в целом, а также по отношению к отдельным ее процедурам;
- определение критериев, показателей эффективности и качества педагогической деятельности;
- разработку программы реализации выбранной технологии диагностики (определение объекта диагностики по качественному и количественному составу респондентов, по типу, количеству и территориальному расположению обследуемых образовательных учреждений);
- определение состава экспертов, их инструктирование и координацию деятельности;
- определение организационно-методических этапов осуществления диагностики педагогической деятельности (для мониторинга — определение периодичности осуществления диагностики педагогической деятельности);
- определение системы методов диагностики и разработку диагностического инструментария (бланков интервью, анкет опроса и т. д.);
- сбор и накопление информационного материала избранными методами диагностики совместно с педагогами;
- техническую, статистическую и математическую обработку накопленной информации;
- анализ результатов диагностики с определенными оценками и выводами о качестве педагогической деятельности, а также конкретные рекомендации, направленные на улучшение условий труда педагогов и совершенствование системы повышения их профессионализма.

Технология диагностики педагогической деятельности как процесса оценивания ее качества и продуктивности актуализирует проблему выбора ее критериев и показателей.

Исходя из социокультурной сущности и социальной обусловленности педагогической деятельности, предлагается шире применять социокультурную концепцию выбора критериев и показателей ее диагностики. Основной замысел данной концепции состоит в ее нацеленности на объективность диагностики педагогической деятельности по критериям ее соответствия современным социокультурным потребностям общества и государственной образовательной политике по модернизации российского образования. Данные критерии и показатели качества педагогической деятельности могут служить также для оценки качества инновационных педагогических технологий, используемых в работе педагогов.

Понятие «качество педагогической деятельности» охватывает социальные, духовно-культурные, познавательные и праксеологические аспекты образования. При диагностике педагогической деятельности используются, как правило, количественные показатели легкоформализуемых параметров педагогической деятельности (средний балл успеваемости обучающихся, количество участников олимпиад, средний балл ЕГЭ, количество учебно-воспитательных мероприятий и др.). Качественные же показатели четко не определены и носят довольно условный характер. Такое положение дел объясняется тем, что многие аспекты педагогической деятельности не поддаются формализации [15].

Проблема критериев качества педагогической деятельности осложняется чрезмерным множеством разных образовательных концепций, предлагающих собственные подходы к данной проблеме. Исходная методологическая позиция предлагаемой нами технологии диагностики педагогической деятельности состоит в признании социокультурной сущности педагогической деятельности и ее обусловленности потребностями общества в непрерывном повышении ее продуктивности и качества.

При диагностике педагогической деятельности следует исходить из ее сущности как социокультурного феномена, важнейшая функция которого состоит в транслировании обучающимся определенной системы компетенций, или знаний, умений, навыков и других ценностей социальной и духовной культуры. Следовательно, технология диагностики педаго-

гической деятельности состоит в определении степени реализации данной функции. Поэтому критерием оценки педагогической деятельности выступает ее *продуктивность*, или *результативность*.

Разработанный нами инструментарий диагностики профессионально-педагогической деятельности педагогических работников имеет семь направлений, для каждого из которых сформулирован комплекс вопросов, направленных на диагностику:

1) реализации педагогами своих основных профессиональных функций (компетенций);

2) объективных факторов, определяющих характер и продуктивность профессиональной деятельности педагогов;

3) субъективных факторов, обуславливающих характер и продуктивность профессиональной деятельности педагогов;

4) деятельности педагогов по повышению и развитию своей общекультурной и профессиональной компетентности;

5) деятельности педагогов по внедрению и использованию в их повседневной профессиональной деятельности современных информационно-коммуникационных средств и технологий;

6) творчески-исследовательской деятельности педагогов в процессе их повседневной учебно-воспитательной работы;

7) профессионально-демографических характеристик состава педагогов.

Это позволило нам выявить наиболее существенные изменения и типичные проблемы и трудности в профессиональной деятельности педагогов, которые необходимо учитывать при разработке профессиональных стандартов.

При этом основными показателями диагностируемых профессионалогических характеристик педагогической деятельности по результатам исследования являются:

- оценка педагогами результатов своей профессиональной деятельности;

- степень удовлетворенности педагогов своей деятельностью;

- степень сложности (трудности) реализации педагогами оцениваемых ими своих компетенций;

- оценка педагогами своих взаимоотношений с руководством образовательного учреждения.

Основным индикатором степени проявления диагностируемых профессионалогических характеристик педагогической деятельности являются статистически значимая частота выбора респондентами той или иной характеристики педагогической деятельности, а также фактора и условия ее продуктивности. Пилотажная апробация диагностики профессионально-педагогической деятельности педагогов общего и профессионального образования выявила, что происходит усложнение педагогической деятельности: 86,1 % педагогов отметили, что «работать стало труднее», а 69,6 % – «интенсивность педагогической деятельности повысилась».

Одной из основных причин этого является усложнение содержания учебных программ. Другой существенной причиной трудностей педагогической деятельности выступают негативные изменения контингента обучающихся. Согласно статистическим данным, познавательные интересы снизились у 65 % учащихся, творческая инициатива и активность в учебе – у 53 %, трудолюбие – у 71,3 %; желание развить в себе духовные качества отметили лишь 58,0 %. К позитивным изменениям можно отнести только высокий интерес обучающихся к информационным технологиям (86,1 %).

Существенный негативный фактор педагогической деятельности выявился в ценностных ориентациях педагогов и обучающихся: духовная направленность педагогов (62,6 % из них работают ради «возможности реализовать свои знания и опыт», а 74,8 % – из-за «творческого характера своей работы») находится в резком противоречии с меркантильно-прагматичной ориентацией учащихся, у которых резко возросло стремление выбрать профессию в соответствии с высокой зарплатой (92,2 %).

Трудности, испытываемые педагогами, имеют не только объективные, но и субъективные причины, например несоответствие их профессиональной компетенции современным условиям и требованиям. Об этом свидетельствуют следующие факты: 93,9 % педагогов «нуждаются в повышении своей квалификации»; усилить свои компетенции «в области преподаваемого предмета» считают необходимым 33,0 %, «в методике обучения» – 41,7 %, «в применении информационных технологий» – 32,2 % педагогов.

В проведенном социологическом опросе приняли участие педагоги Санкт-Петербурга, Ленинградской, Вологодской и Нижегородской областей, а также Республики Карелия, работающие в различных образовательных учреждениях (общеобразовательных школах, гимназиях, технических лицеях и педагогических колледжах) и имеющие педагогический стаж от 1 года до 30 лет и более. Среди опрошенных педагогов большинство составили женщины (90,1 %), из них 82,2 % с высшим образованием, 17,8 % со средним специальным. В результате выявлены существенные изменения в содержании и условиях педагогической деятельности, которые представляются существенными для ее стандартизации. Так, по данным опроса, педагогическая деятельность за последние 10 лет заметно изменилась: 63,8 % опрошенных педагогов отметили, что «работать стало сложнее». Факт усложнения педагогической деятельности подтверждается следующим: 66,7 % педагогов признали, что постоянно (22,1 %) или в «отчетные периоды» (44,6 %) испытывают на работе стрессы. Данные факты контрастируют с довольно высокой профессиональной самооценкой педагогов (только 10,3 % из них отметили у себя недостаточный уровень профессионализма, 16,4 % оценили свой профессионализм как «высокий», 73,2 % – как «близкий к высокому»). Выявленное усложнение педагогической деятельности контрастирует также с отмеченным педагогами положительным изменением условий их труда (70,0 % отметили повышение информационно-технической оснащенности образовательного процесса, 52,6 % – расширение возможностей творчества в педагогической деятельности). По мнению 45,1 % педагогов, их труд стал более интересным.

На наш взгляд, причина таких «ножниц» между улучшением условий педагогической деятельности, с одной стороны, и ее усложнением, с другой, состоит в противоречии между изменяющимися социокультурными условиями (установление рыночной, капиталистической экономики, конкуренция на рынке труда, меркантилизация сферы духовной культуры, в том числе науки, искусства и образования) и сохраняющимся духовно-нравственным смыслом педагогической деятельности. Так, 58,7 % педагогов видят смысл своей работы «в воспитании нравственности и духовности молоде-

жи». Духовно-нравственный характер деятельности педагогов проявляется также и в задачах, которые они ставят перед собой в своей работе: 79,3 % опрошенных стремятся воспитать у учащихся ответственность за свои поступки, 61,0 % – трудолюбие и упорство в достижении цели, 50,7 % – высокую личную культуру и эрудицию, 48,8 % – способность ценить в людях знания и умения, 44,1 % – умение держать данное слово, 43,2 % – готовность оказать помощь другому, 32,4 % – любовь к чтению.

В то же время, как показывают многочисленные исследования, современные обучающиеся отличаются от своих сверстников 20-летней давности слабыми познавательными интересами, прагматичностью и меркантильностью мотивации учебы, их зачастую интересуют не столько сами знания, сколько документ об образовании [8, 16–18].

Данная тенденция выявлена и в результате нашего опроса педагогов. По их мнению, за последние 10–15 лет учащиеся стали более прагматичными в учебной деятельности (87,8 %), в выборе профессии по уровню зарплаты (92,2 %). При этом педагоги отмечают у учащихся ослабление познавательных интересов (65,2 %), трудолюбия (71,3 %) и, наоборот, возрастание у них грубости (73,9 %), агрессивности (74,8 %), неуважительного отношения к педагогам (71,3 %). Эти изменения в ценностных ориентациях и поведении учащихся негативно сказываются на результатах учебно-воспитательного процесса. Поэтому опрос педагогов выявил снижение их удовлетворенности взаимоотношениями с учащимися (40,0 %), результатами обучения (44,3 %), результатами воспитания (54,8 %).

Данные опроса показывают, что огромная аудитория педагогов придает большее значение объективным факторам педагогической деятельности, чем субъективным. Среди объективных факторов чаще всего отмечают: внедрение информационных технологий (55,9 % указаний), развитие учебно-технической базы (46,5 %), государственная образовательная политика (41,3 %), качество образовательных программ (41,3 %), финансирование образования (36,2 %), модернизация образования (30,0 %), дружный педагогический коллектив (29,1 %), учебная нагрузка (28,6 %), изменение социальных отношений в обществе (23,5 %). Обращает

на себя внимание то, что в списке объективных факторов педагогической деятельности «изменение социальных отношений в обществе» (23,5 %) занимает лишь 9-е место. Это свидетельствует о том, что, признавая объективную обусловленность педагогической деятельности и образования, педагоги явно переоценивают роль материально-технической и информационной оснащенности и организационно-дидактической обеспеченности образования, но явно недооценивают роль социально-экономических условий как более масштабных факторов педагогической деятельности.

Признание педагогами преобладания объективных факторов педагогической деятельности над субъективными подтверждает верность социокультурного подхода к диагностике педагогической деятельности. Обращение к субъективным факторам педагогической деятельности показывает, что здесь большую роль играют профессиональная направленность и устойчивость педагогов как субъектов педагогической деятельности. Вопреки отмечаемым педагогами непристижности их профессии, усложнению их деятельности в современных условиях и несправедливо низкой оплате их труда большинство участников опроса (82,6 %) не собираются менять профессию и хотят дальше работать по специальности.

Из субъективных факторов продуктивности и качества своей деятельности педагоги, участвовавшие в опросе, на 1-е место поставили «расширение своего кругозора» (56,8 %), затем – «системность знаний» (42,3 %) и «организацию труда педагога» (27,2 %). Лишь 9,4 % опрошенных отметили в качестве важного условия развития педагогической деятельности «знание педагогом народных культурных традиций». Следовательно, большинство педагогов недооценивает отечественную культуру в качестве существенного фактора своей деятельности. Но культурологическая функция образования – одна из важнейших его функций, а сама культура как система ценностей, норм и высших достижений человечества в сферах материального и духовного производства наполняет собой содержание образования, равно как и педагогической деятельности.

Выше уже отмечалось убеждение педагогов в том, что важными факторами развития педагогической деятельности являются широкая

эрудиция и системность знаний педагога. Это подтверждается тем, что практически все опрошенные нами педагоги повышали свою квалификацию в различных формах постдипломного педагогического образования, а также тем, что 90,6 % из них испытывают потребность в повышении своей квалификации. Опрос показал, что наибольший интерес педагоги проявляют к компьютерным технологиям в образовании (60,1 %). Данный факт говорит о недостаточном владении информационными образовательными технологиями и, следовательно, о необходимости усиления внимания к проблеме повышения компьютерной квалификации педагогов. Далее идут «знания по предмету» (39,4 % опрошенных), затем «знания по методике преподавания» (36,6 %), «знания по психологии учащихся» (33,8 %). «Знания по современной теории педагогики» оказываются лишь на 7-м месте (20,2 % опрошенных), пропуская вперед «иностраный язык» (29,1 %) и «юридические знания» (28,2 %).

Важными условиями продуктивности педагогической деятельности являются глубокое знание педагогической теории и умелое следование важнейшим педагогическим принципам, отражающим существенные закономерности образовательного процесса. Данные опроса выявили существенное противоречие. С одной стороны, большинство педагогов в качестве необходимых условий эффективности педагогической деятельности отметили профессионализм (86,9 % опрошенных), знание достижений современной педагогики (32,9 %), постоянное образование и самообразование педагога (47,4 %), а с другой стороны, желающие получить дополнительные знания «по теории современной педагогики» составляют всего лишь 20,2 % опрошенных, что значительно меньше (в сравнении с приведенными выше цифрами). То есть интерес к педагогической теории оказывается на одном из последних мест среди других профессиональных интересов педагогов.

О снижении теоретического уровня осмысления педагогами своей деятельности говорит, например, то, что лишь 30,5 % опрошенных педагогов рассматривают принцип единства педагогических требований непременным условием развития педагогической деятельности, а почти каждый десятый педагог (8,9 %) вовсе отказывается от этого важнейшего педагоги-

ческого принципа, выступая за «разнообразие педагогических требований».

В процессе социологического опроса выявлено позитивное изменение условий педагогической деятельности: повышение ее информационно-технической оснащенности, расширение возможностей творчества в работе, вследствие чего многие педагоги отметили, что их труд стал более интересным.

Вместе с тем установлено значительное возрастание сложности и трудности педагогической деятельности, в связи с чем многие педагоги испытывают стрессы на работе и выражают неудовлетворенность взаимоотношениями с обучающимися, результатами их обучения и воспитания. Одной из основных причин усложнения педагогической деятельности является существенное изменение социально-психологических характеристик современных учащихся как основного объекта данной деятельности. Педагоги отмечают у обучающихся усиление прагматичности, ослабление познавательных интересов, трудолюбия и, наоборот, возрастание у них недисциплинированности, грубости, агрессивности, неуважения к старшим.

В ходе исследования установлено, что при достаточно высокой оценке педагогами своего профессионализма многие из них проявляют неудовлетворенность уровнем своей компетентности в информационных образовательных технологиях, методике препода-

вания своего предмета, в знании психологии учащихся, что вызывает у них потребность в развитии соответствующих профессиональных знаний и умений. Вместе с тем выявлено, что интерес к современной педагогической теории находится на одном из последних мест среди других профессиональных интересов педагогов. Этот факт свидетельствует либо о недооценке педагогами значимости педагогической теории как фактора эффективности их профессиональной деятельности, либо о неубедительности многих современных образовательных концепций.

Данные проведенного исследования подтверждают правильность предлагаемой нами социокультурной технологии диагностики педагогической деятельности, показывают продуктивность применения социологического опроса как одного из основных методов профессиональной диагностики педагогической деятельности, позволяющих диагностировать такие характеристики педагогической деятельности, которые не поддаются диагностике традиционными методами.

Исследования по диагностике педагогической деятельности в системах общего и профессионального образования проводились в Институте педагогического образования и образования взрослых РАО в рамках фундаментальных НИР лаборатории профессиональных и социологических исследований педагогического образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **О Правилах** разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов: постановление Правительства РФ № 23 от 22 янв. 2013 г. URL: <http://government.ru/search/?phrase=BB&section=all>.

2. **Об образовании** в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.

3. **Об утверждении** Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования»: приказ М-ва здравоохранения и социального развития РФ от 26 авг. 2010 г. № 761н. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/20/teacher-dok.html>.

4. **О мероприятиях** по реализации государственной социальной политики: указ Президента РФ от

7 мая 2012 г. № 597. URL: http://text.document.kremlin.ru/SESSION/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=key_2&linkType=1982002&doclistPage=90#content.

5. **О внесении** изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании»: федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 236-ФЗ [принят Гос. думой 23 нояб. 2012 г.]. URL: <http://duma.consultant.ru/#results>.

6. **Концепция** Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы [утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февр. 2011 г. № 163-п]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/>.

7. **Методика** разработки профессиональных стандартов. URL: <http://media.rsp.ru/document/1/3/7/377999c8da78f6504aaecbe123ce2068.pdf>.

8. **Социально-профессиональный** портрет педагога: науч. доклад / под ред. И.И. Соколова, Н.М. Александрова, А.С. Мищенко [и др.]. СПб.: Изд-во РАО ИПО, 2009. 108 с.
9. **Беляева А.П.** Интегративно-модульная педагогическая система профессионального образования. СПб.: Изд-во Ин-та профтехобразования РАО, 1997. 225 с.
10. **Проблемы** диагностики факторов продуктивной деятельности педагогического коллектива среднего профтехучилища: сб. науч. тр. / под ред. Н.В. Кузьминой. Л.: Изд-во ВНИИ профтехобразования, 1988. 153 с.
11. **Александрова Н.М.** Профессиология педагогического образования: методология исследования: концепция. СПб.: Изд-во РАО ИПО, 2010. 87 с.
12. **Шадриков В.Д.** Методика оценки уровня квалификации педагогических работников / под ред. В.Д. Шадрикова, И.В. Кузнецовой. М.: Изд-во ИСО, ГУ-ВШЭ, 2010. 177 с.
13. **Рабочая** книга социолога / отв. ред. Г.В. Осипов. URL: <http://socioline.ru/pages/rabochaya-kniga-sotsiologa>.
14. **Соколова И.И.** Мониторинг качества педагогического образования: науч. отчет о НИР (промежут. за 2011 г.) ФГНУ. М.: Изд-во ИПООВ РАО, 2012. 95 с. (№ ГР 0120.08070010. Инв. № 02201255102).
15. **Панасюк В.П.** Развитие теории и современные проблемы управления и оценки качества образования // Человек и образование. 2013. № 3. С. 98–103.
16. **Учитель:** Крупным планом. Социально-педагогические проблемы учительской деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С.Г. Вершловского. СПб., 1994. 133 с.
17. **Назарова С.И.** Формирование творческой личности в интегрированной художественной деятельности учащихся: моногр. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. 208 с.
18. **Учитель.** Школа. Общество: социол. очерк 90-х / В.Ф. Курлов [и др.]; под ред. Е.Э. Смирновой. СПб.: Изд-во ГУПМ, 1995. 224 с.

S.I. Nazarova, V.A. Melekhin, V.I. Klyushkin

METHODOLOGY OF TROUBLE-SHOOTING IN GENERAL AND VOCATIONAL EDUCATION SYSTEMS

NAZAROVA Svetlana I. – *Institute for Pedagogical and Adult Education, Russian Academy of Education.*
Ul. Chernyakhovskogo, 2, St. Petersburg, 191119, Russia
e-mail: nazarowa@mail.ru

MELEKHIN Vitali A. – *Institute for Pedagogical and Adult Education, Russian Academy of Education.*
Ul. Chernyakhovskogo, 2, St. Petersburg, 191119, Russia
e-mail: melech@mail.ru

KLYSHKIN Valentin I. – *Institute for Pedagogical and Adult Education, Russian Academy of Education.*
Ul. Chernyakhovskogo, 2, St. Petersburg, 191119, Russia
e-mail: klyushkin@mail.ru

Abstract

Treated is the problem of diagnosing and monitoring technology of teaching activities as the basis for the development of professional standards of teacher education workers. Developed by the authors tools of professional and pedagogical activities diagnostics based on system, competency, socio-cultural approaches, make it possible to diagnose such characteristics of educational activities that do not yield to traditional methods of diagnosis. Quoted is an opinion poll as a diagnostic tool of pedagogical activity, which ensures a reliable empirical basis for theoretical development of professional standards.

Keywords

PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES; CRITERIA AND INDICATORS; DIAGNOSTIC AND MONITORING TECHNOLOGY; PROFESSIOLOGICAL DIAGNOSTIC; DIAGNOSTIC TOOLS PROFESSIONAL WORK OF TEACHERS.

REFERENCES

1. *O Pravilah razrabotki, utverzheniya i primeneniya professional'nyh standartov* ["On the Rules of the development, approval and application of professional standards". Russian Federation Government Resolution no. 23 of 22 Jan. 2013]. Available at: <http://government.ru/search/?phrase=BB&section=all>.
2. *Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii* ["On Education in the Russian Federation" Federal Law dated Dec. 29, 2012, no. 273-FZ]. Available at: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.
3. *Ob utverzhenii Edinogo kvalifikacionnogo spravochnika dolzhnostej rukovoditelej, specialistov i sluzhashchih, razdel "Kvalifikacionnye harakteristiki dolzhnostej rabotnikov obrazovaniya"* [On approval of a single qualification handbook for managers, professionals and employees, section "qualification characteristics of educators" Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. Order of 14 Aug. 2009, no. 593]. Available at: <http://www.rg.ru/2010/10/20/teacher-dok.html>.
4. *O meropriyatiyah po realizacii gosudarstvennoj social'noj politiki* ["On measures for implementation of state social policy" Presidential Decree of 07.05.2012, no. 597]. Available at: http://text.document.kremlin.ru/SESSION/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=key_2&linkType=1982002&doclistPage=90#content.
5. *O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 1 Federal'nogo zakona "O tehničeskom regulirovanii"* ["On Amendments to the Labour Code of the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law On Technical Regulation" Federal Law of 03.12.2012 no. 236-FZ (adopted by the State Duma on 23.11.2012)]. Available at: <http://duma.consultant.ru/#results>.
6. [Concept of the Federal target program of education for 2011–2015 years (approved by the RF Government on Febr. 7, 2011 no. 163-p)]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/>.
7. [The methodology of the professional standards]. Available at: <http://media.rspp.ru/document/1/3/7/377999c8da78f6504aaecbe123ce2068.pdf>.
8. *Social'no-professional'nyj portret pedagoga* [Socio-professional portrait teacher: research report]. St. Petersburg, RAO IPO Publ., 2009. 108 p. (In Russ.)
9. Belyaeva A.P. *Integrativno-modul'naya pedagogičeskaya sistema professional'nogo obrazovaniya* [Integrative modular educational system of vocational education]. St. Petersburg, In-t proftehhobrazovaniya RAO Publ., 1997. 225 p. (In Russ.)
10. *Problemy diagnostiki faktorov produktivnoj deyatel'nosti pedagogičeskogo kollektiva srednego proftehhuchilishcha* [Problem diagnosis productive factors of pedagogical staff vocational secondary]. Leningrad, VNII proftehhobrazovaniya Publ., 1988. 153 p. (In Russ.)
11. Aleksandrova N.M. *Professiologiya pedagogičeskogo obrazovaniya: metodologiya issledovaniya: koncepciya* [Professiology teacher education: research methodology: the concept]. St. Petersburg, RAO IPO Publ., 2010. 87 p. (In Russ.)
12. Shadrikov V.D. *Metodika ocenki urovnya kvalifikacii pedagogičeskikh rabotnikov*. Moscow, ISO, GU-VShJe Publ., 2010. 177 p. (In Russ.)
13. *Rabochaya kniga sociologa* [Workbook sociologist]. Available at: <http://socioline.ru/pages/rabochaya-kniga-sotsiologa>.
14. Sokolova I.I. *Monitoring kachestva pedagogičeskogo obrazovaniya* [Monitoring the quality of teacher education: scientific. research report (interim for 2011) FGNU]. Moscow, IPOOV RAO Publ., 2012. 95 p. (In Russ.)
15. Panasyuk V.P. [Development of theory and problems of modern management and evaluation of the quality of education]. *Chelovek i obrazovanie*, 2013, no. 3, pp. 98–103. (In Russ.)
16. *Učitel': Krupnym planom. Social'no-pedagogičeskie problemy učitel'skoj deyatel'nosti* [Teacher: Close-up. Social and educational issues teaching activities]. St. Petersburg, 1994. 133 p. (In Russ.)
17. Nazarova S.I. *Formirovanie tvorčeskoj lichnosti v integrirovannoju hudozhestvennoj deyatel'nosti učitel'skih učashchih-sya* [Formation of the creative personality in an integrated artistic activities of students]. St. Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2007. 208 p. (In Russ.)
18. Kurlov V.F. et al. *Učitel'. Shkola. Obščestvo: sociol. očerk 90-h* [Teacher. School. Society. Sociological Essay 90]. St. Petersburg, GUPM Publ., 1995. 224 p. (In Russ.)

УДК 81.111

Е.Е. Корюкина

ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕРМИНОСИСТЕМУ (на примере англоязычной терминологии по кохлеарной имплантации)

КОРЮКИНА Екатерина Евгеньевна – аспирант *Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
e-mail: ekaterina.koryukina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию англоязычной терминологии на примере терминологии по кохлеарной имплантации, находящейся на заключительном этапе своего формирования. Цель терминологического анализа – выявление особенностей выбранной терминологии. Наличие системности и строгой логической взаимосвязи между терминами указывает на развитие терминологии кохлеарной имплантации в терминосистему, сознательно сформированную совокупность терминов. Актуальность работы определяется растущим интересом к изучению лингвистических особенностей терминологии в целом, отсутствием в лингвистике работ, исследующих англоязычную терминологию кохлеарной имплантации, и необходимостью ее описания и систематизации.

Ключевые слова

ТЕРМИН; ТЕРМИНОЛОГИЯ; ТЕРМИНОСИСТЕМА; СТРУКТУРА; РАЗИТИЕ; КОХЛЕАРНАЯ ИМПЛАНТАЦИЯ.

В последнее время усиливается интерес лингвистов к проблемам термина и терминологии. С распространением новых отраслей знаний и видов деятельности человека появляются новые понятия, которые впоследствии обретают статус термина. Они способствуют раскрытию и передаче нового знания, выполняют функцию его систематизации, устанавливают связь между понятиями смежных и удаленных научных сфер. Находясь в тесном взаимодействии друг с другом и активно пополняя свой состав, термины разных областей знания формируют свою определенную терминологию. Сложившаяся терминология позволяет представить научную картину взаимодействия языка с человеческим мышлением, познанием и деятельностью.

Формирование терминологии связано с развитием научного знания, расширением и углублением понимания окружающего мира. Как показал проведенный анализ англоязычной литературы США и Великобритании, сегодня наблюдается востребованность в систе-

матизации терминологии текстов по медицине и специальной педагогике.

Медико-педагогическая сфера является междисциплинарной предметной областью. Медицина и специальная педагогика имеют устоявшийся список терминологических единиц в рамках определенного профессионального языка и области знания. У каждой из рассматриваемых предметных областей сложилась собственная терминосистема. В результате взаимодействия терминосистем медицины и специальной педагогики возникла определенная междисциплинарная область, в рамках которой складывается терминология по кохлеарной имплантации – новому направлению слухопротезирования, которое отражает проблемы реабилитации детей с большими потерями слуха (см. рисунок).

Данная область знаний стала активно развиваться в США и Великобритании с середины XX века, однако ее терминология осталась еще не до конца разработанной и не становилась предметом специальных научных исследова-

ний. Об активном исследовательском интересе к проблемам кохлеарной имплантации свидетельствует большое количество англоязычных публикаций, вышедших за последнее время. Многие научные конференции и симпозиумы, на которых обсуждаются вопросы дальнейшего развития междисциплинарных исследований по кохлеарной имплантации и перспективы взаимовыгодного международного сотрудничества медиков и педагогов в этой области, также проводятся на английском языке. В связи с этим особое значение приобретают структурирование терминологии по кохлеарной имплантации по областям и подобластям знаний и пути ее дальнейшего развития в терминосистему.

Отмечая наличие в медицине и специальной педагогике сформировавшегося, устойчивого терминологического аппарата, следует сказать, что его состав постоянно пополняется. Как отмечает К.Я. Авербух, в терминосистеме присутствует элемент стихийности формирования новых терминологических единиц. «Наличие элемента стихийности, в свою очередь, связано с рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс формирования терминов современной медицинской и педагогической науки» [1, с. 134]. Самый общий принцип организации терминосистемы — создание взаимно-однозначных соответствий между системами понятий и системами обозначающих их терминов.

За каждым педагогическим и медицинским термином стоит научное педагогическое или медицинское понятие. По определению ряда исследователей (И.М. Кантора, Б.Б. Комаровского), терминосистема специальной педагогики включает в себя терминологию, которая является совокупностью лексических средств, обслуживающих теорию и практику воспитания и обучения. Входящие в ее состав педагогические термины закрепляют основные понятия педагогической науки [2].

Становление и развитие понятийно-терминологического аппарата специальной педагогики обуславливаются как закономерностями развития педагогического знания, так и закономерностями развития общества. Несмотря на различные подходы к осмыслению процесса развития педагогического знания как самостоятельной отрасли общенаучного знания, авторы едины в одном: на каждом этапе развития педагогической науки принимается собственная трактовка ее предмета и природы изучаемых ею явлений. Эта трактовка невозможна без привлечения специальных средств — понятий и терминов. Таким образом, развитие понятийно-терминологического аппарата педагогической науки есть отражение дифференцированности познания соответствующего круга предметов и явлений действительности [3].

Терминология специальной педагогики не имеет четких границ в силу своей специфики. «Многим педагогическим понятиям и терминам свойственны многозначность и синонимия, что приводит к нечеткости трактовок и определений педагогических явлений» [Там же. С. 80]. Это может быть объяснено особенностями терминологии гуманитарных наук, к которым относится специальная педагогика, близостью педагогического знания к обыденному, а также достаточной сложностью исследуемых педагогических процессов и явлений [4].

Медицинская терминология, несмотря на долгую историю развития, до сих пор остается недостаточно исследованной областью лексики, хотя необходимость в ее изучении отчетливо осознается как лингвистами, так и медиками. «Быстрое увеличение числа терминов, вызванное бурным развитием медицинских наук, сопровождается такими негативными явлениями, как многозначность и различное понимание терминов представителями разных школ и на-

правлений, избыточность номинации понятий, распространение немотивированных и ложно ориентирующих терминов, вариантность форм написания одних и тех же терминов, отсутствие единых научно обоснованных принципов образования новых терминов. Все это диктует необходимость исследования и упорядочения медицинской терминологии» [5, с. 79].

Как известно, в состав терминологических систем входит как общенаучная, так и узкоспециальная лексика. В толковые словари большая часть узкоспециальных терминов не попадает, но если эти термины туда включены, то имеют особые пометы (*спец.*, *анат.*, *биол.*, *мед.*), указывающие на их специальный характер. Полно и подробно термины, принадлежащие к той или иной отрасли знаний, представлены в соответствующих отраслевых энциклопедических словарях.

Границы медико-педагогической сферы между узкоспециальными терминами и общенаучной лексикой очень изменчивы. Происходит постоянное передвижение части узкоспециальных терминов (*middle ear*, *sign language*, *speech disorder*) в общеупотребительные, которые уже могут осознаваться неспециалистами как нетерминологические, хотя они остаются терминами в специальной области терминологической системы и отвечают всем требованиям, предъявляемым к терминологической лексике [6].

Будучи динамической частью словарного состава общелитературного языка, медико-педагогическая терминосистема соответствует современному уровню развития общества. Границы терминосистем являются условными, так как часто происходит миграция терминологических единиц из одной терминосистемы в другую (*hearing disorder*, *speech processor*, *speech disorder*, *interpreting*, *auditory-verbal approach*). Основной отличительной чертой терминологии предметной области и терминосистемы является то, что терминосистема включает в себя все имеющиеся в данной предметной сфере термины.

Все изменения, которые фиксируются исследователями медико-педагогической терминосистемы, нашли отражение в терминологии по кохлеарной имплантации. Она еще находится на этапе формирования, поэтому следует говорить о терминологии, а не о терминоси-

стеме. Терминология – это совокупность терминов, используемых в определенной области знания или производства, а также учение об образовании, составе и функционировании терминов [7].

Любая терминология – это часть общей лексико-семантической системы языка, следовательно, в ней присутствуют все структурные типы слов и все семантические процессы, присущие лексике вообще [8].

К признакам терминологии можно отнести:

- принадлежность к определенной области знания,
- принадлежность к определенной замкнутой и строгой системе в рамках данной области знаний,
- соотносительность с определенным понятием [9].

Терминосистема, по мнению В.М. Лейчика, представляет собой «сложное иерархическое образование, состоящее из слов и словосочетаний, выполняющих функции терминов – элементов терминосистемы; элементами терминосистемы служат лексические единицы (слова и словосочетания) определенного языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура в целом адекватна структуре системы понятий данной теории» [Там же. С. 58].

В поддержку разграничения терминологии и терминосистемы В.М. Лейчик отмечает, что совокупности терминов могут формироваться стихийно или сознательно. Стихийно сложившаяся совокупность терминов предлагается называть терминологией, а сознательно сформированную – терминосистемой [Там же. С. 67].

Анализ англоязычных текстов по кохлеарной имплантации показывает, что благодаря своему активному развитию данная терминология постепенно развивается в терминосистему. В любой терминосистеме присутствуют различные группы терминологической лексики. Л.А. Капаназе [10] выделяет следующие:

- собственные термины, появившиеся в рамках данной терминологии; в исследуемой терминологии к ним относятся, например, *auditory training*, *expressive language*, *language disorders*;
- базовые термины, заимствованные из терминологии, которая образует фундамент данной области знания; в терминологии кохлеарной имплантации это термины медицины,

например: *hair cells, cochlear implant, outer ear, middle ear*;

- привлеченные термины, заимствованные из смежных областей знания, но являющиеся неотъемлемой частью терминосистемы; в исследуемой терминологии это термины таких областей, как педагогика (например: *education, testing, training, learning*), компьютерные технологии (например: *device programming, coding strategies, map, system*);

- общенаучные термины, имеющие одинаковую семантику во всех областях знания, но конкретизирующие эту семантику в составе данной терминосистемы; например, в терминологии кохлеарной имплантации *American Sign Language, inclusion, child development*.

Проводимое исследование устанавливает, что терминологические единицы по кохлеарной имплантации подразделяются на три тематические группы, которые выделяются на основании разного характера терминологических единиц, составляющих основной корпус текстов данной тематики. Содержание каждой из этих тематических групп отражает специфику предметной деятельности. Главным когнитивным основанием выделения ведущих тематических блоков в терминологии кохлеарной имплантации является наличие терминов, связанных с определенной областью исследования, особенности их перевода на русский язык.

В составе трех основных тематических групп выделяются:

- терминологические единицы из области медицины (строение ушной раковины и потеря слуха): *cochlea, cochlear implant, outer ear, noise-induced hearing loss, mixed hearing loss, hearing disorder*;

- терминологические единицы из области специальной педагогики: *auditory training, total communication, expressive language*;

- терминологические единицы междисциплинарной области, включая терминологические единицы, отсутствующие в лексикографических источниках и не имеющие соответствий в переводе: *inclusion, mapping, coding strategies, measures to program the speech processor, evaluation process, enlarged vestibular aqueduct (EVA)*.

Результаты анализа свидетельствуют, что в их состав входят терминологические единицы, отражающие категории «объекта» и «процесса», встречающиеся во всех трех блоках. С точки

зрения перевода в лексических единицах категории «объекта» нами были выделены терминологические единицы, относящиеся:

- 1) к медицине: строение ушной раковины (*outer ear, eustachian tube, labyrinth, hair cells, round window*); нарушение и потеря слуха (*conductive hearing loss, mixed hearing loss, progressive hearing loss, hearing disorder, speech processor*);

- 2) специальной педагогике: специально-педагогическое обучение (*parent-infant program, speechreading (lipreading), total communication, child development*); специалисты для помощи в реабилитации детей (*educational consultant, speech-language pathologist, teacher of hearing impaired children*);

- 3) междисциплинарной области: междисциплинарный подход в обучении (*inclusion, device programming, air conduction (AC), FM system*); тесты для реабилитационного обучения (*auditory brainstem response (ABR) test, tympanometry (impedance testing), speech recognition or perception testing*).

Лексические единицы категории «процесса» подразделяются на две подгруппы: «процессы, осуществляемые пациентом» и «процессы, осуществляемые педагогом или родителями». В подгруппе «процессы, осуществляемые пациентом» присутствуют следующие лексические единицы:

- процессы развития (*development, understanding, imitation, evaluation*);

- процессы восприятия речи (*speech perception, speech recognition, reaction, observation*);

- процессы обучения (*learning, building simple words, phrase interpretation*).

Подгруппа «процессы, осуществляемые педагогом или родителями» подразделяется:

- на процессы развития восприятия окружающего мира (*support, examine, train, encourage, develop, communicate, play, stimulate, attract*);

- процессы развития невербальных функций (*motion activity, attention, memory, imagination, thinking, will and emotions*).

Распределение терминологических единиц на тематические группы помогает объединить и структурировать выбранные терминологические единицы. Из сложившихся терминосистем медицины и специальной педагогики были выделены термины кохлеарной имплантации, находящейся на стыке этих терминосистем. Данные терминологические единицы являются

основой терминологии, формирующейся в терминосистему. Они употребляются в конкретной области знаний и функционируют в частных, более узких областях той же сферы деятельности. В развивающейся англоязычной терминологии присутствуют такие же ядерно-периферийные отношения, как и в терминосистеме:

- ядро терминосистемы составляют терминологические единицы предельно широкой тематики, максимально частого и общего употребления (*outer ear, middle ear, inner ear, hearing loss, speech processor*);

- центр состоит из лексических единиц и их сочетаний, максимально широко реализующих семантику основных понятий и объектов отрасли (*cochlear, cochlear implant, American Sign Language, inclusion, incidental learning*);

- к периферии относятся термины узкой специализации, сфера использования которых невелика (*noise-induced hearing loss, auditory training, auditory-verbal approach*).

Таким образом, наличие тематических групп придает семантическую связность терминологии по кохлеарной имплантации. Ее

системность проявляется в единообразном варианте употребления терминологических единиц, а динамика ее семантической структуры – в возникновении новых терминов, актуальных для научных исследований. Стоит еще раз отметить, что главный признак терминосистемы как искусственно сконструированной модели – это системность и строгая логическая взаимосвязь между элементами этой системы. Следовательно, становится очевидным, что терминология по кохлеарной имплантации имеет все шансы стать терминосистемой благодаря развитию такой взаимосвязи между терминологическими единицами, а также упорядочению терминологии таким образом, чтобы каждому термину соответствовало одно понятие. Работа над текстами по кохлеарной имплантации, разработанными в США и Великобритании, анализ основной части ее терминологии, а также прочное закрепление и активное использование терминологических единиц определяют дальнейшие пути развития новой терминологии и ее преобразования в терминосистему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Авербух К.Я.** Общая теория термина. Иваново, 2004. 252 с.

2. **Кантор И.М.** Понятийно-терминологическая система педагогики: логико-методологические проблемы. М.: Педагогика, 1980. 158 с.

3. **Комаровский Б.Б.** Русская педагогическая терминология. М.: Просвещение, 1969. 311 с.

4. **Коршунова Н.Л.** Методологические условия однозначности терминов в педагогическом исследовании. М.: Наука, 1990. 20 с.

5. **Мишланова С.Л.** Медицинские метафоры: образование и культура // От слова к тексту: материалы докладов Междунар. науч. конф. Мн.: Изд-во МГЛУ, 2000. С. 54–112.

6. **Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.** Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.

7. **Ахманова О.С.** Терминология лингвистическая // Лингвист. энцикл. словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 509 с.

8. **Герд А.С.** Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. М.: Наука, 1980. 105 с.

9. **Лейчик В.М.** Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 309 с.

10. **Капанадзе Л.А.** Термины и их функционирование. М.: Наука, 1982. 74 с.

E.E. Koryukina

THE WAYS OF CONVERTING TERMOLOGY INTO A SYSTEM OF TERMS (based on English terminology of cochlear implantation domain)

KORYUKINA Ekaterina E. — *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moyka, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: ekaterina.koryukina@gmail.com

Abstract

The article deals with the English terminology as exemplified by cochlear implantation terminology being at the final stage of formation. The aim of the terminology analysis is revelation of the chosen terminology peculiarities. The consistency and the strict logical interdependence of the terms demonstrate the development of the cochlear implantation terminology into a system of terms as a deliberately formed unity. The novelty is determined by the growing interest to the research of the terms linguistic characteristics as a whole, by the absence of linguistic research works on the English cochlear implantation terminology and the relevance of its description and classification.

Keywords

TERM; TERMINOLOGY; TERM SYSTEM; STRUCTURE; DEVELOPMENT; COCHLEAR IMPLANTATION.

REFERENCES

1. Averbukh K.Ya. *Obshchaya teoriya termina* [The general term theory]. Ivanovo, 2004. 252 p. (In Russ.)
2. Kantor I.M. *Ponyatiyno-terminologicheskaya sistema pedagogiki: logiko-metodologicheskiye problemy* [Pedagogical concept and term system: logical-metodological problems]. Moscow, Pedagogika Publ., 1980. 158 p. (In Russ.)
3. Komarovskiy B.B. *Russkaya pedagogicheskaya terminologiya* [Russian pedagogical terminology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 311 p. (In Russ.)
4. Korshunova N.L. *Metodologicheskiye usloviya odnoznachnosti terminov v pedagogicheskom issledovanii* [Methodological conditions of terms monosemy in the pedagogical research]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 20 p. (In Russ.)
5. Mishlanova C.L. *Medsitsinskiye metafory: obrazovaniye i kultura* [Medical metaphores: education and culture]. *Ot slova k tekstu: materialy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [From word to text. Proc. of the int. science conf.]. Minsk, MGLU Publ., 2000. Pp. 54–112. (In Russ.)
6. Alekseyeva L.M., Mishlanova S.L. *Medsitsinskiy diskurs: teoreticheskiye osnovy i printsipy analiza* [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analyse]. Perm', Perm. Univ. Publ., 2002. 200 p. (In Russ.)
7. Akhmanova O.S. *Terminologiya lingvisticheskaya* [Linguistic terminology]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedia]. Moscow, 1990. 509 p. (In Russ.)
8. Gerd A.S. *Terminologicheskoye znacheniy i tipy terminologicheskikh znacheniy* [Term concept and types of term concepts]. *Problematika opredeleniy terminov v slovaryakh raznykh tipov* [The problems of term identification in different dictionaries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 105 p. (In Russ.)
9. Leychik V.M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 309 p. (In Russ.)
10. Kapanadze L.A. *Terminy i ikh funktsionirovaniye* [Terms and their functions]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 74 p. (In Russ.)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 2 (196) 2014

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru